

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities



RSUH / RGGU BULLETIN

№ 3 (13)

Academic Journal

Series:

Economics. Management. Law

Moscow

2018

ВЕСТНИК РГГУ

№ 3 (13)

Научный журнал

Серия
«Экономика. Управление. Право»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Ключанов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаи (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шакелина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Экономика. Управление. Право»

Редакционная коллегия серий

Н.И. Архипова, гл. ред., д-р экон. н., проф. (РГГУ), Н.В. Овчинникова, зам. гл. ред., д-р экон. н., проф. (РГГУ), В.А. Умнов, зам. гл. ред., д-р экон. н., проф. (РГГУ), С.В. Тимофеев, зам. гл. ред., д-р юрид. н., проф. (РГГУ), Т.М. Алиева, отв. секретарь, канд. экон. н., доц. (РГГУ), Л.И. Глухарева, д-р юрид. н., проф. (РГГУ), К.В. Екимова, д-р экон. н., проф. (РЭУ им. Г.В. Плеханова), В. Жеков (Ин-т стимулирования экономики, Болгария), М.Н. Илюшина, д-р юрид. н., проф., (Российский государственный университет юстиции), О.А. Рузакова, д-р юрид. н., проф. (Комитет по государственному строительству и законодательству. Государственная Дума РФ), И.И. Родионов, канд. экон. н., доц. (НИУ «Высшая школа экономики»), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша)

Ответственные за выпуск: И.М. Поморцева, канд. экон. наук, доц. (РГГУ)
Т.М. Алиева, канд. экон. наук, доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Управление

Ю.Ю. Шитова, Ю.Ю. Шитов, М. Кокорев

Сравнительный анализ деятельности вузов
на основании данных из социальных сетей 9

С.В. Назайкинский

Актуальные проблемы трансформации
обучения персонала в организации 23

Г.Е. Кедрова, В.В. Муромцев

Особенности реализации образовательных онлайн-курсов
в мультязычном и поликультурном пространстве 35

Экономика

К.В. Екимова, А.А. Алиев, М.С. Гордиенко

Факторы влияния санкций на экономическое развитие России 51

Л.А. Корчагова, С. А. Корчагов

Влияние наукоемкости и инноваций
на развитие экономики в России 64

В.А. Умнов, А.А. Плюхина, М.В. Матвеев

Анализ системы государственной поддержки
социального предпринимательства в России 77

А.В. Никонова, Н.Н. Торопова

Проблемы и способы повышения эффективности
при осуществлении процесса отбора персонала 90

Право

И.Н. Крапчатова

Социально-криминологическая характеристика преступлений,
совершенных в отношении лиц, осуществляющих правосудие
и предварительное расследование 103

В.Ф. Калина, А.В. Милохова

Гражданско-правовой принцип добросовестности
как этическая и правовая категория 125

Е.С. Смольянинов, М.Ю. Воронин

Проблемы реализации уголовной политики
по противодействию преступлениям
в сфере высоких технологий 134

CONTENTS

Management

- Yu. Shitova, Yu. Shitov, M. Kokorev*
Comparative analysis of the activity of higher education institutions (HEI)
on the basis of data from social networks 9
- S. Nazaikinsky*
Current issues of transformation in personnel training
in organizations 23
- G. Kedrova, V. Muromtsev*
Features of the implementation of online educational courses
in the multilingual and multicultural space 35

Economics

- K. Ekimova, A. Aliev, M. Gordienko*
Factors of the sanctions impact
on the economic development of Russia 51
- L. Korchagova, S. Korchagov*
Impact of science-intensity and innovations
on the development of Russian economy 64
- V. A. Umnov, A. Plyukhina, M. Matveev*
An analysis in the system of state support
for social entrepreneurship in Russia 77
- A. Nikonorova, N.N. Toropova*
Problems and methods of efficiency increase
in implementation of personnel selection process 90

Law

I. Krapchatova

Socio-criminological characteristics of the crimes committed
against persons administering justice and preliminary investigation 103

V. Kalina, A. Milokhova

Civil law principle of good faith as an ethical and legal category 125

E. Smolyaninov, M. Voronin

Problems of implementation of the criminal policy
on combating high-tech offenses 134

УДК 378:338.2

DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-9-22

Сравнительный анализ деятельности вузов на основании данных из социальных сетей

Юлия Ю. Шитова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yu_shitova@mail.ru*

Юрий Ю. Шитов

*Объединенный институт ядерных исследований,
Россия, Московская обл., Дубна, shitov@jinr.ru*

Максим С. Кокорев

*Университет «Дубна»,
Россия, Московская обл., Дубна, kokms.11@gmail.com*

Аннотация. В работе проведен сравнительный анализ социально-экономической деятельности университета «Дубна» (7000 человек) и РГГУ (38 500 человек) на основании уникальных данных, извлеченных из сети ВКонтакте при помощи оригинального программного обеспечения. Исследованы структура и временная динамика ряда показателей: демографии обучающихся; географии приезда студентов, распределения по направлениям обучения в гендерном разрезе. Обсуждаются различия в развитии регионального и московского вузов, выявленные в ходе анализа. В заключении раскрыты перспективы развития методики.

Ключевые слова: социально-экономическая деятельность вуза, BigData, социальные сети, онлайн-данные, сравнительный анализ, демография студентов, география студентов

Для цитирования: Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.Ю., Кокорев М.С. Сравнительный анализ деятельности вузов на основании данных из социальных сетей // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 9–22. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-9-22

Comparative analysis of the activity of higher education institutions (HEI) on the basis of data from social networks

Yulia Yu. Shitova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, yu_shitova@mail.ru

Yuri Yu. Shitov

Joint Institute for Nuclear Research, Russia, Moscow Region, Dubna, shitov@jinr.ru

Maxim S. Kokorev

University of Dubna, Dubna, Moscow Region, Russia, kokms.11@gmail.com

Abstract. In this paper, a comparative analysis of the socio-economic activities of the University of Dubna (7000 people) and the Russian State University for the Humanities (38500) was carried out on the basis of unique data extracted from the VKontakte network with the help of original software. The structure and temporal dynamics of a number of indicators are studied: the students demographics; the geography of the students arrival, the distribution of studying directions in terms of gender. Differences in the development of regional and Moscow HEI revealed during the analysis are discussed. In conclusion, the prospects for the development of the methodology are disclosed.

Keywords: social and economic activity of the HEI Big Data, social networks, online data, comparative analysis, student demographics, student geography

For citation: Shitova YuYu., Shitov YuYu., Kokorev MS. Comparative analysis of the activity of higher education institutions (HEI) on the basis of data from social networks. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series.* 2018;3(13):9-22. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-9-22

Введение

Современное общество вступило в новую информационную эпоху развития, в которой все большее количество общественных коммуникаций осуществляется онлайн. Современные люди проводят все большую часть времени в Интернете, генерируя большое количество информации, так называемой BigData (Большие данные). Ценность этих данных трудно переоценить, они представляют главную ценность ведущих интернет-компаний с оборотами в миллиарды долларов (Гугл, Яндекс, Фейсбук, Амазон и др.). Анализ этой информации позволяет детально изучать поведение пользователей, их привычки, интересы, черты характера и т. п. Использование этой информации вооружает нас недоступными

ранее знаниями, с помощью которых можно революционно изменить жизнь общества как в лучшую сторону – улучшения стандарта жизни, так и в худшую – манипуляции массовым сознанием. Подтверждением второго положения является развивающийся сейчас скандал между Фейсбуком и «Кэмбридж Аналитикой», в котором данные о 87 млн пользователей ФБ были использованы в предвыборной кампании Дональда Трампа для влияния на результаты президентских выборов США в 2017 году [1]. Скандал стоил ФБ 60 млрд прямых потерь в капитализации, не считая возможных будущих штрафов от правительств США, Британии и ЕС. Уровень обсуждения и размер потерь еще раз ярко подчеркивает решающее значение BigData для современной цифровой экономики. Следует отметить, что скандалы подобного рода в целом негативно сказываются на свободе накопления и использования BigData для полезных и позитивных целей. А таких примеров также много. Прежде всего речь идет о контекстной рекламе, являющейся главным источником дохода многих интернет-компаний. В более широком смысле анализ BigData развился в целую индустрию DataScience, задачей которой является анализ и обработка BigData с целью обнаружения закономерностей, функционала, характерных особенностей, которые позволят фирмам различного профиля оптимизировать их бизнес-процессы.

Предметом нашего интереса является исследование активности студентов и выпускников вузов в социальных сетях. Анализ литературы показывает, что в последние два года появились десятки работ, посвященных этой тематике. Прежде всего вузы интересуют использование социальных сетей как инструмента для контакта и продвижения учебного заведения среди своей целевой аудитории – будущих студентов [2–4]. Другое перспективное направление – использование социальных сетей для учебных целей, исследование активности студенческих сообществ [5, 6]. Наконец, полезную для вуза информацию можно извлекать из активности выпускников, к примеру исследовать профильность их трудоустройства в статике и динамике [7]. Целый ряд работ посвящен специфике работы с данными социальных сетей: этическими проблемами автоматического сбора данных [8], актуально проявившимися в скандале с ФБ, вопросом достоверности данных [9], вносящим систематические погрешности.

Настоящая работа является логическим развитием предыдущего исследования, посвященного анализу деятельности вуза на основании уникальных данных 7000 студентов Университета «Дубна» (УД), полученных из социальной сети ВКонтакте (ВК) [10]. Пользуясь той же методикой, из ВК были извлечены и проанали-

зированы данные 38 500 студентов и выпускников Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). В данной работе проведен сравнительный анализ двух вузов, результаты которого представлены далее.

Методика сбора данных

Методика сбора данных представлена в предыдущей работе [10], ограничимся здесь ее кратким изложением. Общая схема получения данных представлена на рис. 1. Для извлечения данных из сети ВК [11] использовалась специально написанная программа с графическим интерфейсом, через который пользователь в полуавтоматическом режиме мог загружать из сети ВК данные с определенным фильтром (в данном случае принадлежность к конкретному вузу).

Для каждого пользователя из ВК извлекались следующие данные: ФИО, пол, возраст, дата рождения, страна, город рождения, текущий город проживания, место обучения, год окончания обучения, факультет, кафедра/направление. Отдельной проблемой был обход ограничений на количество и скорость извлекаемой информации в автоматическом режиме, чтобы избежать блокирования программы со стороны ВК.



Рис. 1. Схема извлечения данных.

Пользователь с персонального компьютера (UserPC) через программу с графическим интерфейсом (GUI) извлекает данные из ВК, используя ее открытый программный интерфейс (OpenAPI)

В итоге нам удалось собрать данные об 7000/38 500 студентов и выпускников Университета «Дубна» и РГГУ соответственно. Результаты сравнительного анализа полученных данных представлены в следующем разделе.

Результаты анализа

Структура полученных данных позволяет провести социально-экономический анализ студентов в нескольких направлениях, каждое из которых представлено далее в отдельных параграфах.

География студентов

Мониторинг географии поступающих и ее временной динамики имеет важное значение для вуза при правильной оценке своей целевой аудитории, организации и координации рекламной и маркетинговой деятельности по привлечению будущих абитуриентов. Данные, извлекаемые из социальных сетей, позволяют проводить такой мониторинг. География студентов представлена в таблице. Из нее видно, что география студентов в Университете «Дубна» значительно более диверсифицирована.

В Университете «Дубна» (УД) представлены четыре большие группы студентов. Две наибольшие доли составляет Дубна (немногом более 40%) и Московская область (МО) (~37%). Две меньшие группы составляют Тверская область (ТО) и Москва (суммарно почти 20%). В РГГУ доминируют москвичи (70%) при доле немосквичей чуть более 20%. Отметим, что количество студентов, не указавших родной город, примерно одинаково и составляет ~10%.

Таблица

География студентов и выпускников исследуемых вузов

Университет Дубна			РГГУ		
Место	чел.	%	Место	чел.	%
Дубна	3228	31,6	Москва	26878	75
Московская обл.	26878	75			
Москва	891	8,7			
Тверская обл.	742	7,3			
Остальная Россия	601	5,9	Остальная Россия	8153	22,7
Нет данных	893	8,7	Нет данных	3502	9,1
<i>Итого</i>	10218	100,0	<i>Итого</i>	38533	100,0

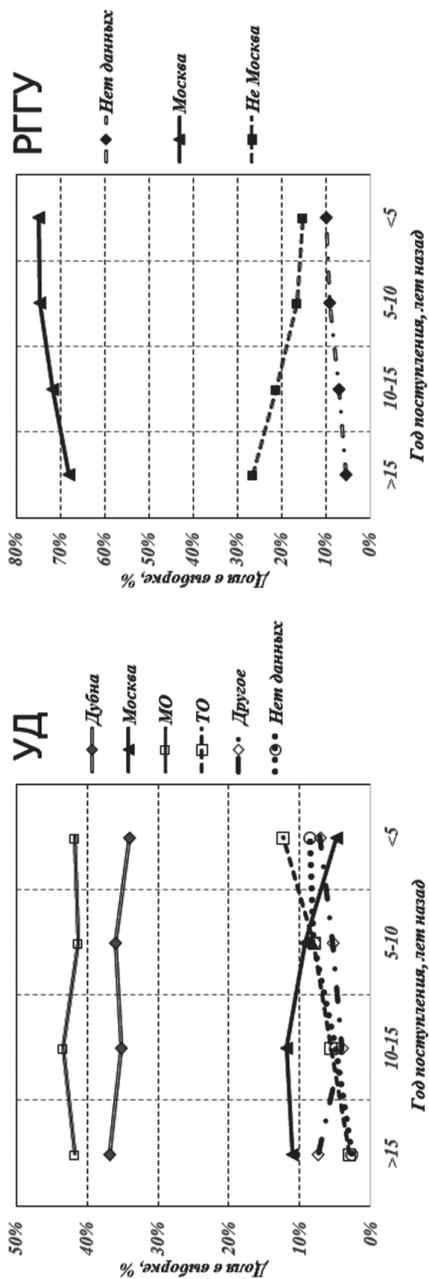


Рис. 2. Динамика географии поступающих Университета «Дубна» (слева) и РГГУ

Временная динамика географии студентов показана в таблице. Из нее видно, что доля крупнейших групп студентов в УД практически не меняется – УД остается учебным заведением жителей Дубны и МО. Однако остальные две группы показывают заметную динамику. Стабильно снижается доля москвичей (более чем в два раза, с 11% до 5%), которые замещаются студентами из ТО, доля которых выросла в 4 раза, с 3% до 12%. РГГУ становится все более московским вузом – доля москвичей увеличилась с 68% до 75%, а доля немосквичей упала почти в два раза: с 27% до 15%.

Тем самым налицо тенденция дальнейшей концентрации московских выпускников в московских вузах. В то время как абитуриенты не из Москвы выбирают регионально близкие сильные вузы, как это происходит с жителями ТО, обучающимися в УД.

Демография

Возраст. Возрастное распределение студентов УД и РГГУ согласно заявленному ими возрасту показано на рис. 4 слева.

Из него видно, что основной возрастной контингент, представленный в Сети, – 20–40 лет. При этом студенты и выпускники УД гораздо моложе (повышенное представительство в диапазоне 20–25 лет), что связано с молодостью самого УД, который существует всего лишь 23 года. Ядро РГГУ с его гораздо большей историей составляют студенты и выпускники в возрасте почти 30 лет, при этом виден длинный правый хвост больших возрастов. Еще один показатель, демонстрирующий «возраст» вуза, – представительство (доля) студентов и выпускников в Сети в зависимости от года поступления, показанное на рис. 5. УД – молодой и растущий вуз, поэтому его онлайн-аудитория представлена преимущественно молодежью, выпускников с большим стажем очень мало (растущая сплошная кривая). В противовес ему возрастной РГГУ, обладая большим пулом выпускников среднего возраста, показывает пик в этом диапазоне (пунктирная кривая).

Пол. На рис. 3 справа показана возрастная структура студентов РГГУ в гендерном разрезе. Между гистограммами наблюдается заметный сдвиг: женщины «моложе» мужчин. Это видно и для респондентов 20–30 лет, и возрастное правостороннее асимптотическое смещение у мужчин заметно больше. На наш взгляд, этот эффект связан с тем обстоятельством, что девушки указывают в профиле ВК меньший возраст, чем есть на самом деле. Другой эффект той же природы связан с указанием или не указанием возраста в профиле. Распределение этого показателя показано

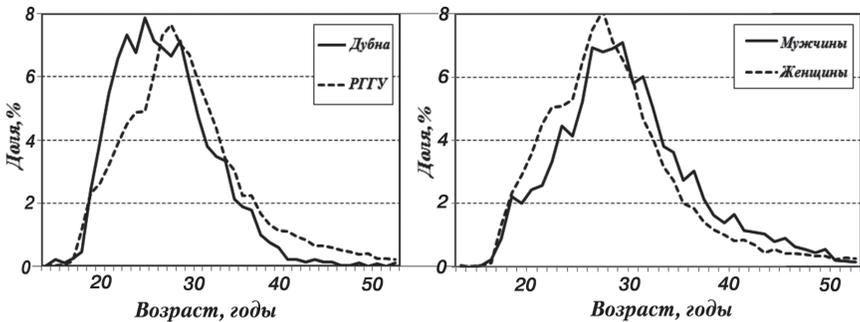


Рис. 3. Распределение студентов и выпускников по возрасту
 Слева: Университет «Дубна» против РГГУ
 Справа: состав РГГУ в гендерном разрезе

на рис. 5. Из него видно, что доля девушек, не указывающих возраст в профиле, выше, чем у мужчин (60% против 50%). Причем это соотношение одинаково для обоих вузов, что говорит в пользу общей гипотезы: девушки склонны занижать или не указывать возраст в профиле социальных сетей. Эти эффекты важны для учета систематических погрешностей при использовании персональных данных, извлеченных из социальных сетей.

Гендерная динамика студентов показана на рис. 6. Из него очевидно, что тенденции в исследуемых вузах кардинально противоположны. РГГУ становится все более женским: доля женщин за последнюю декаду выросла в два раза. В противоположность ему в УД немного, но стабильно увеличивается доля мужчин.

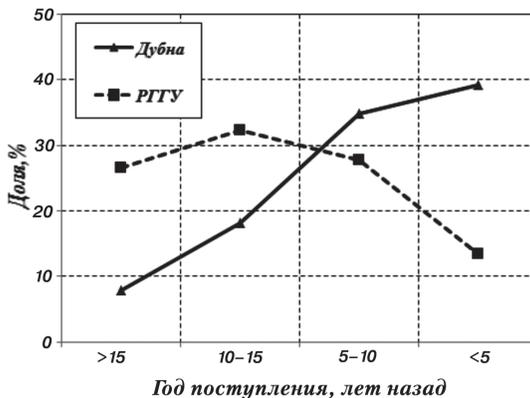


Рис. 4. Представительство в Сети по времени поступления

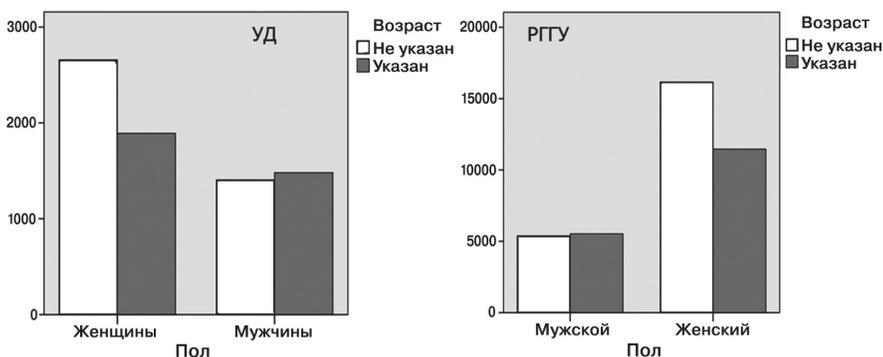


Рис. 5. Открытость данных по возрасту. Слева – УД, справа – РГГУ

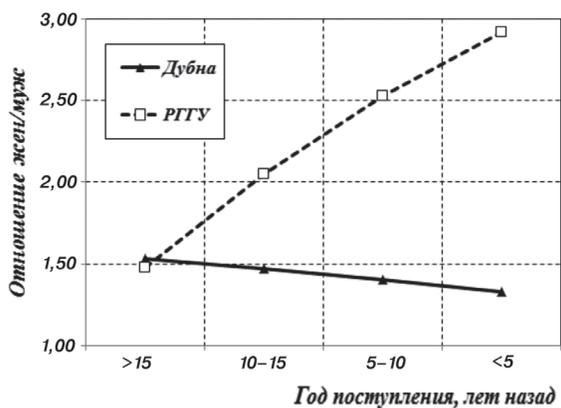


Рис. 6. Динамика гендерной структуры студентов

Направление обучения

Еще один важный показатель деятельности вуза – востребованность тех или иных направлений (специализаций) обучения, структура и динамика обучающихся по специализациям с учетом дополнительных параметров, к примеру пола. Структура и динамика студентов в разрезе профиля обучения и пола представлены на рис. 7. Из него видны ожидаемые результаты по гендерной специфике популярности направлений. Мужчины УД предпочитают информационные технологии (ИТ) и естественно-

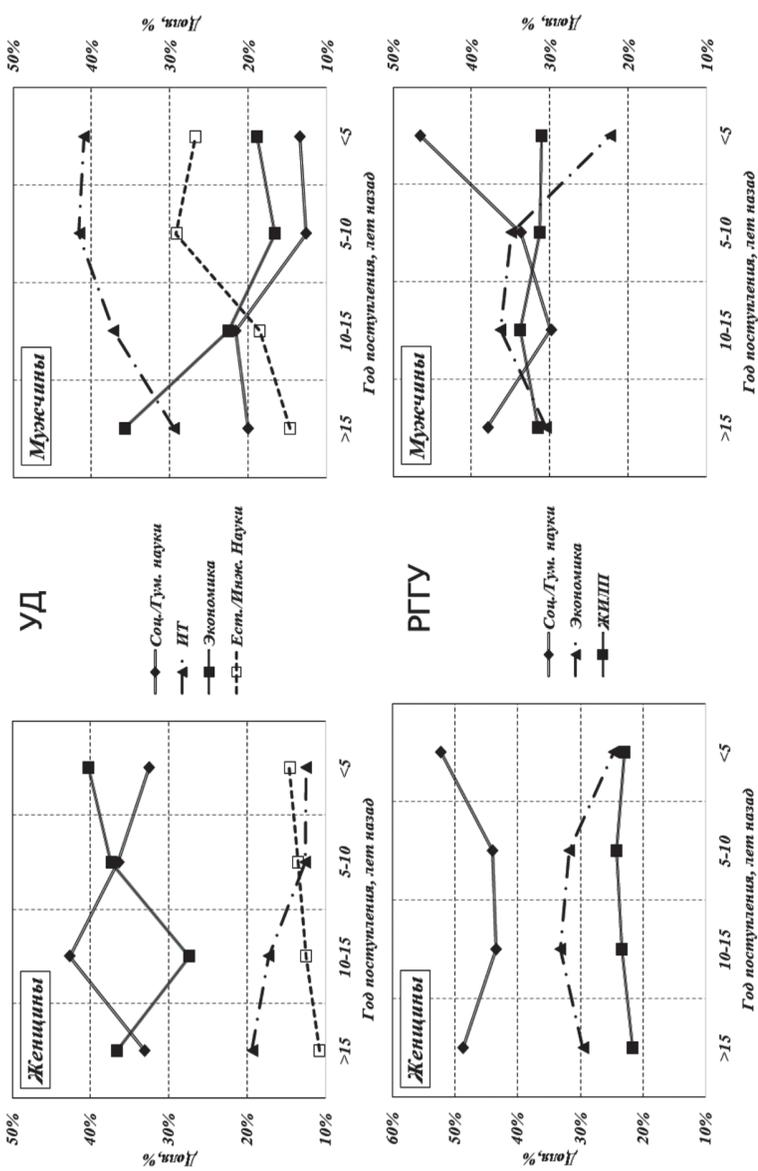


Рис. 7. Динамика выбора направления обучения студентами Университета «Дубна» (сверху) и РГГУ (снизу): женщины – слева, мужчины – справа

инженерные специальности, и этот тренд усиливается по времени при соответствующем уменьшении интереса к социально-гуманитарным и экономическим дисциплинам, усиливающимся во времени. И практически противоположное поведение наблюдается у женщин УД. Они предпочитают экономические, социальные и гуманитарные дисциплины при меньшем внимании к остальным дисциплинам. Временным трендом является снижение интереса к ИТ и небольшой рост интереса к естественно-инженерным направлениям, хотя абсолютная доля женщин тут остается относительно малой.

Отметим общее снижение интереса обоих полов УД к социальным и гуманитарным дисциплинам.

В РГГУ мы видим противоположную тенденцию: стабильно растет доля социально-гуманитарного направления, причем за счет уменьшения обучающихся экономическим специальностям. Доля остальных направлений ЖИЛП (журналисты, ИТ, лингвисты, право) остается стабильной и не зависит от пола.

Столь различное поведение студентов в отношении социально-гуманитарных наук, на наш взгляд, объясняется двумя противоречивыми факторами воздействия. С одной стороны, выпускники этого направления в целом менее востребованы и получают меньшие зарплаты по сравнению с выпускниками других специальностей. С другой стороны, социально-гуманитарный профиль традиционно является главным направлением в РГГУ, куда вкладываются основные деньги и где наработан наибольший опыт. Поэтому на фоне кризиса финансирования можно предположить, что РГГУ пытается сконцентрироваться на обучении профильных направлений.

Заключение

В настоящем исследовании мы продолжили развивать оригинальную методiku социально-экономического анализа деятельности вуза на основании данных, извлеченных из сети ВКонтакте при помощи специально разработанного программного обеспечения. Проведен сравнительный анализ 7000 и 38 500 студентов и выпускников Университета «Дубна» и РГГУ соответственно. Исследованы структура и временная динамика демографии студентов, географии их приезда, направления обучения в гендерном разрезе. Выявлены различия в формировании и динамики развития регионального и столичного вузов.

Предлагаемая методика сбора и анализа онлайн-данных имеет широкие перспективы дальнейшего развития. Во-первых, она может быть легко масштабирована на больший масштаб, охват всех российских вузов на основании разработанного технического инструментария. Во-вторых, анализ может быть существенно углублен за счет анализа не только профилей студентов и выпускников, но и анализа их активности в сети (публикаций, связей в сообществе и т. д.). Эти методики и инструментарий для них уже появляются и используются в научных исследованиях.

В целом следует отметить тот факт, что анализ BigData является приоритетным и востребованным направлением развития науки и бизнеса, а настоящая работа следует этому современному тренду.

Литература

1. *Meredith S.* Facebook-Cambridge Analytica: A timeline of the data hijacking scandal [Электронный ресурс] CNBC online, 10 April 2018. URL: <https://www.cnbc.com/2018/04/10/facebook-cambridge-analytica-a-timeline-of-the-data-hijacking-scandal.html> (дата обращения 15 августа 2018).
2. *Ромм М.В., Заякина Р.А.* Сетевые сообщества с участием вуза: сложившиеся практики социального взаимодействия // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 28–36.
3. *Wolski K.* How to Effectively Promote Universities and Research Institutes in the Network? Psychological Mechanisms of E-Marketing Effectiveness // MINIB [Электронный ресурс]. 2015. Vol. 16. Issue 2. P. 67–90. URL: <https://doi.org/10.14611/minib.16.02.2015.07> (дата обращения 15 августа 2018).
4. *Rutter R., Roper S., Lettice F.* Social media interaction, the university brand and recruitment performance // Journal of Business Research [Электронный ресурс]. 2016. Vol. 69. Issue 8. P. 3096-3104. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2016.01.025> (дата обращения 15 августа 2018).
5. *Разгон А.В., Винникова А.Б.* Сравнительная оценка активности сообществ в социальных сетях вузов г. Барнаула по экономическим направлениям подготовки // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2016. № 1 (43). С. 100–104.
6. *Peruta A., Alison B.* Shields Social media in higher education: understanding how colleges and universities use Facebook // Journal of Marketing for Higher Education [Электронный ресурс]. 2017. Vol. 27. Issue 1. P. 131–143. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/08841241.2016.1212451> (дата обращения 15 августа 2018).
7. *Павлова О.Н., Казин Ф.А., Бутаков Н.А.* Профильность трудоустройства выпускников вузов: анализ данных социальных сетей // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 3 (109). С. 38–56.
8. *Alim S.* Automated Data Extraction from Online Social Network Profiles: Unique Ethical Challenges for Researchers // International Journal of Virtual Communities and Social Networking. 2013. № 5 (4). Article 2. 19 p.

9. *Смирнов И.Б., Сивак Е.В., Козьмина Я.Я.* В поисках утраченных профилей: достоверность данных «ВКонтакте» и их значение для исследований образования // *Вопросы образования*. 2016. № 4. С. 106–122.
10. *Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А., Кокорев М.С.* Социально-экономический анализ деятельности вуза на основе данных из социальных сетей // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2017. № 3 (9). С. 50–60.
11. Сеть ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com> (дата обращения 15 августа 2018).

References

1. *Meredith S.* Facebook-Cambridge Analytica. A timeline of the data hijacking scandal [Internet]. CNBC online. 10 April 2018. URL: <https://www.cnbc.com/2018/04/10/facebook-cambridge-analytica-a-timeline-of-the-data-hijacking-scandal.html> (data obrashcheniya 15 Aug. 2018).
2. Romm MV., Zayakina RA. Network communities with the participation of the university. Established practices of social interaction. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2006;11:20-36. (In Russ.)
3. Wolski K. How to effectively promote Universities and research Institutes in the Network? Psychological mechanisms of E-Marketing Effectiveness. *MINIB* [Internet]. 2015;16(2):67-90. URL: <https://doi.org/10.14611/minib.16.02.2015.07> (data obrashcheniya 15 Aug. 2018).
4. Rutter R., Roper S., Lettice F. Social media interaction, the university brand and recruitment performance. *Journal of Business Research* [Internet]. 2016;69(8):3096-3104. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2016.01.025> (data obrashcheniya 15 Aug. 2018).
5. Razgon AV., Vinnikova AB. Comparative assessment of the communities activity in social networks of universities in Barnaul in the economic training areas. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*. 2016;1(43):100-104. (In Russ.)
6. Peruta A., Alison B. Shields Social media in higher education: understanding how colleges and universities use Facebook. *Journal of Marketing for Higher Education* [Internet]. 2017;27(1):131-43. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/08841241.2016.1212451> (data obrashcheniya 15 Aug. 2018).
7. Pavlova ON., Kazin FA., Butakov NA. The graduates employment profile. Analysis of social networks data. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2017;3(109):38-56. (In Russ.)
8. Alim S. Automated Data Extraction from Online Social Network Profiles: Unique Ethical Challenges for Researchers. *International Journal of Virtual Communities and Social Networking*. 2013;5(4). Article 2. 19 p.
9. Smirnov IB., Sivak EV., Koz'mina YaYa. Looking for the lost profiles. The accuracy of the "Vkontakte" data and its significance for educational studies. *Voprosy obrazovaniya*. 2016;4:106-22. (In Russ.)
10. Shitova YuYu., Shitov YuA., Kokorev MS. The university activity socio-economic analysis based on the data from social networks. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 2017;3(9):50-60. (In Russ.)
11. VKontakte network [Internet]. URL: <http://vk.com> (data obrashcheniya 15 Aug. 2018). (In Russ.)

Информация об авторах

Юлия Ю. Шитова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; yu_shitova@mail.ru

Юрий Ю. Шитов, кандидат физико-математических наук, Объединенный институт ядерных исследований, Московская область, Дубна, Россия; 141980, Россия, Московская обл., Дубна, ул. Жолио Кюри, 6; shitov@jinr.ru

Максим С. Кокорев, аспирант, Университет «Дубна», Московская область, Дубна, Россия; 141982, Россия, Московская обл., Дубна, ул. Университетская, д. 9; kokms.11@gmail.com

Information about the authors

Yulia Yu. Shitova, Dr. in Economics, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; yu_shitova@mail.ru

Yuri Yu. Shitov, PhD in Physics and Mathematics, Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Moscow Region, Russia; bld. 6, Joliot Curie Street, Dubna, Moscow Region, Russia, 141980, shitov@jinr.ru

Maxim S. Kokorev, postgraduate student, University of Dubna, Dubna, Moscow Region, Russia; bld. 9, Universitetskaya Street, Dubna, Moscow Region, Russia, 141982; kokms.11@gmail.com

УДК 005.95
DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-23-34

Актуальные проблемы трансформации обучения персонала в организации

Святослав В. Назайкинский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mailto:2506539@mail.ru*

Аннотация. В статье приведены результаты проведенного автором исследования трансформации обучения персонала в современных условиях. Выявлены основные факторы, обуславливающие необходимость трансформации обучения персонала в организациях. В результате анализа статистических данных, мнений экспертов и результатов опросов консалтинговых компаний по теме исследования определены основные тенденции развития систем обучения, охарактеризованы проблемы внедрения новых методов и форматов обучения в практику отечественных организаций, а также показаны пути их решения.

Ключевые слова: управление персоналом, обучение персонала, онлайн-обучение, цифровые технологии, когнитивные компетенции

Для цитирования: Назайкинский С.В. Актуальные проблемы трансформации обучения персонала в организации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 23–34. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-23-34

Current issues of transformation in personnel training in organizations

Svyatoslav V. Nazaikinskiy

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, mailto:2506539@mail.ru

Abstract. The article presents results of the study conducted by the author in the transformation of staff training in modern conditions. It identifies the main factors that determine the need for the transformation of staff training in organizations. Following the analysis of statistical data, expert opinions and survey results of consulting companies on the research topic the author identifies the basic trends in the development of training systems, describes the issues of introducing new teaching methods and formats into the practice of domestic organizations, and also shows how to solve them.

Keywords: personnel management, staff training, online learning, digital technologies, cognitive competencies

For citation: Nazaikinskiy SV. Current issues of transformation in personnel training in organizations. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series.* 2018;3(13):23-34. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-23-34

Одним из основных трендов управления персоналом в современных условиях является трансформация обучения работников. Это обусловлено, с одной стороны, усилением роли квалификации персонала в повышении эффективности деятельности организации. Так, согласно результатам исследования «Study UK: DiscoverYou», успех компании лишь на 15% зависит от технического потенциала и на 85% от качества квалификации работников [1]. С другой стороны, необходимость трансформации обучения персонала обусловлена значительными изменениями на отечественном рынке труда и развитием цифровой экономики.

Анализ количественных и качественных характеристик населения Российской Федерации на основе статистических данных позволяет сделать вывод о снижении численности граждан трудоспособного возраста в общей структуре населения. Так, если на 1 января 2010 г. общая численность населения составляла 142 млн 857 тыс. человек, из которых 87 млн 983 тыс. человек находились в трудоспособном возрасте, то на 1 января 2018 г. из 146 млн 880 тыс. человек к категории «в трудоспособном возрасте» относилось только 82 млн 264 тыс. человек [2]. В условиях дефицита трудовых ресурсов особо актуальной является задача повышения производительности их труда, решение которой невозможно без повышения уровня квалификации работников, приобретения ими новых компетенций.

Особенностью современного рынка труда является дисбаланс спроса и предложения работников на рынке труда. Например, по данным Министерства труда и социальной защиты населения РФ, в качестве безработных в государственных службах занятости населения зарегистрировано около 900 тыс. человек, при этом количество вакансий, заявленных работодателями в органы службы занятости, составляет более 1 млн. Таким образом, при наличии достаточно большого количества вакансий часть безработных не может трудоустроиться, так как не обладает нужными знаниями и навыками.

Другим фактором, оказывающим значительное влияние на необходимость трансформации обучения персонала, является динамика смены профессий в современных условиях, активное внедрение новых технологий и техники в производственные и бизнес-процессы, роботизация и цифровизация экономики.

Необходимым условием эффективной работы в условиях технической и технологической модернизации является приобретение сотрудниками умений пользоваться новыми технологиями и навыками работы с новой техникой. При этом следует отметить, что эффективная профессиональная деятельность сотрудников в условиях постоянного изменения содержания трудовой деятельности

в современных условиях невозможна при наличии только профессиональных компетенций, формированию которых уделяется основное внимание в процессе традиционного обучения работников. Необходимо формирование у работников цифровых, социальных и когнитивных компетенций.

Вместе с тем, как показали результаты опроса, проведенного в начале 2018 г. специалистами консалтинговой компании PWC, в котором приняли участие члены Советов директоров ответственных компаний из 14 секторов экономики, именно отсутствие специалистов необходимой квалификации является в настоящее время одним из препятствий, которые затрудняют внедрение цифровых технологий (76% респондентов) [3].

Актуальной проблемой совершенствования обучения персонала является разработка специальных программ обучения для работников старшего возраста.

В октябре 2018 г. в России был принят закон о повышении пенсионного возраста мужчин до 65 лет и женщин до 60 лет. Чтобы обеспечить конкурентоспособность работников старшего возраста и эффективность профессиональной деятельности, необходимо организовать их обучение, так как большинство работников предпенсионного возраста не обладают необходимыми в современной экономике знаниями и навыками.

Решение этой проблемы возможно при разработке стратегии обучения данной категории персонала как на государственном уровне, так и на уровне отдельных организаций.

На государственном уровне в рамках федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение»» [4] предусматривается организация профессионального обучения граждан предпенсионного возраста, которые обращаются в Центры занятости населения с целью трудоустройства. Так, поданным Росстата, в 2017 г. было зарегистрировано 164,6 тыс. таких обращений, при этом порядка 50 % обратившихся нуждались в обновлении профессиональных знаний, умений и навыков. С января 2019 г. число лиц предпенсионного возраста увеличится в связи с реализацией пенсионной реформы.

В настоящее время Министерство труда и социальной защиты РФ подготовило проект «Программы мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования для граждан предпенсионного возраста в соответствии с востребованными в экономике навыками и компетенциями до 2024 года», согласно которому начиная с 2019 г. предусматривается ежегодное обучение не менее 75 тыс. граждан пред-

пенсионного возраста в течение трех месяцев за счет средств государственного бюджета. При этом во время обучения гражданам предпенсионного возраста предусматривается выплата стипендии в размере минимального размера оплаты труда.

При этом основной целью программы является не обучение лиц предпенсионного возраста новым профессиям, а повышение их квалификации, так как большинство работников предпенсионного возраста обладает необходимыми профессиональными компетенциями, но не имеет сформированных навыков и знаний, связанных с современными информационно-коммуникационными технологиями, с навыками преподавания и наставничества, с осуществлением контроля и учета, отчетности и информационного обмена.

Несмотря на несомненную актуальность и практическую значимость мероприятий по обучению лиц предпенсионного возраста, следует отметить, что до настоящего времени не разработаны специальные программы обучения лиц старшего возраста, не определены образовательные структуры, которые будут реализовывать эти программы, отсутствуют гарантии трудоустройства прошедших обучение граждан. Кроме того, ряд специалистов высказывают сомнения, что всем лицам предпенсионного возраста в профессиональной деятельности необходимы навыки наставничества и преподавания.

Государственная программа обучения лиц предпенсионного возраста ориентирована только на граждан, обратившихся в органы занятости населения, однако не менее актуальной является проблема обучения работающих граждан предпенсионного возраста. Решение данной проблемы возложено на организации.

Следует отметить, что в настоящее время в составе персонала организаций представлено четыре поколения работников: поколение «беби-бумеров» (1943–1963 годы рождения), поколение «X» (1964–1983 годы рождения), поколение «Y», или «миллениалы» (1984–1999 годы рождения) и поколение «Z» (2000 год рождения и позже). Объединение в одном трудовом коллективе представителей разных поколений, которые имеют разные ценностные установки, навыки и способы восприятия информации, когнитивные способности, обуславливает необходимость создания программ по работе с сотрудниками разных возрастных групп, включая их профессиональное развитие и удержание.

В настоящее время, по данным консалтинговой компании Deloitte [5], только в 14% российских компаний и в 20% зарубежных разработаны специальные программы обучения для представителей разных поколений, в частности для сотрудников старшего возраста, для сотрудников поколения «Y» и поколения «Z».

Таким образом, актуальной проблемой трансформации обучения персонала в организациях является выбор оптимальных методов и форм обучения персонала для работников – представителей разных поколений.

В настоящее время наряду с традиционными методами и формами обучения (лекции, тренинги, вебинары, электронные курсы, учебные видеофильмы и т. д.) в компаниях получили распространение новые форматы обучения. Например, в процессе адаптационного обучения сотрудников применяются такие методы, как «Shadowing» («быть тенью» – совместное проведение рабочего дня нового сотрудника с опытным специалистом), «Secondment» (временная ротация сотрудника в другое структурное подразделение для получения навыков), «Buddying» (прикрепление к новому сотруднику «buddy» (друга, партнера) для поддержки и помощи в период адаптации). Данные методы обучения помимо передачи знаний и умений новому сотруднику способствуют эффективному командообразованию, развитию корпоративной культуры.

С целью освоения новых форм взаимодействия работников в процессе трудовой деятельности, изменения установок в поведении могут применяться метафорические игры (метафора – сказка, притча, легенда, которая отражает проблематику отношений в бизнес-ситуациях). Данный метод обучения позволяет выработать у сотрудников навыки решения проблем и способствует развитию креативности сотрудников.

Однако в большинстве российских компаний наиболее часто для обучения персонала по-прежнему применяются традиционные методы, которые направлены в основном на формирование профессиональных компетенций (см. табл.).

Таблица [6]

Метод обучения	Российские компании, в процентах	Западные компании, в процентах
Модульное обучение	83	81
Дистанционное обучение	37	54
Наставничество	78	72
Рабочие группы	60	65
Метафорическая игра	45	15
Обучение методом Shadowing	1	71
Обучение методом Buddying	5	85
Обучение действием	56	70

В последние годы в крупных российских компаниях созданы корпоративные университеты, учебные порталы, содержащие электронные курсы (E-learning), системы электронного обучения. В процессе обучения стали использоваться социальные сети и геймификация. Благодаря быстрому развитию информационно-коммуникационных технологий появились и применяются на практике методы онлайн-обучения. Вместе с тем, как показал анализ практики обучения персонала в отечественных компаниях, часто онлайн-курсы представляют собой простой набор слайдов или презентацию по определенной теме, видеозапись традиционной лекции. Такой формат обучения ориентирован на пассивное восприятие обучающимися информации, что обеспечивает, как отмечают специалисты, усвоение не более 40% информации.

Решение данной проблемы может быть связано с применением в процессе онлайн-обучения новых методов, которые позволяют имитировать реальные производственные ситуации, управлять вниманием обучающихся и повышать их вовлеченность в процесс обучения.

Наиболее полный обзор современных методов обучения приведен в Энциклопедии форматов онлайн-обучения, которая подготовлена компанией Active Learning [7].

К новым форматам онлайн-обучения можно отнести скрайбинг, анимированную инфографику, обучающие 3D-игры, микрообучение, виртуальную и дополненную реальность, искусственный интеллект и машинное обучение и др.

Например, скрайбинг является методом динамической визуализации информации при помощи графических символов, что позволяет обучающимся увидеть полную картину взаимосвязей, соотношений и следствий в любом бизнес-процессе. Применение формата анимированной инфографики в процессе онлайн-обучения позволяет наглядно представить материал, содержащий большое количество дат, цифровых данных, показателей и т. д.

Обучающие 3D-игры применяются, как правило, для формирования практических навыков у обучающихся. Они представляют собой программное обеспечение, которое за счет использования 3D-технологий создает рабочую среду, максимально приближенную к реальным условиям, что позволяет тренировать и обучать пользователя в игровом режиме.

Формат виртуальной реальности в обучении (VR) предполагает использование программных продуктов трехмерного моделирования, которые позволяют создавать виртуальную среду для отработки обучающимися практических навыков. Формат дополненной реальности (AR) предусматривает дополнение реального мира

виртуальными объектами, которые проецируются на экране компьютера, телефона и других электронных гаджетов.

Применение форматов обучения VR и AR позволяет не только повысить скорость усвоения учебного материала, но и повышает вовлеченность обучающихся в образовательный процесс.

Например, в ПАО «Сбербанк» для обучения сотрудников публичным выступлениям и ведению переговоров применяется онлайн-курс «Sberspeak», который позволяет обучающимся в условиях виртуальных кампуса и переговорных отработать социальные навыки [8].

В компании «Boeing» в процессе обучения используются AR-гарнитуры с программным обеспечением, которые высвечивают в поле зрения работника все этапы сборки. Это позволило сократить трудозатраты работников на 25% и значительно снизить количество ошибок.

Наиболее эффективно применение форматов виртуальной и дополненной реальности в процессе обучения работников, трудовая деятельность которых связана с опасными или вредными условиями труда. Например, в компании «Газпромнефть» с помощью технологии виртуальной реальности обучают рабочих навыкам работы с многотонными грузовыми кранами; в ОАО «РЖД» – навыкам устранения неполадок в работе механизма перевода стрелок [9] и т. д.

В последние годы в связи с увеличением в возрастной структуре персонала организаций доли работников поколений «Y» и «Z» получил распространение такой формат обучения, как микрообучение, который предусматривает освоение обучающимися материала в виде микроконтента, когда одна тема разбивается на короткие занятия (микроконтенты) длительностью приблизительно пять минут. Как правило, одно занятие включает видеоролик (2–3 минуты), практическое задание и тест на проверку усвоения материала. Обязательным условием внедрения микрообучения является возможность доступа обучающихся к учебным материалам с мобильных устройств. К основным достоинствам микрообучения могут быть отнесены его мобильность и доступность, так как обучение может проходить в периоды наименьшей загруженности работника или в нерабочее время. Кроме того, как показывают результаты многочисленных исследований, небольшой объем информации легче запоминается и усваивается.

Следует отметить, что разработка мобильных приложений, которые позволяют переводить информационные потоки на электронные гаджеты, что позволяет сотрудникам обучаться «в любое время в любом месте», является одной из основных тенденций развития систем корпоративного обучения.

Однако, как показали результаты статистического исследования, проведенного в начале 2018 г. деловым порталом «Компетенции», в котором приняли участие 300 компаний России и стран СНГ [10], несмотря на большие возможности и достоинства новых форматов и методов обучения персонала, на практике по-прежнему достаточно часто применяются классические тренинги (20,8%), вебинары (12,9%) и лекции (10,1%).

Следует отметить, что выбор формата и метода обучения зависит от многих факторов, в том числе от цели обучения, категории и возраста обучающихся, имеющихся у организации финансовых ресурсов.

Например, традиционные методы обучения (лекция, тренинг, обучение действием и т. д.) являются достаточно эффективными для работников старшего возраста; представители поколения «Y» отдают предпочтение формам дистанционного обучения, социальным сетям, игровым форматам; поколения «Z» – формату микрообучения, скрайбинга, VR- и AR-реальности.

Внедрение в практику обучения персонала новых образовательных онлайн-форматов позволяет на практике реализовать концепцию непрерывного обучения и самообучения работников.

Вместе с тем следует отметить, что наибольший эффект обучение сотрудников в организации имеет в условиях комплексного применения разных форматов и методов обучения в зависимости от поставленных целей и задач.

Актуальной проблемой обучения персонала в современных условиях является не только применение новых методов и форматов обучения, но и трансформация самого процесса организации обучения сотрудников.

Специалисты компании SIKE (ООО «Корпоративные системы Плюс») в качестве основных тенденций трансформации организации обучения персонала [11] выделяют персонализацию обучения (разработку индивидуальных образовательных траекторий для каждого сотрудника), индивидуальный подход к каждому обучающемуся (подбор наиболее подходящих методов и форматов обучения), соревновательный характер обучения (или обучение через Challenge), сотрудничество и вовлеченность персонала в образовательный процесс.

Актуальной проблемой обучения персонала в организации в современных условиях становится способность работников постоянно «меняться и учиться», что обуславливает необходимость формирования у них когнитивных компетенций.

Анализ моделей компетенций персонала в ведущих отечественных и зарубежных компаниях показывает, что именно когнитив-

ные компетенции становятся базовыми в условиях постоянно меняющейся внешней и внутренней среды организации. Например, к числу десяти основных навыков будущего, которыми должен обладать персонал в эру искусственного интеллекта, специалисты консалтинговой компании EY относят гибкость мышления (когнитивную гибкость), критическое мышление, креативное мышление и др. [12].

Когнитивная гибкость означает умение сотрудника воспринимать информацию без личной интерпретации, а также быть открытым к новым подходам и идеям. Этот навык позволяет объективно воспринимать информацию и идеи, подстраивать свой образ мыслей к открывающимся возможностям, легче взаимодействовать с людьми, ценить отличия и адаптироваться.

Критическое мышление означает способность сотрудника иметь собственную систему суждений, которая позволяет ему давать оценку происходящему, интерпретировать и анализировать его, а также делать правильные обоснованные выводы.

Креативное мышление предполагает навыки сотрудника нестандартно решать сложные задачи, внедрять инновации.

Таким образом, учитывая все увеличивающийся поток информации, навыки ее систематизации и анализа, а также принятия оптимальных решений становятся базовыми компетенциями сотрудников в современных условиях. Следовательно, формирование и развитие когнитивных компетенций персонала является актуальной задачей служб управления персоналом.

Как показали результаты исследования консалтинговой компании Deloitte «Тенденции в сфере человеческого капитала», в котором приняли участие 11 тыс. руководителей кадровых служб и руководителей высшего звена, 47% опрошенных респондентов считают, что развитие моделей компетенций и новых навыков у сотрудников являются очень важным направлением деятельности служб управления персоналом. Вместе с тем более 54% респондентов отметили, что в их организациях отсутствуют специально разработанные программы по формированию компетенций, необходимых для успешной работы в будущем, и только 18% опрошенных указали, что в их организациях созданы условия для самообразования и развития персонала [13].

Таким образом, решение проблемы совершенствования обучения сотрудников в организации невозможно без трансформации деятельности служб управления персоналом и разработки актуальных и современных программ развития персонала с использованием разных форматов и методов обучения.

Литература

1. Козлова О. А., Сычева М. Н. Инновационные методы обучения персонала: зарубежный и отечественный опыт // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 6. С. 160–163.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 20 сентября 2018).
3. Корпоративное управление цифровыми технологиями. Опрос членов советов директоров российских компаний – 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/corporate-governance/assets/russian-boards-survey/russian-boards-survey-pwc-2018-r.pdf> (дата обращения 5 сентября 2018).
4. Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения “Старшее поколение”». [Электронный ресурс]. URL: <https://new.avо.ru/documents/33446/1306658/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%88%D0%B5%D0%B5+%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf/ff847872-ee7c-02bc-d466-7928358f0ee4> (дата обращения 5 сентября 2018).
5. Ставка на человеческий капитал [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/deloitte-in-press/2018/stavka-na-chelovecheskij-kapital.html> (дата обращения 5 сентября 2018).
6. *Архипова Н.И., Назайкинский С.В., Седова О.Л.* Современные проблемы управления персоналом. М.: Проспект, 2018. 160 с.
7. Энциклопедия форматов онлайн-обучения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.activelearn.ru/libformats> (дата обращения 20 сентября 2018).
8. *Архипова Н.И.* Актуальные проблемы совершенствования системы образования в условиях развития цифровой экономики // Экономика России: Стратегические задачи и пути их решения: Сб. статей по итогам международной научной конференции. Москва, 15 марта 2018 г. М.: РГГУ, 2018. С. 13–19.
9. *Мазлов А.* Виртуальные классы, обучающие игры, симуляторы для тренировок: как VR и AR изменят подготовку персонала [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/opinion/vr-ar-personal/> (дата обращения 20 сентября 2018).
10. Результаты статистического исследования делового портала «Компетенции»: Как российские компании управляют процессами обучения и развития персонала [Электронный ресурс]. URL: http://obzory.hr-media.ru/issledovaniye_korporativnoe_obuchenie_i_razvitie (дата обращения 20 сентября 2018).
11. 10 трендов современного обучения [Электронный ресурс]. URL: <http://e-learn.sike.ru/10-trendov-obucheniya> (дата обращения 20 сентября 2018).
12. 10 навыков будущего: как остаться востребованным в эру искусственного интеллекта? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.10skills.academyey.com/> (дата обращения 20 сентября 2018).
13. Тенденции в сфере человеческого капитала [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/press-releases/2018/human-capital-trends.html/> (дата обращения 20 сентября 2018).

References

1. Kozlova OA., Sycheva MN. Innovative methods of personnel training. Foreign and domestic experience. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2018;6:160-63. (In Russ.)
2. Official site of the Federal State Statistics Service [Internet]. URL: [http://www.gks.ru/\(data obrashcheniya 20 Sept. 2018\)](http://www.gks.ru/(data obrashcheniya 20 Sept. 2018).). (In Russ.)
3. Corporate management of digital technologies. Polling members of the boards of directors of Russian companies – 2018 [Internet]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/corporate-governance/assets/russian-boards-survey/russian-boards-survey-pwc-2018-r.pdf> (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)
4. Passport of the federal project “Development and implementation of the program of system support and improvement of the quality of life of the older generation “Older generation” [Internet]. URL: <https://new.avo.ru/documents/33446/1306658/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%88%D0%B5%D0%B5+%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf/ff847872-ee7c-02bc-d466-7928358f0ee4> (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)
5. Stake on human capital [Internet]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/deloitte-in-press/2018/stavka-na-chelovecheskij-kapital.html> (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)
6. Arkhipova NI., Nazaikinsky SV., Sedova OL. Nowadays issues of personnel management. Moscow: Prospect Publ.; 2018. 160 p. (In Russ.)
7. Encyclopedia of online learning formats [Internet]. URL: <http://www.activelearn.ru/libformats> (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)
8. Arkhipova NI. Current issues of improving the education system in the conditions of the development of the digital economy. *Economy of Russia: Strategic tasks and ways to solve them*: Collected articles on the basis of an international scientific conference. Moscow, March 15, 2018. Moscow: RGGU Publ.; 2018. P. 13-19. (In Russ.)
9. Mazloev A. Virtual classes, educational games, simulators for training. How VR and AR will change the training of personnel [Internet]. URL: <https://rb.ru/opinion/vr-ar-personal/> (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)
10. The results of a statistical study of the business portal “Competences”. How Russian companies manage the processes of personnel training and development [Internet]. URL: http://obzory.hr-media.ru/issledovaniye_korporativnoe_obuchenie_i_razvitiye (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)
11. 10 trends in modern learning [Internet]. URL: <http://e-learn.sike.ru/10-trendov-obucheniya>. (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)
12. 10 skills of the future. How to stay in demand in the era of artificial intelligence? [Internet]. URL: <http://www.10skills.academyey.com/> (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)
13. Trends in the field of human capital [Internet]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/press-releases/2018/human-capital-trends.html/> (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)

Информация об авторе

Святослав В. Назайкинский, кандидат экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; <mailto:2506539@mail.ru>

Information about the author

Svyatoslav V. Nazaikinskiy, PhD in Economics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; <mailto:2506539@mail.ru>

УДК 37:004

DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-35-50

Особенности реализации образовательных онлайн-курсов в мультиязычном и поликультурном пространстве

Галина Е. Кедрова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, kedr@philol.msu.ru*

Валерий В. Муромцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vvm44@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу и практике создания и применения массовых открытых онлайн-курсов (МООС). Обсуждаются особенности реализации таких онлайн-курсов в мультиязычном и поликультурном образовательном пространстве. Показано, что технологии, и прежде всего Веб-2, сформировавшиеся в процессе проведения курсов МООС, оказывают воздействие на традиционные и инновационные дидактические методы, используемые как в дистанционном, так и в традиционном обучении.

Ключевые слова: массовые открытые онлайн-курсы, дидактика, образовательное пространство, Веб 2.0

Для цитирования: Кедрова Г.Е., Муромцев В.В. Особенности реализации образовательных онлайн-курсов в мультиязычном и поликультурном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 35–50. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-35-50

Features of the implementation of online educational courses in the multilingual and multicultural space

Galina E. Kedrova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, kedr@philol.msu.ru

Valery V. Muromtsev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vvm44@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis and practice of creating and applying mass open online courses (MOOC). Relevant features of the implementation of mass open online courses in multilingual and multicultural educational environment are discussed. It is shown that basic MOOC technologies,

Web-2.0 capacities in the first hand, have an impact on the traditional and innovative didactic methods used both in distance and traditional education.

Keywords: mass open online courses, didactics, educational environment, Web 2.0

For citation: Kedrova GE., Muromtsev VV. Features of the implementation of online educational courses in the multilingual and multicultural space. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series.* 2018;3(13):35-50. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-35-50

Введение

Совершенствование сетевых информационных технологий, развитие мобильных средств коммуникаций и, наконец, новые информационные технологии Веб 2.0¹ очень быстро и достаточно радикально меняют практически все традиционные образовательные подходы и парадигмы. В последнее время одним из наиболее заметных и значимых явлений в этой области стали массовые открытые онлайн-курсы (англ. MOOC – Massive Open Online Course) [1]. Все исследователи этого феномена отмечают в первую очередь его массовость и географическую «всеохватность». Так, подсчитано, что к 2018 г. более 700 университетов мира уже активно проводят обучение по 10 000 курсам, относящимся к самым разным областям знания в фундаментальных и прикладных науках, как гуманитарных, так и естественных. Общее число обучавшихся по этим курсам достигло к 2017 г. 81 млн человек [2]. Хотя широкое распространение массовых онлайн-курсов (MOOC) началось с 2010 г., это направление обучения очень быстро проникло на образовательные рынки в самых разных странах и с 2012 г. особенно эффективно используется в странах с динамично развивающимися экономиками. Как отмечают китайские исследователи образовательных технологий, массовый открытый онлайн-курс (MOOC) обладает рядом важнейших преимуществ, которые могут сыграть роль «драйверов» прогресса в эволюции методологии и технологии ведения образовательного процесса в стране. В частности подчеркивается, что курс MOOC достаточно простой в использовании, он

¹ Web 2.0 (определение Тима О'Рейлли) – методика проектирования систем, которые путем учета сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются. Web 2.0 не является технологией или каким-то особым стилем Web-дизайна. Для определения сути подходит определение Web 2.0 как комплексного подхода к организации, реализации и поддержке Web-ресурсов.

относительно недорогой как в формировании учебного материала, так и в проведении процесса обучения, большинство таких курсов бесплатны для учащихся, они предоставляют обучающемуся богатые мультимедийные учебные ресурсы для самообучения и самоконтроля, вследствие чего такие курсы и обеспечивают самый широкий охват контингента потенциальных учащихся [3].

В то же время отмечается, что быстрое развитие массовых открытых онлайн-курсов – это и возможность, и своеобразный вызов для образовательной отрасли, в первую очередь для национальных систем высшего образования. В связи с этим неоднократно высказывались опасения об угрозе, которую МООС представляет для всей традиционной модели образования, поскольку такие курсы могут разбалансировать и даже разрушить формировавшуюся веками систему передачи знаний, умений и навыков. Заметим, однако, что большая часть таких опасений, на наш взгляд, связана с тем, что новизна и недостаточная теоретическая проработка этого образовательного феномена приводят сегодня к неоправданно широкому применению этого «новомодного» термина. Как отмечают некоторые зарубежные исследователи, «как только кто-нибудь захочет привлечь внимание к своему дистанционному учебному курсу, который представлен в интернете в онлайн-режиме, то наиболее надежной стратегией для этого является позиционирование такого курса как массового открытого онлайн-курса» [4]. В действительности же абсолютное большинство используемых в образовательном процессе современных дистанционных онлайн-курсов, как показывает анализ, не являются ни массовыми, ни открытыми, ни по-настоящему онлайн-овыми [4]. До сих пор доминирующей тенденцией в сфере ДО остается перенос обычного традиционного учебного материала (учебника, учебного пособия, практикума и т. д.) в цифровую среду с гиперссылками и отдельными гипермедийными материалами в качестве дополнений – своеобразный «ребрендинг» традиционных образовательных приемов без реализации постоянного интерактивного взаимодействия всех участников образовательного процесса (что является отличительной чертой массовых открытых онлайн-курсов). Вместе с тем достаточно длительная история практического использования по-настоящему массовых открытых онлайн-курсов (МООС) уже позволяет приступить к всестороннему исследованию результатов обучения по этим учебным программам; а положительный (и отрицательный) опыт, накопленный с 2010 года – начала широкого распространения базовых МООС-платформ (Udacity, Coursera и EdX), требует осмысления и обобщения с целью разработки и распространения практических рекомендаций для остальных участников этого образовательного сегмента.

Основные результаты реализации МООС

Общеизвестно, что первые массовые открытые онлайн-курсы были задуманы и «запущены в производство» во второй декаде XXI в. ведущими американскими университетами – флагманами системы образования Соединенных Штатов Америки. Они отразили основные актуальные тенденции в высшем образовании США. В частности, платформа Coursera (<https://ru.coursera.org/>, <https://www.coursera.org/browse>), в популяризации и распространении которой во всем мире большую роль сыграла одна из ее создателей профессор Дафна Коллер (Daphne Koller), предлагает учебные курсы не только по компьютерным наукам (что является достаточно распространенной практикой в дистанционном обучении), но и по широкому спектру гуманитарных наук и искусства. Для их реализации ряд американских университетов объединили на этой платформе свои образовательные и профессиональные ресурсы. Такие курсы разрабатываются и реализуются сегодня преподавателями группы университетов, в которую входят Стэнфордский университет, Принстонский университет, Университет штата Аризона, Мэрилендский университет в Колледж-Парке, Иллинойский университет в Урбане-Шампейне и др. Платформа массовых открытых онлайн-курсов EdX (<http://mooc.org/>; каталог курсов представлен на <https://www.edx.org/>) после своего запуска в 2012 г. стала экспериментальной площадкой для отработки всех базовых технологических решений, обеспечивающих реализацию МООС, что сделало ее одной из главных платформ массовых открытых онлайн-курсов, активно интегрирующейся национальными образовательными системами разных стран. В настоящее время образовательные программы на этой платформе реализуют не только сами создатели этой платформы – Массачусетский технологический институт (MIT) и Гарвардский университет, но и ряд образовательных учреждений разных стран: Бостонский университет, Калифорнийский университет в Беркли, Киотский университет, Австралийский национальный университет, Аделаидский университет, Квинслендский университет, Индийский технологический институт в Бомбее (ИТ Бомбей), Индийский институт управления в Бангалоре (ИИМ Bangalore), Дартмутский колледж, Мадридский автономный университет, Университет Куртина, Корнеллский университет и др. На этой платформе сегодня строит свой образовательный процесс и Российская национальная платформа Открытого образования – OpenEdu (<http://openedu.ru>). Наряду с универсальными платформами открытого образования в последнее время все большую популярность приобретают и более тематически специализированные системы проведения массовых открытых

онлайн-курсов, например Khan academy (<https://ru.khanacademy.org/>, <https://www.khanacademy.org/>), которая предоставляет возможности проведения обучающих курсов по математике, программированию, экономике и смежным наукам (прежде всего в междисциплинарном аспекте). Достаточно быстро к американским университетам на этом образовательном рынке присоединились университеты Великобритании, которые приняли активное участие в разработке национальной британской платформы массовых открытых онлайн-новых курсов – FutureLearn (<https://www.futurelearn.com>). Эта технологическая платформа МООС активно использует все наработки и многолетний опыт ведения образовательной деятельности в дистанционном режиме, которые были накоплены за более чем 40 лет функционирования британского Открытого университета (Open University). Сегодня активными участниками образовательного процесса на этой платформе стали Бирмингемский университет, Эдинбургский университет, Королевский колледж Лондона, Университет Лестера, Университет Ридинга, Open University, Университет Монаша, Тринити Колледж, Уорикский университет, Университет Бата, Саутгемптонский университет и др. Успешный опыт функционирования всех этих платформ способствовал тому, что в последнее время во многих странах мира начали разрабатываться свои национальные онлайн-платформы: XuetangX в Китае, MiriadaX в странах Латинской Америки, France Université Numérique (FUN) во Франции, EduOpen в Италии, SWAYAM в Индии, Canvas в Канаде, Национальная платформа открытого образования в России (более подробно об этих и других МООС-платформах см. также [2, 5]).

Интересно, что технологии МООС-платформ в последнее время все активнее «вторгаются» и в традиционный учебный процесс [6]. Так, многие проверенные на большом массиве учащихся успешные технологические решения, отработанные в массовых открытых онлайн-курсах, предоставляемых на самых разных платформах, находят применение в локализованных встроенных (blended learning) и онлайн-новых учебных курсах, которые сфокусированы в первую очередь на интересах конкретных преподавателей и студентов какого-то отдельного университета – такие курсы получили название Small Private Online Course (SPOC), или «Небольшой частный онлайн-курс»². Сегодня такие курсы формируют и активно используют в своем «кампусном» учебном процессе Гарвардский универ-

² Small Private Online Course – небольшой частный онлайн-курс, относится к версии МООС, используемой локально с учащимися на кампусе университета. Профессор Армандо Фокс в Калифорнийском университете Беркли придумал это слово в 2013 г. для обозначения локализованной версии курса МООС по бизнес-администрированию (см.: Википедия).

ситет, Калифорнийский университет в Беркли и другие высшие учебные заведения мира. Считается, что начало этому направлению было положено еще в 1999–2001 гг., когда Массачусетский технологический институт (MIT) предоставил в открытый доступ в Интернете целый ряд своих регулярных учебных программ в рамках проекта MIT OpenCourseWare (MIT OCW) (<http://ocw.mit.edu>). Таким образом, можно констатировать, что массовые открытые онлайн-курсы (МООС), выросшие во многом благодаря интеграции технологических приемов и успешных методик ведения корпоративного «традиционного» дистанционного обучения, вернулись на новом этапе развития информационных технологий в эту же сферу, обогатив ее новыми возможностями, в частности в области реализации интегрированного (flipped-learning) и дополненного/расширенного (augmented learning) обучения в рамках традиционной учебной программы отдельного образовательного учреждения [7].

Параллельно такой «локализации» МООС-технологий в некоторых регионах сегодня можно наблюдать процесс еще большей глобализации и интернационализации этого образовательного направления. Так, опыт использования МООС активно используется в глобальных транснациональных образовательных проектах европейских стран, примером которых может служить проект Европейской Комиссии “OpenEdu project” [8], призванный максимально расширить возможности высшего образования в странах Евросоюза через объединение национальных репозиториев электронных образовательных ресурсов, предоставления открытого доступа к новым педагогическим технологиям и программным решениям, сотрудничество в разработке и взаимное признание результатов прохождения модулей образовательных программ (в том числе в дистанционном режиме), а также обеспечить совместную разработку педагогическим сообществом соответствующей стратегии и эффективных бизнес-моделей, адекватных стоящим перед европейским образовательным пространством задачам [9].

В настоящее время общепринятой классификацией массовых открытых онлайн-курсов является разнесение типов и видов МООС по двум основным группам: т. н. xMOOC-модель (наиболее полно реализуемая на платформе EdX), в которой ведущая роль отводится лекциям, на материале которых выстраивается система семинарских уроков, упражнений и контрольных работ, и противостоящая ей модель открытой свободно масштабируемой образовательной среды (Open Education/Personal Learning Environment), базирующаяся на принципах конструктивистской модели обучения – так называемая cMOOC-модель [10]. В первые годы после начала широкого распространения массовых открытых

онлайн-курсов преобладающей моделью в течение ряда лет была xMOOC-модель, в то время как cMOOC курсы были представлены локально и в единичных случаях. В процессе накопления опыта их использования стало понятно, что обе модели имеют свои преимущества и недостатки, однако в последнее время конструктивистский подход получил мощный импульс для развития благодаря технологиям социального взаимодействия, реализуемым на основе сервисов Веб 2.0. В настоящий момент некоторые теоретики и исследователи высказывают предположения, что дальнейшее совершенствование компьютерных средств социального взаимодействия и коллективной работы с использованием разных каналов восприятия информации приведет к постепенному слиянию обоих направлений, что может стать основой для полноценной виртуализации существенной части образовательного процесса (создания т. н. *uniform flexible learning environment*, или среды «универсального настраиваемого гибкого обучения»). Сегодня такие системы предлагается рассматривать как следующий этап развития MOOC-технологий – так называемые интеллектуальные iMOOC-системы [11].

Достаточно длительная (по меркам современного динамичного времени) история использования разных платформ для проведения MOOC-курсов вызвала в последние годы настоящий «бум» публикаций, анализирующих эффективность обучения по таким программам. Хотя российское образование пока не столь активно включилось в этот процесс, некоторые наши университеты, которые успели получить опыт ведения массовых открытых онлайн-курсов (в частности Томский государственный университет, являющийся одним из лидеров ДО в России), также не остались в стороне от этих проблем [12]. В критической литературе по теме подробно исследуются социолингвистические и культурологические особенности контингента учащихся MOOC, модели их когнитивного поведения, психологические проблемы, которые испытывают как учащиеся, так и преподаватели в ходе реализации процесса обучения, а также комплекс причин, приводящих к высокому проценту «отсева» учащихся в процессе прохождения курса. Особое внимание в аналитической литературе уделяется также причинам «пониженного» (по оценкам профессионального сообщества) статуса таких курсов, неопределенного институционального статуса MOOC-курсов, рассматриваются и некоторые другие значимые стороны функционирования этого нового образовательного феномена [13].

Одним из наиболее актуальных направлений в такого рода аналитике стал анализ мотивации учащихся и причин, по которым учащиеся записываются на курс, но не завершают свое обучение

(т. н. drop-outs), прекращая работать с учебными материалами на разных этапах его освоения или не проявляя желания получить сертификат о завершении курса [14]. Эти результаты прохождения массовых открытых онлайн-курсов привлекли внимание исследователей с самого начала появления таких курсов, так как оказалось, что количество учащихся, завершающих свое обучение, практически всегда (т. е. независимо от предмета, уровня и других характеристик МООС-курса) оказывается во много раз меньше числа слушателей, записавшихся на курс изначально. Часто высказывается мнение, что универсальная норма результативности обучения для сферы МООС-образования – 9–11% слушателей, которые выполнили все задания и завершили обучение (с получением либо без получения сертификата об окончании), а достижение числа таких выпускников в 15% и более может считаться показателем большого успеха курса и является исключением из правила [15].

Среди основных причин довольно значительного процента «отсева» учащихся (students' drop-outs), который фиксируется в абсолютном большинстве МООС-курсов, чаще всего называют временной цейтнот, недостаточную мотивацию учащегося на завершение обучения по курсу, психологические проблемы, связанные с изолированностью учащегося от коллектива и от преподавателя и преподавателя от обучающихся, недостаточную с точки зрения учащихся интерактивность материалов курса (упражнений, текстов и др.). Среди ответов, полученных в ходе анкетирования учащихся разных МООС-курсов о причинах, которые привели к прекращению обучения, фигурируют также недоступность и/или нерегулярность обратной связи (преподаватель-студент, студент-студент); ограниченность дискуссионных площадок и недостаточная их адаптивность под разные контекстные ситуации, неэффективность встроенных в курс чатов и блогов; отсутствие необходимых знаний в области ИКТ, что существенно мешает эффективной работе в новых информационно-коммуникационных виртуальных средах; слабость локальной инфраструктуры, не обеспечивающей широкополосный интернет-доступ; недостаточное владение базовыми навыками работы с браузерами и сетевыми интерфейсами, а также наличие скрытых финансовых расходов, к которым учащийся оказывается не готов [16]. На вопрос о том, что необходимо предпринять для преодоления типичных недостатков МООС-обучения, наиболее частыми ответами участников процесса обучения были пожелания усовершенствовать технологические решения, обеспечивающие онлайн-фиксацию успехов учащегося, а также его рейтингование на протяжении всего периода прохождения курса; укрепить и расширить возможности постоянной контекстно обу-

словенной обратной связи (как в отношении интерактивности учебных материалов, так и в межличностном общении), обеспечить официальное признание выдаваемых при успешном завершении курса дипломов и сертификатов. Отметим также, что немаловажным фактором успешного завершения процесса обучения было требование обеспечения возможности постоянной технической поддержки в случае недостаточной подготовки студента в ИКТ, и в частности в технологиях онлайн-обучения. Таким образом, можно констатировать, что одним из наиболее действенных методов сопровождения и поддержки учащегося в массовом открытом онлайн-курсе признано постоянное коммуникативное взаимодействие всех участников образовательного процесса через разные виды обратной связи.

Хотя наличие обратной связи и постоянная поддержка учащегося со стороны преподавателя и других участников курса, как было сказано выше, постоянно попадают во всех опросах в число наиболее значимых факторов, определяющих успех обучения, самому процессу коммуникации (который проходит преимущественно в форме вербальной коммуникации) в большинстве аналитических работ долгое время не уделялось должного внимания. В то же время, как отмечают авторы обзорной работы по итогам развития дистанционного онлайн-обучения в период с 2008 по 2015 год, «Буква 'М' в аббревиатуре МООС обозначает массовость, т. е. относится к многочисленному сообществу, различающемуся по культурному, социальному и имущественному статусу, демографическому и другим параметрам» [17]. Этот фактор, а именно социокультурные и языковые различия аудитории МООС-курсов, на практике оказывает огромное влияние на эффективность обратной связи на всех этапах и во всех форматах обучения. Это проявилось, в частности, в востребованности участниками учебного курса самых разных каналов организации обратной связи, не ограниченных теми средствами участия в дискуссиях, ведения блогов и общения в чатах, которые встроены в модули МООС-курса. Было замечено, что для установления и получения обратной связи участники курса практически сразу после его начала начинают активно использовать не только внутренние ресурсы МООС-платформ, но и внешние по отношению к курсу стандартные средства онлайн- и офлайн-общения – в первую очередь социальные сети (Facebook и т. п.), твиты, мессенджеры и т. п. Симптоматично также, что в таких социальных сервисах обучающиеся в массовых открытых онлайн-курсах часто формируют отдельные группы по признаку общности языка и/или культуры. Можно констатировать, что изучение особенностей межличностного общения в МООС-курсах

может способствовать решению одной из наиболее актуальных проблем для всех форм онлайн-дистанционного образования – повышению уровня образования и увеличению числа успешно завершивших обучение студентов.

В то же время в исследованиях эффективности МООС-образования отмечается, что и авторы, и провайдеры массовых онлайн-курсов до сих пор крайне редко обращают внимание на необходимость учитывать в модели и материалах своего курса особенности межкультурной коммуникации в мультиязычной среде. Поэтому и собственно учебный материал, и предлагаемые форматы интерактивного взаимодействия студентов и преподавателей чаще всего не рассматривают национально-культурные и языковые особенности всех участников образовательного процесса в качестве одного из значимых педагогических факторов. Нам представляется, что такое «запаздывание» ответов на актуальные запросы МООС-методологии объясняется тем, что долгое время в этой области доминировала установка, что поскольку все участники образовательного процесса действуют в едином культурном и языковом пространстве (как это происходит в реальном учебном классе), то и в виртуальном пространстве они могут рассматриваться как однородная, «гомогенная» масса. Однако результаты достаточно многочисленных в последнее время контрастивных культурологических исследований убедительно свидетельствуют о неправомерности такой установки, что особенно ярко проявляется в массовом онлайн-обучении. Многочисленность и разнородность аудитории МООС-курсов наглядно продемонстрировала значимость социокультурного и особенно языкового фактора, поскольку оказалось, что технологический, исторический, культурный и языковой опыт участников массового открытого онлайн-курса из разных стран, различных социальных слоев и культурно-языковых ареалов может играть решающую роль в успешном/неуспешном прохождении курса. Поэтому то, что одному участнику курса кажется естественным и простым действием или решением, может представлять значительные трудности для других, что сразу же ставит участников образовательного процесса в заведомо неравные условия и в итоге существенно влияет на целеполагание и мотивацию учащегося [18].

Как показал опыт пилотных МООС-проектов, для достижения успеха и обеспечения эффективности обучения необходимо учитывать особенности поликультурного и мультиязычного характера коммуникации в современном глобальном информационном пространстве. В первую очередь это касается вербального общения. В соответствии с этим запросом в последнее время нача-

ли появляться исследования, в которых рассматриваются вопросы социокультурной специфики вербального коммуникативного взаимодействия в среде, крайне неоднородной по целому набору параметров: по возрастной характеристике, историческому, социальному, культурному и языковому опыту, поскольку именно такая среда формируется в массовых открытых онлайн-курсах в силу их особой природы [19]. Для изучения особенностей вербальной коммуникации в массовых открытых онлайн-курсах удобнее всего выявлять ее специфику на материале разнообразных языковых курсов – курсов иностранного языка или лингвостилистических курсов, поскольку языковые аспекты коммуникативного процесса составляют их информационное ядро. В этой связи становится понятным интерес методистов и преподавателей, работающих в сфере МООС, к результатам языковых массовых открытых онлайн-курсов, поскольку в них наиболее ярко проявились основные достоинства и недостатки как традиционных, так и ряда инновационных педагогических методик, реализуемых в новых технологических решениях [20]. Сегодня в этой области накоплен уже достаточно большой опыт практической реализации, поэтому в целом ряде критических публикаций подробно анализируются наиболее важные итоги массовых открытых онлайн-курсов по изучению иностранного языка и основанные на них практические рекомендации.

Большинство языковых курсов, предлагаемых в формате МООС, ориентированы на изучение английского языка (в этой сфере предлагается большой диапазон курсов – от базового до продвинутого уровня, деловой английский язык, курсы письменной и устной научной речи на английском языке и т. п.), на втором месте по числу курсов стоит китайский язык, курсы русского языка пока представлены только в единичном формате. [2]. Практически во всех массовых открытых онлайн-курсах активно используются мультимодальные технологии (видеолекции, аудио-подкасты, анимация, изображения, текст, дискуссионные доски, чаты, веб-сайты, обучающие интерактивные тесты и др. формы передачи информации), поэтому разная степень владения обучающимися навыками использования соответствующего программного обеспечения и разный уровень умения осуществлять их взаимодействие друг с другом и с преподавателем в мультимодальных средах начинает играть существенную роль. Показано, что эти различия могут поставить учащихся в неравные условия и способствовать возникновению серьезных психологических проблем, влияющих на процесс обучения. Помимо отмеченных факторов, мультимодальные информационные материалы могут не только помогать, но и мешать

адекватному восприятию информации, что отразилось в результате опросов и анкетирования студентов по результатам прохождения курса. Среди наиболее существенных недостатков мультимедийного курса студенты чаще всего называют неэффективность использования той или иной информационной модальности для восприятия и усвоения учебного материала. Значимым фактором, влияющим на успех мультимедийного курса, названа также возможность выбора мультимедийных форматов в зависимости от технических характеристик доступных учащемуся интернет-каналов.

Интересно, что значимыми для мультикультурной аудитории оказались различия в законодательной и правоприменительной практике разных стран по отношению к информации, охраняемой авторским правом. Так, действующее в США понятие *fair use*, которое разрешает полномасштабное использование в учебном процессе охраняемых авторским правом материалов, полученных из самых разных источников, не существует во многих других странах. Под действием этого фактора авторы массового открытого учебного курса вынуждены искать особые подходы к формированию базы данных иллюстративного материала, а также других видов учебной информации. Это также часто вызывает недовольство и справедливые нарекания учащихся, многие из которых привыкли использовать максимально аутентичные ресурсы и источники.

Одной из наиболее чувствительных по отношению к социокультурным и другим различиям студенческой аудитории сфер оказалась организация и реализация процедур оценивания выполненных заданий и контрольных работ (*assessment*) [21]. Во всех типах массовых открытых онлайн-курсов (*xMOOC* и *cMOOC*) в этой области прохождения учебного курса по объективным причинам (необходимость проверить и оценить десятки и сотни тысяч работ) широко используются механизмы взаимного рецензирования (*peer-review*). Для обеспечения качества рецензирования многим университетам, реализующим *MOOC*, приходится либо использовать краудсорсинговый подход, либо создавать дополнительные обучающие модули, которые призваны сформировать у учащихся единое представление о формате рецензии и привить участникам курса, рецензирующим работы своих сокурсников, базовые навыки этого вида оценочной деятельности. Дополнительной проблемой для проведения рецензирования в массовой аудитории стали различия в уровне владения языком, на котором требуется представить рецензию, – все это также потребовало от создателей *MOOC*-курса введения дополнительных учебных модулей с материалами по грамматике и лексике языка, на котором ведется обучение, вне зависимости от предмета самого курса [22].

Заключение

Массовые открытые онлайн-курсы (МООС) заняли свое место в образовательном глобальном пространстве, более того – они стали заметным явлением, оказывающим существенное влияние на образовательную политику многих стран.

Российская национальная платформа открытого образования [23], созданная ведущими вузами страны, является важным шагом в создании и реализации в обширном поликультурном и мультязычном пространстве России открытых онлайн-курсов (МООС).

Технологии, и прежде всего Веб-2.0, сформировавшиеся в процессе проведения курсов МООС, оказывают воздействие на традиционные и инновационные дидактические методы, используемые как в дистанционном, так и в традиционном обучении. Одним из важнейших факторов, определяющих успех МООС-курсов, является учет социокультурных и лингвистических различий массовой аудитории курсов, который во многом определяет как форму и содержание самого учебного материала, так виды и форматы коммуникативного взаимодействия его участников.

Литература

1. *Кедрова Г.Е., Муромцев В.В.* Современное состояние и направления развития систем дистанционного обучения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. № 4. С. 88–101.
2. *Семенова Т.В., Вилкова К.А., Щеглова И.А.* (2018). Рынок массовых открытых онлайн-курсов: перспективы для России // Вопросы образования [Электронный ресурс]. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-massovykh-otkrytykh-onlayn-kursov-perspektivy-dlya-rossii> (дата обращения 08 сентября 2018).
3. *Кан Ецин.* Эпоха пост-МООК онлайн-образования // Университетские исследования Университета Цинхуа. 2014. Т. 35. № 1. С. 85–93. (На кит. яз.)
4. *Godwin-Jones R.* Global reach and local practice: the promise of MOOCS // *Language Learning & Technology*. 2014. 18(3). P. 5–15.
5. *Cripps T., O'Connell S.* Investigating the construction of MOOCs [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/27950106/INVESTIGATING_THE_CONSTRUCTION_OF_MOOCS_Full_paper (дата обращения 08 сентября 2018).
6. *Kopp M., Groeblinger, O., Zimmermann, C.* Increasing Educational Value: The Transformation of MOOCs into Open Educational Resource // *Digital Education: Out to the World and Back to the Campus*. C. Delgado Kloos, P. Jermann, M. Perez-Sanagustin, D.T. Seaton, S. White (Hrsg.). 2017. (Bd. 10254, S. 223–232).
7. *Ostaszewski N., Howell J., Dron J.* MOOCifying Courses: Delivery of a MOOC to Enhance University Course Activities // *JL4D*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 184–195.

8. IPTS (2013). [Электронный ресурс]. URL: OpenEdu project: <http://is.jrc.ec.europa.eu/pages/EAP/OpenEdu.html> (дата обращения 08 сентября 2018).
9. *Dos Santos A.I., Punie Y., Castaño-Muñoz J.* Opportunities and challenges for the future of MOOCs and open education in Europe // From Books to MOOCs? Emerging Models of Learning and Teaching in Higher Education / de Corte E., Engwall L., Teichler U. (Eds.). London: Portland Press, 2016, Vol. 88. P. 81–91.
10. *Андреев А.А.* Российские открытые образовательные ресурсы и массовые открытые дистанционные курсы // Высшее образование в России [Электронный ресурс]. 2014. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-otkrytye-obrazovatelnye-resursy-i-massovye-otkrytye-distantsionnye-kursy> (дата обращения 8 сентября 2018).
11. *Colby R.* A typology of MOOCs // EA. Monske, KL. Blair (Eds.). Handbook of research on writing and composing in the age of MOOCs. 2016. Hershey, PA: IGI Global. P. 1–16.
12. *Dyomin V., Mozhaeva G., Babanskaya O., Zakharova U.* MOOC Quality Evaluation System: Tomsk State University Experience // European Conference on Massive Open Online Courses. Springer, 2017. P. 197–202.
13. *Zhu M., Sari A., Lee M.* A systematic review of research methods and topics of the empirical MOOC literature (2014–2016) // The Internet and Higher Education [Электронный ресурс]. 2018. № 37. P. 31–39. URL: <https://doi.org/10.1016/J.IHEDUC.2018.01.002> (дата обращения 28 сентября 2018).
14. *Milligan C., Littlejohn A.* Why Study on a MOOC? The Motives of Students and Professionals // International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2017. Vol. 18. № 2.
15. *Попова А.В., Марфенин Н.Н., Пеккер П.Л.* Портрет слушателя открытого онлайн-курса // Высшее образование в России [Электронный ресурс]. 2017. № 10 (215). С. 149–155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portret-slushatelya-otkrytogo-onlayn-kursa> (дата обращения 26 сентября 2018).
16. *Ejreaw A., Drus M.* The challenges of massive open online courses (MOOC) – A preliminary review // ICOCI Kuala Lumpur. Univ. Utara Malaysia [Электронный ресурс]. 2017. P. 25–27. URL: <http://www.uum.edu.my> (дата обращения 27 сентября 2018).
17. *Bozkurt, Akgün-Özbek, and Zawacki-Richter.* Trends and Patterns in Massive Open Online Courses: Review and Content Analysis of Research on MOOCs (2008–2015) // International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2017. Vol. 18. № 5. August.
18. *Andersen, B.L., Na-songkhla J., Hasse C., Nordin N., Norman H.* Perceptions of authority in a massive open online course: An intercultural study // International Review of Education. 2018. № 64 (2). P. 221–239.
19. *Buhl M., Andreassen L.B.* Learning potentials and educational challenges of massive open online courses (MOOCs) in lifelong learning // Rev Educ. 2018. № 64. P. 151–160.
20. *Gilliland B., Oyama A., Stacey P.* Second language writing in a MOOC: Affordances and missed opportunities // The Electronic Journal for English as a Second Language. 2018. № 22 (1). P. 1–25.
21. *Xiong Y., Suen H.K.* Assessment approaches in massive open online courses: Possibilities, challenges and future directions // International Review of Education. 2018. V. 64. №. 2. P. 241–263.

22. Bloch J. The Challenge and Opportunity for MOOCs for Teaching Writing // *Journal of Academic Writing*. 2016. № 6(1). P. 162–180.
23. Открытое образование [Электронный ресурс]. URL: <https://openedu.ru/> (дата обращения 8 сентября 2018).

References

1. Kedrova GYe., Muromtsev VV. Current State and Directions of Development of Distance Learning Systems. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 2017;4:88-101. (In Russ.)
2. Semenova TV., Vilkova KA., Scheglova IA. Market of mass open online course. Prospects for Russia. *Voprosy obrazovaniya* [Internet]. 2018; 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-massovyh-otkrytyh-onlayn-kursov-perspektivy-dlya-rossii> (data obrashcheniya 28 Sept. 2018). (In Russ.)
3. Kang Yeqing. The epoch of post-MOOC online education. *University studies of Tsinghua University*. 2014;35(1):85-93. (In Chinese)
4. Godwin-Jones R. Global reach and local practice: the promise of MOOCs. *Language Learning & Technology*. 2014;18(3):5-15.
5. Cripps T., O'Connell S. Investigating the construction of MOOCs. [Internet]. URL: https://www.academia.edu/27950106/INVESTIGATING_THE_CONSTRUCTION_OF_MOOCs_Full_paper (data obrashcheniya 18 Sept. 2018).
6. Kopp M., Groeblinger O., Zimmermann C. Increasing Educational Value: The Transformation of MOOCs into Open Educational Resources. C. Delgado Kloos, P. Jermann, M. Perez-Sanagustin, D.T. Seaton, S. White (Hrsg.), *Digital Education: Out to the World and Back to the Campus*. 2017. Bd. 10254. S. 223-32.
7. Ostashewski N., Howell J., Dron J. MOOCifying Courses: Delivery of a MOOC to Enhance University Course Activities. *JL4D.*, 2017;4(2):184-95.
8. IPTS Open Edu project. 2013 [Internet]. URL: <http://is.jrc.ec.europa.eu/pages/EAP/OpenEdu.html> (data obrashcheniya 18 Sept. 2018).
9. Dos Santos AI., Punie Y., Castaño-Muñoz J. Opportunities and challenges for the future of MOOCs and open education in Europe. *From Books to MOOCs? Emerging Models of Learning and Teaching in Higher Education*. Corte E. de, Engwall L., Teichler U. (Eds.) London: Portland Press; 2016. Vol. 88. P. 81-91.
10. Andreev AA. Russian open educational resources and mass open distance courses. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Internet]. 2014;6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-otkrytye-obrazovatelnye-resursy-i-massovye-otkrytye-distantionnye-kursy> (data obrashcheniya 18 Sept. 2018). (In Russ.)
11. Colby R. A typology of MOOCs. *Handbook of research on writing and composing in the age of MOOCs*. EA. Monske, KL. Blair (Eds.). Hershey, PA: IGI Global, 2016. P. 1-16.
12. Dyomin V., Mozhaeva G., Babanskaya O., Zakharova U. MOOC Quality Evaluation System. Tomsk State University Experience. *European Conference on Massive Open Online Courses*. Springer, 2017. P. 197-202.
13. Zhu M., Sari A., Lee MM. A systematic review of research methods and topics of the empirical MOOC literature (2014–2016). *The Internet and Higher Education* [Internet]. 2018;37:31-39. URL: <https://doi.org/10.1016/j.IHEDUC.2018.01.002> (data obrashcheniya 18 Sept. 2018).

14. Milligan C., Littlejohn A. Why Study on a MOOC? The Motives of Students and Professionals. *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2017;18(2).
15. Popova AB., Marfenin NN., Pekker PL. Portrait of an open online course student. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Internet]. 2017;10 (215):149-55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portret-slushatelya-otkrytogo-onlayn-kursa> (data obrashcheniya 18 Sept. 2018). (In Russ.)
16. Ejreaw A., Drus M. The challenges of massive open online courses (MOOC) – a preliminary review. *ICOCI Kuala Lumpur. Univ. Utara Malaysia* [Internet]. 2017. P. 25-27. URL: <http://www.uum.edu.my> (data obrashcheniya 18 September 2018).
17. Bozkurt Akgün-Özbek, and Zawacki-Richter. Trends and Patterns in Massive Open Online Courses: Review and Content Analysis of Research on MOOCs (2008-2015). *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2017;18(5).
18. Andersen BL., Na-songkhla J., Hasse C., Nordin N., Norman H. Perceptions of authority in a massive open online course: An intercultural study. *International Review of Education*. 2018;64(2):221-39.
19. Buhl M., Andreasen LB. Learning potentials and educational challenges of massive open online courses (MOOCs) in lifelong learning. *International Review of Education*. 2018;64:151-60.
20. Gilliland B., Oyama A., Stacey P. Second language writing in a MOOC: Affordances and missed opportunities. *The Electronic Journal for English as a Second Language*. 2018; 22(1):1-25.
21. Xiong Y., Suen HK. Assessment approaches in massive open online courses: Possibilities, challenges and future directions. *International Review of Education*. 2018; 64(2):241-63.
22. Bloch J. The Challenge and Opportunity for MOOCs for Teaching Writing. *Journal of Academic Writing*. 2016;6(1):162-80.
23. Open education [Internet]. URL: <https://openedu.ru/> (data obrashcheniya 18 Sept. 2018). (In Russ.)

Информация об авторах

Галина Е. Кедрова, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; kedr@philol.msu.ru

Валерий В. Муромцев, кандидат технических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vvm44@inbox.ru

Information about the authors

Galina E. Kedrova, PhD in Philology, associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991; kedr@philol.msu.ru

Valery V. Muromtsev, PhD in Engineering, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vvm44@inbox.ru

УДК 341.18

DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-51-63

Факторы влияния санкций на экономическое развитие России

Ксения В. Екимова

*Государственный университет управления,
Москва, Россия, ekimovak2003@yandex.ru*

Аяз Аладдин оглы Алиев

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия, ayaz.797@mail.ru*

Михаил С. Гордиенко

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия, gordienkomikhail@yandex.ru*

Аннотация. В статье проводится оценка влияния санкций на различных уровнях экономической деятельности, в частности на глобальном, страновом и корпоративном. Актуальность выбранной темы обусловлена растущей геополитической напряженностью, связанной с вводом санкций против России, и значительной степенью оказываемого эффекта на экономику иных государств в этих условиях.

Целью исследования являются выявление и систематизация факторов влияния санкций на экономику государства. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: изучены последствия ввода санкций относительно России и зарубежных стран, выявлены основные направления влияния санкций, произведена систематизация по выбранным критериям. Также в статье представлена оценка эффекта санкций на экономику России в разрезе классификации видов воздействия реализуемых санкций.

Ключевые слова: санкции, факторы влияния, экономика, экономическое развитие, международные отношения, последствия санкций

Для цитирования: Екимова К.В., Алиев А.А., Гордиенко М.С. Факторы влияния санкций на экономическое развитие России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 51–63. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-51-63

Factors of the sanctions impact on the economic development of Russia

Ksenia V. Ekimova

State University of Management, Moscow, Russia, ekimovak2003@yandex.ru

Ayaz Aladdin ogluAliev

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, ayaz.797@mail.ru

Mikhail S. Gordienko

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, gordienkomikhail@yandex.ru

Abstract. The article assesses the impact of sanctions at various levels of economic activity, in particular, at the global, country and corporate levels. The relevance of the chosen topic is due to the growing geopolitical tensions associated with the introduction of sanctions against Russia, and a significant degree of effect on the economies of other states in those conditions.

The purpose of the study is the identifying and systematizing factors of the sanctions impact on the economy of the state. To achieve that goal, the following tasks were solved: the consequences of the introduction of sanctions against Russia and foreign countries were studied, the basic directions of the impact were identified and the systematization was carried out by selected criteria. The article also presents an assessment of the effect of sanctions on the Russian economy in the context of the classification of the types of impact of sanctions in effect.

Keywords: sanctions, factors of influence, economy, economic development, international relations, consequences of sanctions

For citation: Ekimova KV., Aliev AA, Gordienko MS. Factors of the sanctions impact on the economic development of Russia. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 2018;3(13):51-63. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-51-63

Влияние санкций на мировое сообщество, на Российскую Федерацию и на корпоративную сферу разностороннее. В общеэкономической практике выделяют различные факторы, влияющие на экономическое развитие страны, отрасли или государства. К ним относятся: глобальные, страновые, корпоративные.

Глобальные факторы, отражающие общие элементы экономического колебания в разных странах и имеющие широкий характер применения можно классифицировать на следующие направления.

Сокращение экономического сотрудничества. Введение санкций привело к сокращению экономического сотрудничества РФ с другими странами. К примеру, товарооборот в 2015 г. между Россией и европейскими странами обвалился на 40% (рис. 1).

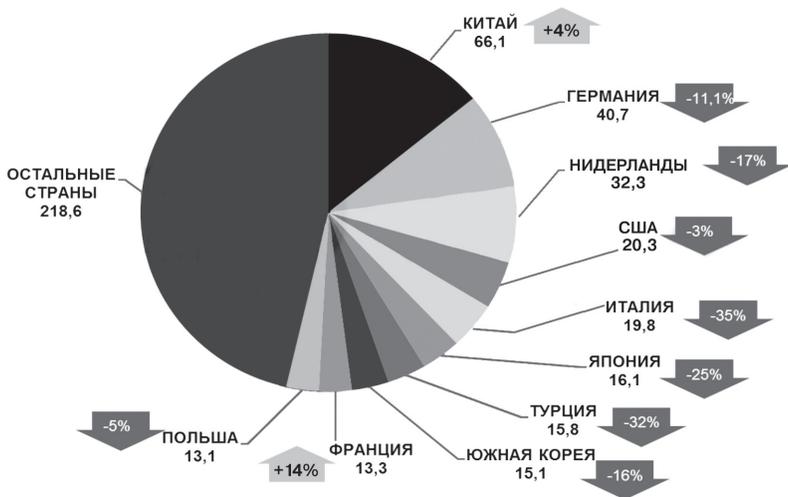


Рис. 1. Структура внешней торговли России с основными странами дальнего зарубежья в 2016 г.
 Источник: Официальный сайт Федеральной таможенной службы [4]

Внешнеторговый оборот снизился на 7%, причем экспорт упал на 5,8%, а импорт – на 9,8% [1]. Промышленное производство снизилось на 0,4%. Инвестиции в основной капитал снизились на 2,8%. Золотовалютные запасы страны сократились на 124,135 млрд долларов, или на 24,4% [2].

Инфляция на потребительском рынке превысила 11%. Однако стоит заметить, что приоритетным вектором экономического взаимодействия для нашей страны было и является на данный момент азиатско-тихоокеанское направление; доля этого региона по показателям совокупного российского экспорта продолжает стабильно возрастать на фоне стагнации показателей экспортно-импортных операций по отношению к Европейскому союзу и странам-участницам Содружества Независимых Государств [3].

Несмотря на санкции, Китай сохранил роль главного торгового партнера России. Объемы торговли с европейскими странами снизились. Если же рассматривать показатели оборота торговли с европейскими странами, то в значительной степени проявляется отрицательная динамика: по Германии этот показатель сократился на 11% до 40,7 млрд долларов, торговля с Нидерландами снизилась на 17% до 32,3 млрд долларов, международные торговые отношения с Италией сократились на рекордные 35%, а товарооборот составил

19,8 млрд долларов. Исключением в данном случае является только Франция, объем торговли с которой возрос на 14%, во многом за счет поставок российских энергоносителей (преимущественно газа) и товаров сельскохозяйственного сектора (зерно), и в совокупности составил 13,3 млрд долларов. Стоит обратить внимание также и на сокращение в данный анализируемый период торговли с Турцией, объем которой с учетом введенных торговых ограничений сократился на 32% и составил 15,8 млрд долларов [5].

Снижение экономического сотрудничества приводит к *ухудшению макроэкономических показателей*. В случае отсутствия пролонгации западных санкций против нашей страны экономический спад в стране наблюдался бы только в одном 2015 г., а в 2016 г. экономика РФ уже могла бы вырасти как минимум на 1%. Ежегодная пролонгация санкционных мер обходится отечественной экономике потерями около 900 млрд руб. По экспертным оценкам, с самого начала введения подобных ограничений совокупный показатель валового внутреннего продукта (далее – ВВП) РФ потерял около 2,5 трлн руб. Объем ВВП в 2014 г. упал сразу на 3%. В 2016 году ВВП продолжил падение уже с менее значительной динамикой – на 0,2% [6].

Недополучение прибыли. От антироссийских экономических санкций пострадали не только российские компании, но и европейские производители. Их контракты с российской стороной были разорваны по политическим мотивам без их обоюдного желания, даже наоборот – бизнес был часто против применяемых мер, понимая формирующееся дополнительное проблемное поле.

Далее оценим *страновые факторы*, которые в большей степени влияют на экономическое развитие Российской Федерации.

Ограничения кредитования российских банков и компаний в западных банках. Данный инструмент был применен к РФ, что резко сократило доступ российского бизнеса к фондированию (рис. 2).

Данные на рисунке 2 показывают резкое снижение интереса к еврооблигациям российских эмитентов: в 2014 г. – \$46,4 млрд, в 2015 – лишь около \$5 млрд. На середину 2017 г. приходится 13 млрд долларов [7].

Необходимо отметить наличие фактора экономического давления на экономику России, связанного с политическими разногласиями с США и ЕС.

В первую очередь это давление проявляется в колебаниях цен на нефть. Всего спустя 18 месяцев с июня 2014 г. стоимость барреля нефти снизилась с \$107,26 до \$29,42. За этот же период курс рубля рухнул с 34,4 до 78,7 за доллар. Важно отметить, что колебания цен на нефть значительно отражаются на экономике России в связи

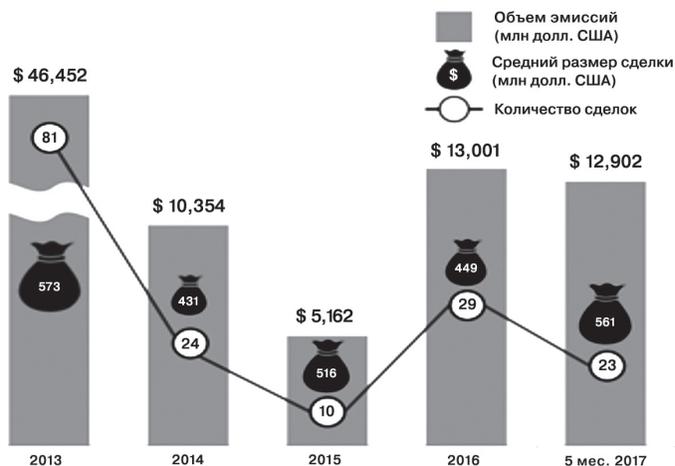


Рис. 2. Еврооблигации российских эмитентов
 Источник: официальный сайт PricewaterhouseCoopers [8]

с тем, что на долю энергетики приходится 70% всего экспорта, что составляет около 50% федерального бюджета страны. Причем нефть и газ полностью отвечают за 30% общего объема ВВП.

Во-вторых, произошло существенное сокращение сотрудничества в энергетической сфере. Именно на энергетический сектор России санкции повлияли в большей мере.

Отток капитала. Вышеперечисленные факторы и политическая неопределенность сформировали условия для резкого вывода иностранного капитала за границу (рис. 3).

В 2014 г. чистый вывоз капитала составил \$153 млрд, далее наблюдалась отрицательная динамика этого показателя: в 2015 – \$57,5 млрд, в 2016 – \$15,4 млрд. Отметим, что отток капитала имеет сильную корреляцию с изменениями в торговом балансе России, что видно из представленного ниже графика на горизонте с 2005 по 2017 г. [8].

Рост инфляции. В первое время ответные санкции привели к росту инфляции на продовольственном рынке. Результатом этого стало впервые за многие годы проявление двузначных показателей инфляции на уровне около 11%, в 2015 г. этот показатель вырос более значительно и составил 12,9%. Принятие ряда мер способствовало снижению инфляции до уровня 4%. За короткий период цены на продовольственные товары в России выросли почти на 30% (табл. 1).

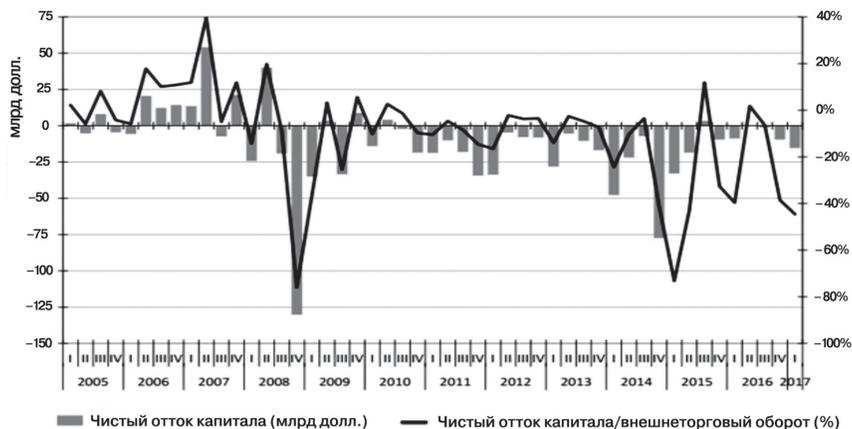


Рис 3. Чистый отток капитала частного сектора в 2005–2017 гг.

Источники: Банк России, расчеты ИЭП имени Е.Т. Гайдара

Таблица 1

Среднегодовые цены на продовольственные продукты в России
2006–2015 гг., руб./ед.

Руб/Ед.	Год										
Продукты	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
Яйца	28,46	29,29	31,73	36,72	39,94	41,20	43,44	44,87	51,16	57,45	
Молоко	26,53	18,93	30,44	21,25	42,45	31,66	38,60	42,66	45,29	47,91	
Сметана	68,00	73,67	85,19	62,20	67,22	81,17	83,32	90,10	100,66	111,23	
Масло сливочное	98,17	124,12	152,77	161,51	167,44	217,01	211,52	246,12	252,40	258,69	
Сыр	178,42	167,36	226,37	253,08	259,63	272,44	331,67	356,94	376,61	396,29	
Масло подсолнечное	38,50	39,91	64,47	58,05	56,41	66,08	65,76	79,74	86,56	93,38	
Макароны	34,25	41,18	46,28	49,33	76,99	112,22	104,77	103,09	39,22	41,89	
Гречка	20,63	26,89	22,56	31,12	33,83	35,92	39,31	41,84	48,33	54,81	
Рис	23,63	32,20	43,61	58,90	73,65	78,58	88,47	88,71	84,11	79,50	
Картофель	12,00	13,88	21,55	19,03	26,92	20,55	21,43	23,28	20,71	18,13	
Лук	17,00	17,33	18,79	18,30	17,25	17,90	18,59	19,44	17,36	15,28	
Капуста	10,00	9,40	22,30	25,66	37,16	39,31	48,67	20,93	24,33	27,74	
Морковь	24,98	27,22	28,98	30,65	31,63	33,88	35,92	29,24	26,66	24,08	
Помидоры	53,34	59,39	59,07	74,98	75,60	65,19	63,39	52,19	53,69	55,20	
Огурцы	25,62	27,25	36,32	70,29	83,63	105,29	31,73	38,52	37,70	36,88	
Бананы	28,35	28,70	32,07	32,53	37,76	34,49	40,89	31,54	35,59	39,64	
Яблоки	29,23	47,02	67,87	61,14	48,95	51,72	51,89	27,41	38,87	50,32	
Арбуз	10,48	14,17	14,46	15,35	10,45	14,90	16,72	13,29	13,90	14,51	
Апельсины	33,90	44,63	53,26	50,32	41,20	45,69	43,65	49,00	47,88	46,76	
Куриное филе	160,25	180,37	198,16	187,27	200,50	213,17	210,90	216,68	218,62	220,56	

Источник: Федеральная служба государственной статистики [9].

Особенно заметным оказался скачок цен в 2015 г., следствием чего в значительной степени было введение Россией продуктового эмбарго в августе 2014 г.

Корпоративные факторы влияния санкций, оказывающие воздействие на финансовую и производственную деятельность корпоративных структур (компаний).

Ограничения на экспорт оборудования и технологий. Введение санкций привело к запрету поставки в РФ товаров в военной и нефтегазовой отрасли. Любое сотрудничество компаний с предприятиями российского ОПК, поставка оборудования, необходимого для разработки нефтяных и газовых месторождений на арктическом шельфе и в сланцевых пластах, карались финансовыми ограничениями на привлечение капитала. По прогнозам экспертов в долгосрочном периоде это может привести к снижению темпов разработки новых месторождений, а при самом негативном сценарии приведет к тому, что к 2020 г. объем добываемой нефти может сократиться на 15%.

Проблемы с импортными комплектующими привели к резкому ускорению реализации программы импортозамещения прежде всего в военной сфере. В рамках этой программы в России развивается производство по 186 позициям, которые ранее производились за рубежом, в частности и на Украине. По официальным данным Министерства обороны РФ, уже по итогам 2016 г. предприятия оборонно-промышленного комплекса России на 70–80% выполнили план по импортозамещению, а 100% показатель должен быть достигнут к концу текущего 2018 г. [9]

Снижение объемов корпоративного кредитования. Пока наиболее сильно влияние санкций ощутил банковский сектор. Банки лишились доступа к западному кредитованию. По данным на 2014 г. показатель прибыльности российского финансового сектора сократился на 40%. В банковском секторе сформировался дефицит ликвидности, усиливающийся отсутствием «хороших заемщиков».

Привлечение финансовых ресурсов, так активно используемое нашим финансовым сектором, в европейских и американских банках было выгодной сделкой. Это позволяло не отвлекать на выплату процентов по старым кредитам основные средства. В результате банки и компании могли инвестировать их в собственное развитие. Профильным экспертным сообществом в 2015 г. были проведены исследования, которые выявили необходимость восполнения для российской экономики от 160 до 200 млрд долларов США вследствие нехватки и «выпадения» ранее доступных зарубежных кредитных ресурсов. Фактически эти средства нужно было искать в азиатско-тихоокеанских банках, что было труднореализуемой

задачей в краткие сроки, либо было необходимо изымать из собственного оборотного капитала [10].

Поиск новых стратегических инвесторов. Российские банки и компании начали искать альтернативные варианты привлечения капитала. Новыми инвесторами оказались азиатские финансовые рынки. Например, ПАО «Газпром» впервые получил в 2015 г. поддержку китайского банковского сектора в объеме \$1,5 млрд, кроме того были достигнуты договоренности с Bank of China Ltd о дополнительном кредитовании на 2 млрд евро. Другая российская компания в 2017 г. анонсировала свои планы по размещению корпоративных облигаций US Rusal на Шанхайской бирже в объеме не менее \$1,5 млрд или 10 млрд юаней. Российские компании сменили ориентиры, тем самым и им удалось найти стратегических инвесторов не только на Западе. Показательным примером является реализация 19,5% акций публичного акционерного общества «НК «Роснефть» зарубежному консорциуму Glencore International AG и суверенному фонду Катара (Qatar Investment Authority).

Расширение производства отечественных производителей продуктов питания. Многие аналитики считают, что несмотря на некоторые детали и нюансы, в целом меры по импортозамещению сработали. На данный момент РФ один из крупнейших мировых экспортеров зерновых, в значительной степени обеспечивающая собственный внутренний рынок продукцией сельского хозяйства.

Достижение сельскохозяйственными компаниями значительных показателей основано на принятых мерах государственной поддержки. В 2015 г. на сельскохозяйственный сектор было направлено 222 млрд руб., а в следующем 2016 г. объем поддержки составил 224 млрд руб. В дальнейшем, несмотря на дефицитность бюджета, было принято решение о сохранении объемов финансирования агропромышленного комплекса России на уровне предыдущих лет. В качестве результатов таких мер поддержки можно привести рост рентабельности производителей агропромышленного комплекса России, которая впервые с 2016 г. в среднем по нашему государству превысила 20% [11].

Импульс к ускоренному введению новаций. Принятие санкций против РФ и запрет на проведение расчетно-банковских операций в системах «VISA» привело к успешному запуску национальной платежной системы «Мир». По данным на первое полугодие 2017 г. к взаимодействию в рамках данной системы подключилась 381 кредитная организация, при этом около трети из них – 120 банков – являются эмитентами платежных карт системы [12]. Уже в июле 2017 г. было выдано более 10 млн карт платежной системы «Мир» [13].

Отраслевые факторы, принимаемые зарубежными партнерами России, были выборочно направлены на подавление наиболее развитых и финансово-генерирующих отраслей отечественной экономики. В качестве примеров таких факторов необходимо привести ограничение в передаче передовых технологий в области добычи и переработки энергетических и сырьевых ресурсов, блокировку финансового сектора в части взаимодействия российских и зарубежных компаний и многое другое.

По итогам изучения взаимосвязи влияния санкций на экономический потенциал различных стран и корпоративный сектор, авторами была составлена схема факторов, влияющих на экономику государства (рис. 4).



Рис. 4. Факторы, влияющие на экономику государства
 Источник: разработано авторами

Стоит отметить, что данная классификация является условной, и факторы влияния могут проявлять себя на всех рассматриваемых уровнях. Так, глобальные факторы по определению являются и страновыми, а последние в свою очередь оказывают влияние на деятельность в корпоративной среде.

Рассмотрев факторы влияния санкций, оценим, какой эффект они оказали на экономику Российской Федерации. Классифицируем позитивные и негативные моменты по видам санкций (табл. 2).

Таблица 2

Положительные и негативные последствия влияния санкций

Позитивный эффект	Негативный эффект
Финансовые санкции	
<ul style="list-style-type: none"> – поиск альтернативных путей и выход на азиатские финансовые рынки – поиск новых стратегических инвесторов – запуск национальной платежной системы «Мир» 	<ul style="list-style-type: none"> – запрет кредитования отечественных банков и корпоративного сектора в западных банках – падение прибыли финансовых учреждений – дефицит ликвидности финансовых учреждений – повышение процентных ставок – рост цен на импортные товары – увеличение рисков невозврата и сокращение объемов потребительского кредитования – снижение финансовой платежеспособности населения; – сокращение ВВП – увеличение оттока капитала – сокращение внешнеторгового оборота
Ограничения на экспорт оборудования и технологий	
<ul style="list-style-type: none"> – ускорение реализации программы импортозамещения – тенденции к развитию аграрного сектора страны 	<ul style="list-style-type: none"> – прекращение военно-технического сотрудничества с рядом стран – снижение темпов разработки новых месторождений
Продовольственные контрсанкции со стороны России	
<ul style="list-style-type: none"> – выход на лидирующее место по производству зерна – усиление продовольственной безопасности – расширение производства отечественных производителей продуктов питания 	<ul style="list-style-type: none"> – рост инфляции на продовольственные товары – проблема качества продукции – рост цен на продовольственные товары

Источник: разработано авторами.

Таким образом, мы выяснили, что последствия санкций проявляют себя на всех уровнях экономической жизни, оказывая влияние как на государственные интересы и результаты, так и на деятельность компаний в отдельных странах. Стоит отметить, что данная классификация является условной, и факторы влияния могут проявлять себя на всех рассматриваемых уровнях; так, глобальные факторы по определению являются и страновыми, а те в свою очередь оказывают влияние на отрасль и далее на деятельность в корпоративной среде.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что реализуемые санкции, введенные против Российской Федерации, имеют неоднозначный характер. Несмотря на очевидный отрицательный эффект воздействия санкций на экономику Российской Федерации, приведенные в исследовании показатели свидетельствуют о том, что наша страна посредством ряда реализуемых стабилизационных мер смогла стабилизировать ситуацию в части адаптации к новым экономическим условиям, выработать иммунитет против них.

На среднесрочном горизонте планирования влияние санкций еще сохраняется, однако говорить о тяжелых последствиях уже не приходится. Безусловно, их наличие сдерживает экономический рост, но в целом и отток капитала сократился, и многие компании научились обходить санкционные и ограничительные меры. Вместе с тем в долгосрочной перспективе санкции будут сильно подрывать возможности для динамичного экономического роста в России. Кроме того, наблюдаемая пролонгация санкций осложняет и уже сложившиеся жесткие условия рефинансирования для российского корпоративного и банковского сектора.

Литература

1. Официальный сайт аналитического центра при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/> (дата обращения 20 сентября 2018).
2. *Пронин А.В.* О правовой природе санкций ЕС в отношении РФ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 33–36.
3. *Алиев А.А.* Формирование инвестиционно-инновационной стратегии развития ТЭК Республики Азербайджан // Научно-аналитический журнал «Наука и практика» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 2 (10). С. 110–113.
4. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.ru/> (дата обращения 21 сентября 2018).
5. *Зайцева Е.В.* Санкции на санкцию: запреты, введенные Россией и Западом, влияние на дальнейшее развитие РФ // Молодой ученый. 2016. № 2 (106). С. 493–497.

6. Россия в цифрах. 2015: Краткий сб. стат. М.: Росстат, 2016.
7. Официальный сайт Министерства финансов РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minfin.ru/ru/> (дата обращения 21 августа 2018).
8. Официальный сайт группы компаний PwC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/> (дата обращения 20 августа 2018).
9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 20 августа 2018).
10. Пятанова В.И. Меняющаяся роль финансового менеджмента организации в современной среде. Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 12. С. 1965–1974.
11. Родионцева Е.В. Проблемы адаптации к экономическим санкциям Евросоюза // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 11 (79). С. 46.
12. Болвачев А.И., Дарда Е.С., Прохоров П.Э. Санкционные войны как фактор формирования тенденций на фондовом рынке российской федерации // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 2 (136). С. 88–93.
13. Официальный веб-сайт ПС «Мир». URL: <http://mironline.ru/> (дата обращения 20 сентября 2018).

References

1. Official site of the analytical center under the Government of the Russian Federation [Internet]. URL: <http://ac.gov.ru/> (data obrashcheniya 20 Sept. 2018). (In Russ.)
2. Pronin AV. On the legal nature of EU sanctions in respect of the Russian Federation. *Historical and social educational ideas*. 2014;2 (24):33-36. (In Russ.)
3. Aliev AA. Forming investment and innovation development strategy of fuel energy sector of the republic of Azerbaijan. *Scientific and analytical journal "Science and Practice" of the GV. Plekhanov Russian Economic University*. 2013;2(10):110-13. (In Russ.)
4. Official website of the Federal Customs Service [Internet] URL: <http://www.customs.ru/> (data obrashcheniya 21 Sept. 2018). (In Russ.)
5. Zaitseva EV. Sanctions on a sanction. Bans imposed by Russia and the West, the impact on the further development of the Russian Federation. *Young Scientist*. 2016;2(106):493-97. (In Russ.)
6. Russia in numbers. 2015: Short Stats. Moscow:Rosstat Publ.; 2016. (In Russ.)
7. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation [Internet]. URL: <https://www.minfin.ru/ru/> (data obrashcheniya 21 Aug. 2018). (In Russ.)
8. Official site of the PwC group of companies [Internet]. URL: <https://www.pwc.com/> (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). (In Russ.)
9. Official site of the Federal State Statistics Service [Internet]. URL: <http://www.gks.ru/> (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). (In Russ.)
10. Pyatanova VI. The changing role of the financial management of an organization in a modern environment. *Russian business*. 2017;18(12):1965-74. (In Russ.)
11. Rodiontseva EV. Issues of adaptation to economic sanctions of the European Union. *Modern scientific research and innovation*. 2017;11(79):46. (In Russ.)

12. Bolvachev AI., Darda ES., Prokhorov PE. Sanctions wars as a factor in the formation of trends in the stock market of the Russian Federation. *Economic strategies*. 2016;2(136):88-93. (In Russ.)
13. Official site of the PS "Mir" [Internet]. URL: <http://mironline.ru/> (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). (In Russ.)

Информация об авторах

Ксения В. Екимова, доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Россия; 109542, Россия, Москва, Рязанский пр., д. 99; ekimovak2003@yandex.ru

Алиев Аяз Аладдин оглы, кандидат экономических наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36; ayaz.797@mail.ru

Гордиенко Михаил Сергеевич, кандидат экономических наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36; gordienkomikhail@yandex.ru

Information about the authors

Ksenia V. Ekimova, Dr. in Economics, professor, State University of Management, Moscow, Russia; bld. 99, Ryazanskii avenue, Moscow, Russia, 109542; ekimovak2003@yandex.ru

Aliev Ayaz Aladdin, PhD in Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, bld. 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russia, 117997; ayaz.797@mail.ru

Mikhail S. Gordienko, PhD in Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russia, 117997; gordienkomikhail@yandex.ru

УДК 001.895
DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-64-76

Влияние наукоемкости и инноваций на развитие экономики в России

Лариса А. Корчагова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lakor@rggu.ru*

Сергей А. Корчагов

ООО «Химия XXI век», Москва, Россия, 07sekor.2011@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятия наукоемкости и инноваций. Авторы описывают характеристики и факторы наукоемкости, дают классификацию наукоемких производств. Они выделяют основные составляющие инновационной экономики. Авторы статьи объясняют, как наукоемкость и инновации оказывают влияние на развитие экономики страны. В статье анализируются основные проблемы современного экономического развития России и пути их решения за счет эффективного взаимодействия науки, предпринимательства, общества и государства.

Ключевые слова: наукоемкость, наукоемкая продукция, наукоемкие производства, инновации, инновационные системы

Для цитирования: Корчагова Л.А., Корчагов С.А. Влияние наукоемкости и инноваций на развитие экономики в России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 64–76. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-64-76

Impact of science-intensity and innovations on the development of Russian economy

Larisa A. Korchagova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, lakor@rggu.ru

Sergey A. Korchagov

LLC «Khimiya XXI vek», Moscow, Russia, 07sekor.2011@mail.ru

Abstract. The article considers concepts of the science-intensity and innovation. The authors describe characteristics and factors of the science-intensity, give a classification of science-intensive industries. They identify the main components of the innovative economy. The authors explain how science-intensity and innovation have an impact on the development of the nation economy. The article analyzes the main issues of Russia's modern economic development and ways of solving them through effective interaction of the science, business, society and state.

Keywords: science-intensity, science-intensive products, science-intensive industries, innovations, innovative systems

For citation: Korchagova LA., Korchagov SA. Impact of science-intensity and innovations on the development of Russian economy. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 2018;3(13):64-76. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-64-76

Введение

В настоящее время одним из важнейших факторов развития экономики и конкурентоспособности предприятий и выпускаемой ими продукции является наукоемкость. Это обусловлено тем, что в постиндустриальной экономике определяющим фактором развития экономики стран, перешедших и переходящих на данную ступень своего развития, является постоянно растущая активность инновационной деятельности. В данных условиях наука становится важным элементом производственных ресурсов и вместе с этим ключевым фактором экономического роста и развития как отдельных отраслей экономики, так и всего народного хозяйства в целом.

Наукоемкие производства, их характеристики и классификации

Возникновение понятия наукоемкости и явилось результатом эволюции технико-технологического развития. В современной литературе существует большое количество определений и характеристик наукоемкой продукции и наукоемких производств. Проанализируем некоторые из них.

И.А. Стрижанов считает, что наукоемкая продукция – это продукция наукоемких отраслей народного хозяйства, таких как производство космической техники, авиастроение, судостроение, производство электронных систем управления, роботов, гибких автоматизированных линий, некоторые виды химических производств, генная инженерия, микробиология, фармацевтика и др. [1]

О.Ю. Мартынов отмечает, что к наукоемкой продукции принято относить продукцию, при производстве которой доля затрат на исследования и разработки в общих издержках или в объеме продаж составляет не менее 3,5–4,5% [2].

Данные исследований подтверждают, что на современном этапе развития мировой экономики существует функциональная зависимость между затратами на развитие науки и высоким уровнем наукоемкости выпускаемой продукции.

Мы можем дать следующее обобщающее определение наукоемкой продукции. Наукоемкая продукция – это особый результат человеческой деятельности, который включает повышенную долю НИОКР по сравнению с традиционными отраслями промышленности. Наукоемкая продукция является научным результатом интеллектуальной деятельности, предназначенным для удовлетворения общественных потребностей в новшествах.

Наряду с понятием наукоемкой продукции существует понятие наукоемкого производства. Наукоемкими считают производства с высокой долей затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР).

Основными характеристиками функционирования наукоемких производств являются:

- комплексный характер, охватывающий все этапы по созданию наукоемкой продукции (НИОКР, производство и использование);
- использование в процессе НИОКР основных достижений фундаментальных исследований;
- направленность НИОКР и производства на конкретный конечный результат;
- длительный период жизненного цикла продукции, который может достигать 20 и даже более лет.

Современные ученые рассматривают развитие наукоемкого производства как важнейший фактор роста экономики, поскольку в настоящее время наукоемкие высокотехнологичные отрасли обуславливают стремительное развитие экономик стран мира. Таким образом, те страны, где наблюдается наиболее высокие темпы развития наукоемких производств, становятся интеллектуальными лидерами, что в перспективе позволяет им стать лидерами в общем рейтинге высокоразвитых стран мира. Эти процессы также важны для ускорения глобализации мировой экономики в целом.

В настоящее время проблемы функционирования и развития наукоемких производств в настоящее время вызывают повышенный интерес как со стороны научного сообщества, так и со стороны государственных органов управления. Вопрос создания и продвижения наукоемких технологий актуален на сегодняшний день главным образом по причине их большой значимости для мощного толчка к развитию экономики, так как они способствуют повышению уровня жизни путем увеличения ряда интенсивных показателей: производительности труда, эффективности использования возобновляемых природных ресурсов и их более рационального потребления.

В иностранных источниках выделяют четыре типа организаций наукоемкой сферы:

1. Товарные или производственные компании.
2. Научно-исследовательские или инжиниринговые компании.
3. Консалтинговые компании.
4. Компании-дистрибьюторы.

Первые осуществляют производство и/или продажу наукоемкой продукции. Инжиниринговые фирмы проводят НИОКР для производственных компаний, обеспечивая их технической документацией, в некоторых случаях анализируя рынки нового продукта. Консультационные фирмы продают свои услуги в технических областях. Компании-дистрибьюторы продвигают узкоспециализированное оборудование, необходимое для производства наукоемкой продукции.

На данный момент не существует единой классификации отраслей по степени технологичности и наукоемкости. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) было предложено использовать два подхода:

- классификация по типам высоких технологий, где основным критерием выступает показатель использования инноваций в производственном процессе;
- классификация по производимому продукту, где основной критерий – показатель наукоемкости выпускаемой продукции.

Многие авторы принадлежность отраслей экономики к категории наукоемких определяют показателем наукоемкости производства (N). Данный показатель определяется как отношение общих затрат на НИОКР ($V_{\text{ниокр}}$) к объему валовой продукции данной отрасли ($V_{\text{вп}}$):

$$N = (V_{\text{ниокр}}/V_{\text{вп}})100\%. \quad (1)$$

Считается, что для наукоемких отраслей этот показатель должен как минимум в полтора раза быть больше средних значений по традиционной промышленности [3].

Показатель наукоемкости применяют для различных классификаций отраслей, предприятий, производств. Организацией экономического сотрудничества и развития этот критерий был использован при разработке системы классификации отраслей и предприятий, в соответствии с которой они делились на высоко-, средне- и низкотехнологичные. В таблице 1 представлена классификация технологий наукоемкой продукции на основе коэффициента наукоемкости [4].

Таблица 1

Классификация технологий
по коэффициенту наукоемкости

Технологии	Коэффициент наукоемкости, %
Высокие	>17
Средние	2,3–17
Низкие	0,5–2,3

Как видно из данных таблицы, чтобы технология предприятия считалась высокотехнологичной, коэффициент наукоемкости должен превышать 17%, что почти в 10 раз превышает показатели традиционных неинновационных отраслей. В развитых странах считают высокотехнологичными те отрасли, в выпускаемой продукции которых доля затрат на научную разработку составляет не менее 20%.

Для оценки высокой технологичности фирм также необходимо учитывать и иные факторы, такие как доля научных сотрудников к общей численности персонала, уровень затрат на НИОКР в расчете на одного работника и др.

Классификация отраслей и предприятий по степени технологичности на основе коэффициентов наукоемкости в настоящее время используется во многих развитых странах мира, в том числе и в России. В свое время в СССР наукоемкими считались машиностроение, химическая промышленность, микробиология, где коэффициент наукоемкости был гораздо ниже. Сейчас в России к высоким технологиям относят:

- производство космической и авиатехники;
- производство медицинского оборудования;
- производство оборудования для офисов и ЭВМ;
- производство коммуникационного оборудования.

В РФ процессы создания наукоемких технологий были сильно задержаны многолетним экономическим спадом. Одновременно с этим из-за невозможности создания многих видов наукоемкой промышленной продукции, на которую имелся большой спрос, усиливалась зависимость от импорта этих видов продукции. Данная проблема усугублялась низким уровнем инвестиций в науку, потерей ценнейших кадров из-за эмиграции в зарубежные страны.

Наукоемкие отрасли вместе создают высокотехнологичный комплекс народного хозяйства, который играет очень важную роль в развитии экономики государства. Конкурентоспособность науко-

емкой продукции значительно выше как на мировом рынке, так и на национальном рынке.

Главным фактором наукоемкого комплекса являются его инновационные возможности и высокая активность в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Для анализа современного состояния и динамики развития высокотехнологичных отраслей были рассмотрены данные исследований, представленных ВШЭ. Важным индикатором развития России в сфере высоких технологий является уровень инновационной активности в области продаж и его динамика (табл. 2) [5].

Таблица 2

Инновационная активность организаций

Показатель/год	2000	2001	2003	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2016
Удельный вес экспорта инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме продаж товаров, работ, услуг; %	0,9	0,9	1,1	1,4	1,7	1,1	2,0	2,9	2,1	1,9
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме продаж, товаров, работ, услуг на внутреннем рынке; %	4,1	3,7	4,6	4,4	4,8	4,4	5,3	7,7	7,7	8,4
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг; %	5,8	7	4,9	8,2	7,9	5,5	8,8	13,7	8,8	8,4

Как видно, за период 2015–2016 гг. ввиду кризиса и экономических санкций со стороны стран Запада снизилась доля наукоемких технологий в общей доле экспорта, но возросла на внутреннем рынке, что объясняется импортозамещением.

Для полноценного анализа инновационной активности предприятия также необходимо учитывать и такие факторы, как:

- наличие научно-технического потенциала;
- наличие необходимой инфраструктуры, обеспечивающей создание и продвижение на рынок наукоемкой продукции;

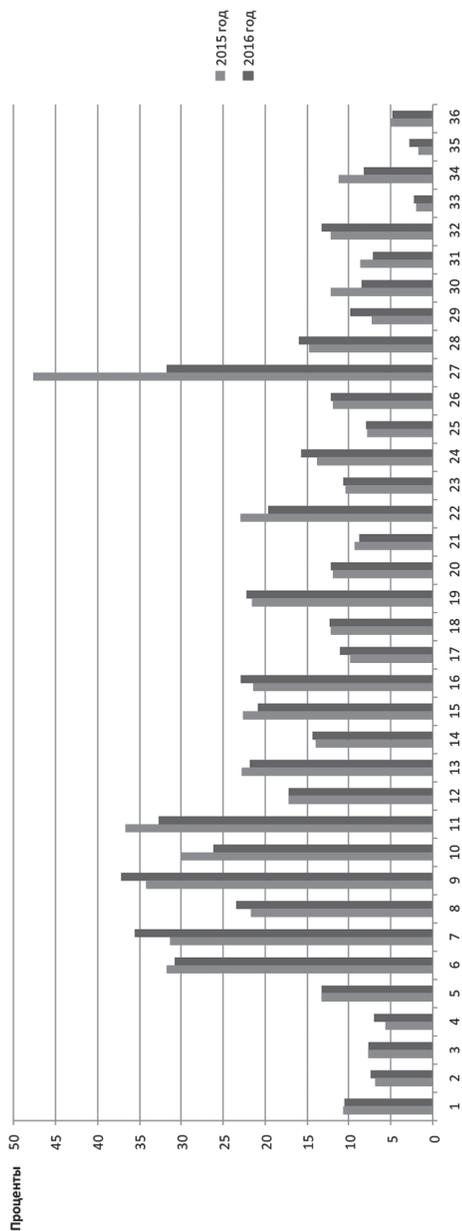


Рис. 1. Показатель инновационной активности малых предприятий РФ по видам экономической деятельности за 2015–2016 гг. [5]:

1 – всего; 2 – добыча полезных ископаемых; 3 – добыча топливно-энергетических полезных ископаемых; 4 – добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических; 5 – обрабатывающие производства; 6 – высокотехнологичные; 7 – производство фармацевтической продукции; 8 – производство офисного оборудования; 9 – производство электронных компонентов, аппаратуры для радио; 10 – производство медицинских изделий; 11 – производство летательных аппаратов; 12 – среднетехнологичные высокого уровня; 13 – химическое производство; 14 – производство машин и оборудования; 15 – производство электрических машин; 16 – производство автомобилей; 17 – производство прочих транспортных средств; 18 – среднетехнологичные низкого уровня; 19 – производство кокса и нефтепродуктов; 20 – производство резиновых и пластмассовых изделий; 21 – производство прочих неметаллических минеральных продуктов; 22 – металлургическое производство; 23 – производство готовых металлических изделий; 24 – строительство и ремонт судов; 25 – низкотехнологичные; 26 – производство пищевых продуктов, включая напитки; 27 – производство табачных изделий; 28 – текстильное производ-ство; 29 – производство одежды; 30 – производство кожи; 31 – обработка древесины; 32 – производство целлюлозы; 33 – издательская и полиграфическая деятельность; 34 – производство мебели; 35 – обработка вторичного сырья; 36 – производство и распределение электроэнергии, газа и воды

- модернизация производственной и технологической сфер;
- рейтинг России на мировом рынке наукоемкой продукции;
- темпы развития российской науки;
- благоприятная конъюнктура рынка наукоемкой продукции как внутри страны, так и за ее пределами.

Однако большинство из этих факторов имеют неудовлетворительный статус в России. На это повлиял развал ряда отраслей экономики в 90-е годы, а также безграмотная, порой кощунственная приватизация бывших государственных научно-исследовательских институтов (ГНИИ), которые являлись локомотивом для развития отраслевой науки.

На рисунке 1 отображена доля высокотехнологичных предприятий по различным сферам экономической деятельности. Данная диаграмма показывает как прирост, так и падение показателей в зависимости от отрасли.

Рынок наукоемкой продукции связан с повышенной долей риска, поскольку при выводе на рынок новой продукции не все прогнозы становятся положительными, и покупатели могут отреагировать на «новинку» иначе, чем предполагалось. Риск, связанный с деятельностью на рынке наукоемкой продукции, зависит от таких факторов, как неопределенность данного рынка, наличие инвестиций, правильный выбор стратегии управления. Выбор стратегии управления зависит от уровня квалификации и опыта управленческой деятельности в данной сфере руководящего персонала. Наличие данных характеристик позволяет значительно снизить степень риска.

Инновационные процессы и стратегии

Понятие наукоемкости неразрывно связано с понятием инноваций. Данный термин произошел от сочетания слова «новация» и английского предлога *in*, означающего «в». Другими словами, это новый продукт или технология, которые были внедрены в общество.

А.Л. Абаев определяет инновацию как некий инновационный продукт, который является результатом инновационной деятельности (нововведения) и получил практическую реализацию в виде нового товара, услуги, способа производства (технологии) или иного общественно полезного результата [6].

Инновацией называют идею, товар или технологию, запущенные в производство и представленные на рынке, которые потребитель может воспринимать как абсолютно новые или обладающие некими новыми свойствами.

Создание инноваций это высокочрезвычайно затратный процесс, одновременно связанный с высокой степенью риска. Поэтому создавать инновации необходимо исходя из потребностей общества, со временем они должны окупить все издержки, связанные с их разработкой, производством и продвижением.

Инновации классифицируют по степени их новизны. В соответствии с этим выделяют:

- товар/технология, новый для компании, но не для рынка;
- товар/технология, новый как для компании, так и для рынка, т. е. абсолютно новый товар.

Установлено, что абсолютной новизной обладают 5–10% инноваций, большинство же из них это обновленные, дополненные модификации уже существующих товаров/технологий.

В настоящее время все более актуальным и современным является понятие инновационной экономики. Инновационной считается экономика, где большая часть организаций занимаются производством и использованием инновационной продукции. Так, в развитых странах инновационной деятельностью занимается около 2/3 предприятий, функционирующих в сфере производства, и более половины организаций, оказывающих услуги.

Инновационная экономика должна эффективно использовать любые полезные для общества инновации. Идеи ученых в таких условиях реализуются в наукоемких товарах или услугах, а человеческий капитал кумулируется и приумножается.

Для современной постиндустриальной экономики также характерны:

- высокий индекс экономической свободы;
- высокая инновационная активность организаций;
- свободная конкуренция во всех видах экономической деятельности;
- диверсификация экономики.

Инновационная экономика невозможна без наличия шести основных составляющих:

- 1) высокоразвитой системы образования;
- 2) современной инвестируемой науки;
- 3) человеческого капитала;
- 4) законодательной базы;
- 5) материальных составляющих инновационной системы;
- 5) благоприятной среды функционирования.

На Гайдаровском экономическом форуме в январе 2018 г. премьер-министр Дмитрий Медведев отметил, что новые технологии создают новые возможности в экономике. В этих условиях

именно человек становится главной ценностью и главным ориентиром при принятии управленческих решений [7].

Для развития инновационной системы в Российской Федерации необходимы эффективное образование и производство знаний, а также благоприятные условия, в том числе и частный бизнес, который будет ориентирован на инновации. Экономика знаний является высшей стадией развития постиндустриальной инновационной экономики. Ее главной продукцией являются знания и высокие технологии с их последующим внедрением. Но не менее важным фактором для развития экономики знаний является инновационный человеческий капитал. В связи с этим развитые страны большую часть инвестиций вкладывают в человеческий капитал, что впоследствии предопределяет их преимущество в научном и инновационном развитии, а также в высоком качестве жизни общества.

Также важным фактором для развития инновационной системы и экономики страны в целом является венчурный бизнес. Его используют для реализации значимых новшеств, исходящих из фундаментальной науки. Участие государства в этой сфере необходимо для снижения степени рисков. На этапе создания венчурного бизнеса очень важно наличие высококвалифицированных специалистов, которых можно подготовить при наличии эффективной и целенаправленной системы подготовки таких кадров. В США подобная система создана и функционирует в Силиконовой долине в штате Калифорния. В настоящее время в России этот опыт используется в научном комплексе Сколково.

Во всем мире наукоемкие технологии рассматриваются современными учеными и экспертами как важнейший фактор экономического развития. Ведущие эксперты считают, что производители продукции и услуг должны значительно увеличивать затраты на НИОКР, иначе они не смогут добиться роста ВВП или даже возможен спад.

Многие ученые со всего мира отмечают особую важность формирования грамотной инновационной стратегии для развития экономики страны. Для этого необходимы большие материальные затраты и вложения. Причем в этом процессе должны активно участвовать как государство, так и частный бизнес. Сейчас в России создаются государственные программы по поддержке инноваций. Такой уникальный проект, как Сколково направлен на содействие успешному росту инновационной активности в стране. И уже имеются определенные успехи, но несмотря на это разрыв в уровне наукоемкого производства по сравнению с западными странами пока еще достаточно велик.

Задачей государства как высшего института общества на сегодняшний момент является создание благоприятных условий для развития и продвижения наукоемкого потенциала страны. Экономически развитые страны уделяют большое внимание развитию новых видов продукции или производств, что позволяет их товарам поддерживать конкурентоспособность и лидировать на мировом рынке.

Примером активного взаимодействия государства и бизнеса в инновационной сфере является реализация «Комплексного инвестиционного проекта развития инновационного территориального аэрокосмического кластера Самарской области на 2012–2021 гг.» и государственной подпрограммы «Развитие инновационного территориального аэрокосмического кластера Самарской области на 2015–2018 гг.». Не менее интересен и опыт сотрудничества государства и частного сектора экономики, которые правительство Российской Федерации и местные власти финансируют не более чем на 50%. К числу таких относятся проект в порту Усть-Луга, строительство Западного скоростного диаметра в Санкт-Петербурге (внутригородской магистрали протяженностью 46,4 км, образующей большую кольцевую автодорогу вокруг северной столицы России).

Сегодня решающим фактором конкурентоспособности страны на мировой арене является эффективность инновационной сферы ее экономики. В ежегодном рейтинге конкурентоспособности стран, составленном швейцарским исследовательским центром IMD за 2017–2018 гг., первое место заняла Швейцария, второе место – США и третье место – Сингапур. Россия заняла в данном рейтинге 38 место и поднялась на 7 позиций по сравнению с 2016 г. К сильным сторонам российской экономики относится высокая доля высшего образования. Однако воспользоваться своими конкурентными преимуществами России во многом мешают низкая эффективность работы государственных институтов, недостаточный инновационный потенциал, слабая развитость финансового рынка, дефицит доверия инвесторов к финансовой системе и продолжающаяся экономическая рецессия [8].

Нельзя не отметить и еще один важный фактор инновационной экономики. В современных условиях таковым фактором является ускоренная компьютеризация и автоматизация производственных и управленческих процессов. В этой связи также важным условием функционирования инновационной экономики является возможность получения необходимой и актуальной информации о новых знаниях, новейших технологиях, последних разработках нового оборудования, полученных при помощи современных коммуникационных систем.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать вывод, что разработка и дальнейшее развитие инновационных систем является главным и определяющим фактором развития и процветания экономик современных стран. Для этого необходимо усиленное инвестирование научной деятельности. Необходимым условием является наличие системы льгот для инновационных компаний, которая должна частично включать субсидирование за счет средств государственного бюджета, а также за счет средств частных инвесторов, как российских, так и иностранных. Все это будет положительно сказываться на ведении и развитии инновационной деятельности, способствовать скорейшему внедрению в производство последних достижений науки и техники и являться стимулом для ее субъектов.

Реализация вышеперечисленных мер будет содействовать эффективному развитию науки и инновационной экономики России. А за счет эффективного взаимодействия науки, бизнеса, общества и государства станет возможным стремительное экономическое развитие страны в целом.

Литература

1. *Стрижанов И.А.* Понятие и особенности производства сложной наукоемкой продукции // Организатор производства. 2012. № 3. С. 20–23.
2. *Мартынов О.Ю.* Наукоемкое изделие и его особенности // Наукоемкие технологии. 2011. Т. 12. № 11. С. 107–109.
3. *Хрусталеv Е.Ю.* Проблемы организации и управления в наукоемких отраслях экономики России // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 1. С. 20–32.
4. Science, Technology and Industry. Scoreboard of Indicators 2007. Paris: OECD, 2007.
5. Индикаторы инновационной деятельности 2018: Стат. сб. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2018.
6. *Абаев А.Л.* Организационно-экономический механизм формирования научно-инновационной политики на региональном уровне. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2008. С. 7.
7. IX Гайдаровский форум [Электронный ресурс]. Новости. Правительство России. URL: <http://government.ru/news/31036/> (дата обращения 14 июля 2018).
8. Рейтинг стран мира по уровню глобальной конкурентоспособности по версии IMD. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс]. Центр гуманитарных технологий, 2006–2018. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/the-imd-world-competitiveness-yearbook/info> (дата обращения 30 июля 2018).

References

1. Strizhanov IA. Concept and features of production of complex science-intensive products. *Organizator proizvodstva*. 2012;3:20-23. (In Russ.)
2. Martynov OYu. Science-intensive product and its features. *Naukoemkie tekhnologii*. 2011;12 (11):107-109. (In Russ.)
3. Khrustalev EYu. Issues of organization and management in science-intensive industries of Russian economy // Management in Russia and abroad. 2001;1:20-32. (In Russ.)
4. Science, Technology and Industry. Scoreboard of Indicators 2007. Paris: OECD, 2007.
5. Indicators of innovation activity 2018: Statisticheskii sbornik. Moscow: National Research University "Higher School of Economics" Publ.; 2018. (In Russ.)
6. Abaev AL. Organizational and economic mechanism of formation of scientific and innovation policy at the regional level. Vladikavkaz: SOGU Publ.; 2008. (In Russ.)
7. IX Gaidar Forum [Internet]. News. Government of Russia. URL: <http://government.ru/news/31036/> (data obrashcheniya 14 July 2018). (In Russ.)
8. Rating of countries of the world in terms of global competitiveness according to the IMD version. *Humanitarian Encyclopedia* [Internet]. Center for Humanitarian Technologies, 2006-2018. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/the-imd-world-competitiveness-yearbook/info/> (data obrashcheniya 30 July 2018). (In Russ.)

Информация об авторах

Лариса А. Корчагова, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lakor@rggu.ru

Сергей А. Корчагов, менеджер по продажам, ООО «Химия XXI век», Москва, Россия; 111024, Россия, Москва, проезд Энтузиастов, д. 19, 07sekor.2011@mail.ru

Information about the authors

Larisa A. Korchagova, PhD in Economics, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; lakor@rggu.ru

Sergei A. Korchagov, sales manager, LLC "Khimiya XXI vek", Moscow, Russia; bld. 19, Entuziastov Driveway, Moscow, Russia, 111024; 07sekor.2011@mail.ru

Анализ системы государственной поддержки социального предпринимательства в России

Виталий А. Умнов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, umnov.v@rggu.ru*

Анастасия А. Плюхина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pluhinaa@yandex.ru*

Михаил В. Матвеев

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия, biotechnology@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается современное состояние государственной поддержки социального предпринимательства в России с позиции создания условий для его развития, а также возможностей реализации социально значимых проектов.

Действует ряд нормативных актов, в которых затрагиваются вопросы поддержки малого предпринимательства, в том числе деятельность предпринимателей в социальной сфере. Отмечено также, что готовится ряд изменений в законодательстве, позволяющих сделать социально значимую деятельность более привлекательной для предпринимателей. Это должно обеспечить вовлечение ресурсов бизнеса в социально-значимые проекты. Однако в настоящее время законодательство в сфере государственной поддержки и регулирования социального предпринимательства в России является недостаточно развитым.

Реализуется ряд государственных программ социальной поддержки граждан, отчасти способствующих развитию социального предпринимательства. Существует также институциональная среда для поддержки социального предпринимательства, включающая федеральные и местные органы, коммерческие структуры, общественные организации и др.

Российским законодательством предусматривается ряд налоговых и других льгот для предпринимателей, осуществляющих социально-значимую деятельность.

В результате проведенного анализа сформулированы основные особенности государственного регулирования и поддержки социального предпринимательства в России, включающие определение социального предпринимательства, развитие его концепции, субъекты социального предпринимательства, вопросы финансирования и льготы.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, государственное регулирование, государственная поддержка, социально значимые проекты

Для цитирования: Умнов В.А., Плюхина А.А., Матвеев М.В. Анализ системы государственной поддержки социального предпринимательства в России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 77–89. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-77-89

An analysis in the system of state support for social entrepreneurship in Russia

Vitaly A. Umnov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, umnov.v@rggu.ru

Anastasia A. Plyukhina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pluhinaa@yandex.ru

Mikhail V. Matveev

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, biotechnology@mail.ru

Abstract. The current situation of social entrepreneurship state support in Russia is considered from the position of creating conditions for its development, as well as the possibilities of implementing socially significant projects.

There are a number of regulations in which issues of small business support are raised, including the activities of entrepreneurs in the social sphere. It was also noted that a number of changes in legislation are being prepared, allowing to make socially significant activities more attractive for entrepreneurs. That should ensure the involvement of business resources in social projects. However, at present, legislation in the field of state support and regulation of social entrepreneurship in Russia is not sufficiently developed.

A number of state programs of social support for citizens are being implemented, partly contributing to the development of social entrepreneurship. There is also an institutional environment to support social entrepreneurship, including federal and local authorities, commercial structures, public organizations, etc.

Russian legislation provides for a number of taxation and other benefits for entrepreneurs engaged in socially significant activities.

Following the analysis, the main features of state regulation and support for social entrepreneurship in Russia were formulated, including the definition of social entrepreneurship, the development of its concept, the subjects of social entrepreneurship, financing issues and benefits.

Keywords: social entrepreneurship, state regulation, state support, socially significant projects

For citation: Umnov VA., Plyukhina AA., Matveev MV. An analysis in the system of state support for social entrepreneurship in Russia. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series.* 2018;3(13):77-89. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-77-89

Введение

В настоящее время вопросы социального развития российского общества становятся все более актуальными. Возможности бюджетного финансирования в данном направлении достаточно ограничены. Целесообразно создание условий для вовлечения в социальные проекты широкого круга предпринимателей. В этой связи все большее внимание уделяется государственной поддержке проектов в сфере социального предпринимательства. Однако в России социальное предпринимательство пока не получило достаточного развития. В этой связи имеет смысл исследовать состояние нормативной и институциональной базы в данной сфере.

Законодательство в сфере социального предпринимательства

Действующая нормативно-правовая база на федеральном уровне, так или иначе затрагивающая интересы социальных предпринимателей, в основном включает в себя следующие документы:

- Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ;
- Постановление Правительства Российской Федерации «О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства» от 30.12.2014 г. № 1605, а также ежегодно издаваемые приказы Министерства экономического развития Российской Федерации (например, Приказ Минэкономразвития РФ «Об утверждении условий конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» от 25.03.2015 г. № 167);
- Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ;
- Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ;

- Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») от 02.06.2016 г. № 1083-р;
- Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ.

В настоящий момент в Государственной Думе ФС РФ находится на рассмотрении проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», формирующий основные положения государственного регулирования и поддержки социального предпринимательства, а также обеспечивающий установление правового обеспечения и законодательного регулирования деятельности социальных предпринимателей.

Также в августе 2016 г. Министерством экономического развития Российской Федерации совместно с представителями бизнес-сообщества и экспертов в сфере социального предпринимательства был подготовлен проект, согласно которому предложено закрепление понятия «социальное предпринимательство» на законодательном уровне [1].

Отдельная статья законопроекта определяет единые принципы оказания поддержки субъектам социального предпринимательства уполномоченными органами. Так, в ст. 26 «Поддержка субъектов социального предпринимательства» представлено, что оказание поддержки субъектам социального предпринимательства органами государственной власти и органами местного самоуправления осуществляется в виде [2]:

1) создания и обеспечения деятельности специализированных учреждений, формирующих инфраструктуру поддержки субъектов социального предпринимательства, включая центры инноваций социальной сферы (ЦИСС) [3];

2) имущественной поддержки, в том числе путем предоставления субъектам социального предпринимательства во владение и (или) в пользование на долгосрочной основе не менее 10% от общего числа объектов имущества, включенных в перечни государственного имущества и муниципального имущества, указанные в части 4 статьи 18 настоящего Федерального закона;

3) принятия участия в оказании содействия на заключение договоров коммерческой концессии в целях создания субъектов со-

циального предпринимательства, в том числе с помощью создания и формирования баз данных, которые будут содержать сведения об актуальных договорах коммерческой концессии, а также предоставление доступа субъектам малого и среднего предпринимательства к таким базам данных;

4) мероприятий в области пропаганды и распространения опыта реализации успешных проектов в сфере социального предпринимательства;

5) привлечения в установленном порядке субъектов социального предпринимательства к осуществлению функций социального обслуживания граждан;

6) обеспечения профессиональной переподготовки, дополнительных программ обучения и курсов повышения квалификации в сфере социального предпринимательства;

7) предоставления других мер поддержки социального предпринимательства, которые предусмотрены представленным Федеральным законом, а также иными нормативно-правовыми актами Российской Федерации, включая муниципальные правовые акты органов местного самоуправления.

Государственные программы поддержки социального предпринимательства

Кроме того, необходимо отметить существующие программы государственной поддержки, которые играют большую роль в развитии социального предпринимательства, в частности государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» (принятая постановлением Правительства Российской Федерации от 31.03.2017 г. № 372), которая включает в себя следующие федеральные целевые подпрограммы:

- расширение комплекса мероприятий по социальной адаптации, обслуживанию, а также социальной поддержке и защите отдельных категорий граждан;
- совершенствование системы организации социального обслуживания населения;
- улучшение качества предоставления социальной поддержки семьи и детей;
- повышение степени эффективности оказания государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций;
- гарантия обеспечения государственной поддержки старшему поколению.

Среди ожидаемых результатов реализации программы выделяются следующие:

- исполнение обязательств государства по социальной поддержке отдельных категорий граждан;
- увеличение доли организаций социального обслуживания, которые основаны на иных формах собственности, в общем числе организаций социального обслуживания всех форм собственности до 12,4% к 2020 г.;
- увеличение уровня средней заработной платы работников, занятых в социальной сфере до 100% в соответствующем регионе в течение 2018 г.;
- рост суммарного коэффициента рождаемости до 1,812 к 2020 г.;
- снижение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на воспитании в семьях, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, до 80% к 2020 г. [4];
- рост объема предоставляемых гражданам социальных услуг социально-ориентированными некоммерческими организациями (СО НКО);
- повышение материального и социального положения граждан пожилого возраста.

С 2012 г. в рамках Программы реализуется ряд мероприятий, предусматривающих поддержку предпринимателей, осуществляющих проекты социальной направленности [1]:

- поддержка социального предпринимательства (безвозмездные субсидии субъектам малого и среднего предпринимательства на реализацию социальных проектов в размере до 1,5 млн рублей);
- создание и (или) обеспечение деятельности Центров инноваций социальной сферы (субсидии в размере до 5 млн рублей);
- создание центров дошкольного образования (субсидии субъектам малого и среднего предпринимательства в размере до 15 млн рублей);
- организация групп для различного рода занятий с детьми дошкольного возраста (субсидии субъектам малого и среднего предпринимательства в размере до 1 млн рублей, с 2015 г. – до 1,5 млн рублей).

На данный момент в реализацию мероприятия по социальным направлениям вовлечен 51 субъект Российской Федерации. Так, в 2012 г. участие приняли 15 регионов, в 2013 г. – 28, в 2014 г. – 40, в 2015 г. – 32 [5].

За четыре года Минэкономразвития России из федерального бюджета предоставлены субсидии в размере почти 1,5 млрд рублей. В результате реализации таких мероприятий в регионах в 2015 г. [6]:

- оказана поддержка почти 1800 субъектам социального предпринимательства в 32 субъектах РФ;
- создано 134 центра времяпрепровождения детей в 17 регионах России;
- открыто 24 дошкольно-образовательных центров в семи субъектах Российской Федерации;
- услугами центров воспользовались более 5,2 тыс. детей;
- создано более 730 рабочих мест.

Институциональная структура

В настоящее время в целях поддержки проектов в сфере социального предпринимательства в стране уже сформирована некоторая институциональная структура, представленная в виде [7]:

- государственных органов власти, использующих федеральные инструменты поддержки, такие как федеральный инвестиционный портфель; система народного инвестирования; страхование займов; общероссийская биржа социальных проектов; международные социальные практики;
- общественных организаций (Агентство социальных инициатив, Российский микрофинансовый центр);
- представителей бизнес-структур (ПАО «ЛУКОЙЛ», Банк УРАЛСИБ, Объединенная компания «РУСАЛ», ПАО «ГМК «Норильский никель»);
- некоммерческих организаций (Фонд развития медиапроектов и социальных программ, Алтайский центр инноваций социальной сферы (АЦИСС), Центр развития некоммерческих организаций);
- поддержки регионов Российской Федерации.

Развитие этой инфраструктуры позволит к 2020 году создать в большинстве регионов России более 50 тысяч социально ориентированных компаний с общим годовым оборотом более 15 млрд евро и более 500 тысяч новых рабочих мест [8].

Льготы социальным предпринимателям

Налоговым кодексом РФ предусмотрен ряд льгот для отдельных социально значимых видов деятельности. Так, освобождены от НДС организации, которые реализуют:

- протезно-ортопедические изделия и их составляющие, а также же технические средства и материалы, используемые для

- профилактики инвалидности или реабилитации инвалидов (подпункт 1 пункта 2 статьи 149 НК РФ);
- услуги инвалидам и наркологическим больным (подпункт 2 пункта 2 статьи 149 НК РФ);
 - услуги по уходу за больными, пожилыми людьми и инвалидами (подпункт 3 пункта 2 статьи 149 НК РФ);
 - услуги по присмотру и уходу за детьми в организациях дошкольного образования, услуги по проведению занятий с несовершеннолетними детьми в кружках, секциях и студиях (подпункт 4 пункта 2 статьи 149 НК РФ);
 - дополнительные образовательные услуги (подпункт 14 пункта 2 статьи 149 НК РФ);
 - услуги по социальному обслуживанию несовершеннолетних детей; услуги по поддержке и социальному обслуживанию граждан пожилого возраста, инвалидов, безнадзорных детей и иных граждан, которые признаны нуждающимися в социальном обслуживании (подпункт 14.1 пункта 2 статьи 149 НК РФ);
 - услуги населению по организации и проведению физкультурных, физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий (подпункт 14.1 пункта 2 статьи 149 НК РФ);
 - услуги по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации, оказываемых по направлению органов службы занятости (подпункт 14.1 пункта 2 статьи 149 НК РФ);
 - услуги, оказываемые организациями, осуществляющими деятельность в сфере культуры и искусства (подпункт 20 пункта 2 статьи 149 НК РФ).

Налоговым кодексом РФ установлено право на применение нулевой налоговой ставки по налогу на прибыль для предприятий, которые осуществляют образовательную или медицинскую деятельность, а также деятельность по предоставлению социальных услуг, перечень которых утвержден в соответствии со статьей 20 главы 6 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ.

1. Социально-бытовые услуги, ориентированные на получателей социальных услуг в быту, в том числе поддержание лиц, имеющих ограничения жизнедеятельности;

2. Социально-медицинские услуги, направленные на поддержание и сохранение здоровья получателей социальных услуг путем организации ухода, оказания содействия в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения за получателями социальных услуг для выявления отклонений в состоянии их здоровья.

3. Социально-психологические услуги, предусматривающие оказание помощи в коррекции психологического состояния получателей социальных услуг для адаптации в социальной среде, в том числе оказание психологической помощи анонимно с использованием телефона доверия.

4. Социально-педагогические услуги, направленные на профилактику отклонений в поведении и развитии личности получателей социальных услуг, формирование у них позитивных интересов (в том числе в сфере досуга), организацию их досуга, оказание помощи семье в воспитании детей.

5. Социально-трудоустройство услуги, направленные на оказание помощи в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией.

6. Социально-правовые услуги, направленные на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг.

7. Услуги в целях повышения коммуникативного потенциала получателей социальных услуг, имеющих ограничения жизнедеятельности, в том числе детей-инвалидов.

8. Срочные социальные услуги.

Налоговым кодексом РФ также установлен ряд льгот для хозяйственных обществ общественных организаций инвалидов: освобождение от НДС, освобождение от налогообложения налогом на имущество организаций, освобождение от налогообложения земельным налогом, использование упрощенной системы налогообложения (УСН), возможность использования единого налога на вмененный доход (ЕНВД), возможность отнесения расходов на социальную защиту инвалидов к прочим расходам, которые вычитаются из налогооблагаемой базы по налогу на прибыль организаций [9].

Уставный капитал хозяйственного общества должен полностью состоять из вкладов общественных организаций инвалидов и не менее 50% работников общества должны составлять инвалиды, а их доля в фонде оплаты труда – не менее 25% [10]. При расчете среднесписочной численности работников не учитываются внешние совместители и работники по гражданско-правовым договорам (пункт 80 Указаний по заполнению форм федерального статистического наблюдения, утвержденных приказом Росстата от 26.10.2015 г. № 498).

Особенности государственного регулирования

Анализ законодательной базы [11] позволил выявить основные особенности государственного регулирования и поддержки социального предпринимательства в России (таблица).

Таблица

Основные особенности государственного регулирования
и поддержки социального предпринимательства в России

Исследуемые аспекты	Институциональные условия
Определение социального предпринимательства	Отсутствует на уровне федеральных законов, в то же время закреплены Приказом Минэкономразвития № 167 от 25.03.2015 г., где определен перечень условий, обеспечение выполнения которых может подпадать под понятие социального предпринимательства для целей предоставления государственной поддержки субъектам малого предпринимательства
Отдельные элементы, которые могут быть использованы для развития концепции социального предпринимательства	Правовое регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций («СО НКО»), благотворительных организаций, микрофинансовых организаций, субъектов малого и среднего предпринимательства; закрепление льгот для предпринимателей, занимающихся социально-направленной деятельностью
Субъекты социального предпринимательства	На практике социальное предпринимательство осуществляется юридическими лицами любых организационно-правовых форм (как коммерческими организациями, так и НКО), а также ИП. Концепция социального предпринимательства должна учитывать интересы всех этих участников
Вопросы финансирования социального предпринимательства	Финансирование деятельности субъектов социального предпринимательства может осуществляться в различных формах, в частности гранты и субсидии в рамках государственных программ поддержки малого и среднего предпринимательства и СОНО, а также международных программ; доходы от собственной предпринимательской деятельности; заемное финансирование (в т. ч. микрозаймы); взносы и пожертвования
Налоговые льготы	Российское налоговое законодательство не предусматривает специальные льготы для субъектов социального предпринимательства. Тем не менее в России предоставляются различные льготы, направленные на стимулирование социальной деятельности (преимущественно в отношении деятельности НКО, а также отдельных программ и социально направленной деятельности, осуществляемой предпринимателями). Существует очень ограниченный перечень льгот, предоставляемый донорам

Заключение

Таким образом, проанализировав существующие подходы, связанные с регулированием социального предпринимательства и использованием программно-целевого подхода в поддержке проектов в сфере социального предпринимательства в России, можно, по нашему мнению, более полно и качественно оценить эффективность функционирования социального предпринимательства, определить проблемы, требующие решения, а также сформулировать пути дальнейшего развития, опираясь на опыт ведущих зарубежных стран.

Литература

1. Поддержка социальных инициатив предпринимателей [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmb/2016120403> (дата обращения 13 января 2018).
2. Приказ Министерства экономического развития РФ от 25.03.2015 г. № 167 «Об утверждении условий конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» [Электронный ресурс] // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/70940868/> (дата обращения 2 декабря 2017).
3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 316 (ред. от 03.02.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/ (дата обращения 7 ноября 2017).
4. Шахова Е.А. Социально-финансовая классификация населения и риски наименее обеспеченной категории // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12 (Ч. 3). С. 11–31.
5. Социальное предпринимательство в регионах России: все только начинается [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство «Федерал-Пресс». URL: http://fedpress.ru/news/press_center/press_club/1372685465-sotsialnoe-predprinimatelstvo-v-regionakh-rossii-vse-tolko-nachinaetsya (дата обращения 15 сентября 2017).
6. Уточните, пожалуйста. Информационно-аналитический портал «Наше будущее». [Электронный ресурс] URL: <http://www.nb-fund.ru/about-us/media-about-us/utochnite-pozhaluysta.html> (дата обращения 10 октября 2017).
7. Лысенко В.В. Социальное предпринимательство как новая форма взаимодействия гражданского общества и бизнеса // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 43–47.

8. *Сувеева Ю.В.* Социальное предпринимательство как инструмент повышения эффективности решения социальных проблем // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 6. С. 799–810.
9. *Стагниева Ю.И., Камбердиева С.С., Хетагуров Г.В.* Развитие социального предпринимательства в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12. С. 77–81.
10. *Мишкин А.* Капитал социального предпринимателя [Электронный ресурс] / А. Мишкин // Информационно-аналитический портал «Наше будущее». URL: <http://www.nb-forum.ru/interesting/experts/kapital-sotsialnogo-predprinimatelya.html> (дата обращения 27 сентября 2017).
11. *Нестеренко Ю.Н., Плюхина А.А.* Развитие социального предпринимательства в экономике России. М.: Креативная экономика, 2017. 154 с.

References

1. Support for social initiatives of entrepreneurs [Internet]. *Official website of the Ministry of Economic Development of Russia*. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/dembmb616120403> (data obrashcheniya 13 Jan. 2018). (In Russ.)
2. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation “On approval of conditions for competitive selection of constituent entities of the Russian Federation, whose budgets are granted subsidies from the federal budget for state support of small and medium-sized businesses, including peasant (farm) enterprises, and requirements for organizations that form the infrastructure for supporting small and medium-sized business” [Internet]. *EPS “Sistema GARANT”*. URL: <http://base.garant.ru/70940868/> (data obrashcheniya 2 Dec. 2017). (In Russ.)
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 316 (as amended on 03.02.2018) «On the approval of the state program of the Russian Federation “Economic development and innovation economy”» [Internet]. *Consultant Plus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/ (data obrashcheniya 7 Nov. 2017). (In Russ.)
4. Shakhova EA. Social and financial classification of the population and the risks for the least affluent category. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2015;12(3):11-31.
5. Social entrepreneurship in the regions of Russia. Everything is just beginning [Internet]. *Russian Information Agency Federal Press*. URL: http://fedpress.ru/news/press_center/press_club/1372685465-sotsialnoe-predprinimatelstvo-v-regionakh-rossii-vse-tolko-nachinaetsya (data obrashcheniya 15 Sept. 2017). (In Russ.)
6. Specify, please [Internet]. Information and analytical portal “Our Future”. URL: <http://www.nb-fund.ru/about-us/media-about-us/utochnite-pozhaluysta.html> (data obrashcheniya 10 Oct. 2017). (In Russ.)
7. Lysenko VV. Social entrepreneurship as a new form of interaction between civil society and business. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2016;10:43-47.
8. Sueva YuV. Social entrepreneurship as a tool to improve the efficiency of solving social problems. *Russian Entrepreneurship*. 2016;17(6):799–810. (In Russ.)
9. Stagnieva YuI., Kamberdieva SS., Khetagurov GV. The development of social entrepreneurship in the Russian Federation. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2014;12:77-81.

10. Mishkin A. Capital of a social entrepreneur [Internet]. *Informational and analytical portal "Our Future"*. URL: <http://www.nb-forum.ru/interesting/experts/kapital-sotsialnogo-predprinimatelya.html> (data obrashcheniya 27 Sept. 2017). (In Russ.)
11. Nesterenko YuN., Plyukhina AA. Development of social entrepreneurship in the Russian economy. Moscow: Kreativnaya ekonomika Publ.; 2017. 154 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Виталий А. Умнов, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; umnov.v@rggu

Анастасия А. Плюхина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pluhinaa@yandex.ru

Михаил В. Матвеев, доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36; biotechnology@mail.ru

Information about the authors

Vitaly A. Umnov, Dr. in Economics, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; umnov.v@rggu.ru

Anastasia A. Plyukhina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; pluhinaa@yandex.ru

Mikhail V. Matveev, Dr. in Economics, professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russia, 117997; biotechnology@mail.ru

Проблемы и способы повышения эффективности при осуществлении процесса отбора персонала

Алла В. Никонорова

*Московский университет имени С.Ю. Витте,
Москва, Россия, nikonorova-av@mail.ru*

Наталья Н. Торопова

*Московский университет имени С.Ю. Витте,
Москва, Россия, t_natalia2005@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы, возникающие в процессе отбора персонала в коммерческих организациях при решении задач повышения эффективности процесса. Их устранение способствует повышению качества выполнения работы, осуществляемой нанятым персоналом, раскрытию имеющегося потенциала и, как следствие, повышению конкурентоспособности организаций. В статье рассмотрены конкретные мероприятия, реализация которых нацелена на обеспечение высокого качества отбора персонала, использование возможностей применения информационных технологий в процессе отбора персонала, исследованы проблемы и трудности, возникающие в процессе найма персонала. С целью их решения предложено расширить применяемые критерии оценки. Авторами было предложено использование показателя моно/поликритериальности метода при оценке эффективности методов отбора персонала, который может быть применен совместно с показателем валидности методов отбора. На основании проведенного исследования был предложен вариант систематизации методов отбора персонала, проанализированы способы привлечения кандидатов и эффективность этих способов. Особое внимание в статье обращается на необходимость осуществления оценки с учетом требуемых корпоративных компетенций организации, подчеркивается тот факт, что деловые и личные характеристики должны учитываться при оценке группы качеств потенциального работника.

Ключевые слова: управление персоналом, процесс отбора персонала, эффективность методов отбора персонала, профессиональные компетенции, коммерческие организации

Для цитирования: Никонорова А.В., Торопова Н.Н. Проблемы и способы повышения эффективности при осуществлении процесса отбора персонала // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 90–102. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-90-102

Problems and methods of efficiency increase in implementation of personnel selection process

Alla V. Nikonorova

Witte Moscow University, Moscow, Russia, nikonorova-av@mail.ru

Natalia N. Toropova

Witte Moscow University, Moscow, Russia, t_natalia2005@mail.ru

Abstract. The main problems that arise in the process of personnel selection during achievement of the task of improving the efficiency of the process in commercial organizations are analyzed in the article. Their elimination contributes in improvement of the quality of the work carried out by the hired staff, the deployment of existing potential, and, as a consequence, increase in competitiveness of organizations. The article explores the specific activities which are aimed at ensuring high quality of personnel selection, the usage of information technologies in the process of selection, and the issues and difficulties encountered in the process of selection. It is proposed to expand the applied evaluation criteria in order to solve them. The authors suggested the usage of mono/poly-criterial indicator for assessing the effectiveness of the methods of personnel selection. It can be applied together with the indicator for the validity in personnel selection. It is recommended to be used in unison with selection methods. On the basis of the fulfilled study the variant of systematization of methods for personnel selections is proposed. The special attention in the article is paid to the need of taking into account the organization corporate competencies which are required by the organization, and it also emphasizes that the business and personal characteristics of a potential employee should be taken into consideration when assessing the complex of his qualities.

Keywords: personnel management, personnel selection process, efficiency of personnel selection methods, professional competence, commercial organizations

For citation: Nikonorova AV., Toropova NN. Problems and methods of efficiency increase in implementation of personnel selection process. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series.* 2018;3(13):90-102. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-90-102

Введение

В условиях рыночной экономики качество персонала является одним из важных факторов, определяющим выживание и экономический успех организации. В конкурентной борьбе выигрывают те организации, которые уделяют повышенное внимание качеству работающего у них персонала. Новые задачи, стоящие перед экономической страной, развивающейся под давлением санкций, стремительное развитие информационных технологий, выход на российский рынок

транснациональных корпораций, обострение рыночной конкуренции выдвигают особые требования к совершенствованию методов управления персоналом организации для получения конкурентных преимуществ перед другими организациями.

Подбор и отбор персонала – ключевые функции управления человеческим потенциалом организации, которые определяют эффективность и успех деятельности организации в целом наряду с другими направлениями кадровой работы, такими как кадровое планирование, развитие, мотивация, управление карьерой. Найм персонала можно разделить на два связанных между собой процесса – процесс подбора персонала и процесс отбора персонала. Каждый вид процесса найма персонала имеет собственные задачи и возникающие при этом проблемы. Процессу отбора персонала предшествует процесс подбора персонала. Организации используют активные методы поиска и отбора персонала, стремясь привлечь в организацию как можно больше кандидатов, удовлетворяющих критериям, сформулированным работодателем. Организации используют внешние и внутренние источники привлечения кандидатов, различные методы подбора кандидатов по организации потока претендентов на открытые вакансии.

Для подбора персонала в коммерческих организациях активно используются следующие способы привлечения кандидатов: объявления в сети Интернет, социальных сетях, объявления в СМИ, работа со студентами и выпускниками колледжей, лицеев, профессионально-технических училищ, высших учебных заведений, обращения к услугам служб по трудоустройству и кадровых агентств, получение информации от знакомых.

Согласно данным, полученным в ходе проведенного компанией «Рекадро» исследования в 2014 г. [1], первое место в рейтинге наиболее популярных активных источников подбора персонала на протяжении 12 предыдущих лет занимали сайты по поиску работы – 44% (Hh.ru, Rabota.ru, Superjob.ru, Zarplata.ru, Avito.ru и другие), второе место занимали газеты и журналы – 24%, третье место принадлежало рекомендациям – 9%.

А.Я. Кибанов определяет отбор персонала как часть процесса найма персонала, который производится из числа претендентов на вакантную должность на основе оценки деловых качеств кандидатов. При этом используются специальные методики, учитывающие систему деловых и личных характеристик, охватывающие следующие группы качеств:

- 1) общественно-гражданская зрелость;
- 2) отношение к труду;
- 3) уровень знаний и опыт работы;

- 4) организаторские способности;
- 5) умение работать с людьми;
- 6) умение работать с документами и информацией;
- 7) умение своевременно принимать и реализовывать решения;
- 8) способность увидеть и поддержать передовое;
- 9) морально-этические черты характера [2 с. 321].

Традиционно в исследованиях рассматриваются показатели эффективности всего процесса найма (подбора и отбора) персонала в коммерческих организациях:

- показатель времени, который связан с определенными для закрытия вакансии минимальными сроками (от 1 до 7 дней);
- показатель стоимости отбора по определенной вакансии, который связан с ограниченностью бюджета, особенно для малых и средних организаций;
- показатель качества отобранных специалистов.

Для своевременного закрытия вакансии и принятия на работу кандидата требуемой квалификации на этапе отбора персонала основной задачей является обеспечение организации кандидатами высокого качества, в то время как показатели времени и стоимости являются приоритетными задачами для этапа подбора персонала. Методы отбора персонала не требуют значительных временных и материальных затрат, за исключением некоторых из них (например таких как Assessment Center, некоторые виды тестирования, использование полиграфа).

В исследовании А.П. Лазуткина [3] качество принятых на работу кандидатов оценивается путем применения следующих показателей результативности.

1. Уровень текучести кадров, особенно среди новых работников.
2. Доля работников, не прошедших испытательный срок, от общего числа принятых на работу.
3. Уровень нарушений трудовой дисциплины среди новых работников (прогулы, опоздания, отсутствие на рабочем месте).
4. Уровень брака и ошибок, допускаемых новыми работниками.
5. Количество жалоб со стороны клиентов, потребителей, поставщиков по вине новых работников.

К указанным выше показателям можно добавить следующие: уровень производительности труда новых работников после прохождения испытательного срока, процент выполнения плана сотрудниками различных отделов.

При решении задачи оценки качества отобранных специалистов возникает трудность, связанная с тем, что ответственными за отбор кандидатов являются специалисты по управлению персоналом при поддержке руководителей подразделений, а оценивают качество

выполняемой ими работы только линейные руководители. В таких условиях найм кандидатов неопытными сотрудниками кадровой службы, не имеющими возможности влияния на дальнейшую работу принятых на работу, становится неэффективным. Опытные кадровики в подобных случаях анализируют возникающие проблемы и проводят мероприятия по совершенствованию системы отбора, адаптации и мотивации персонала в организации.

По мнению авторов, основными проблемами, возникающими в процессе отбора кандидатов, обладающих необходимыми компетенциями и качествами, являются следующие:

– *Уровень квалификации специалистов, участвующих в отборе персонала.*

В коммерческих организациях выделяют до 6 этапов отбора персонала: этап скрининга резюме, телефонное интервью или предварительная беседа, первичное собеседование, собеседование с ведущим специалистом по отбору персонала, тестирование или собеседование с психологом, собеседование с руководителем структурного подразделения. Все участники процесса найма должны обладать компетенциями по подбору и отбору персонала на соответствующем уровне. Этот уровень должен быть подтвержден проведенной оценкой или аттестацией персонала.

– *Эффективность методов отбора персонала.*

Основной характеристикой метода отбора персонала, отражающей его эффективность, является показатель валидности метода. Валидность метода в психологии показывает, насколько точно тест отражает то, что он должен оценивать, его пригодность, эффективность.

Большой вклад в изучение прогностической валидности (predictive validity) методов отбора персонала внесли американские ученые Ф. Шмидт и Д. Хантер. Ученые провели метаанализ данных по эффективности методов отбора персонала в 1998 г., в 2013 г. результаты исследования были пересмотрены и уточнены [4]. Полученные в этом исследовании данные являются основой определения валидности других методов отбора персонала.

По мнению авторов, представляется целесообразным предложить к рассмотрению такую важную характеристику оценки методов отбора персонала, как показатель моно/поликритериальности метода, под которым понимается способность определенного метода отбора персонала дать объективную оценку по одному или по нескольким критериям отбора. Применение данного показателя может способствовать обеспечению эффективности процесса отбора в целом.

Использование этой характеристики может повысить достоверность полученных сведений о кандидатах и лечь в основу групп-

пировки методов отбора персонала на основные и дополнительные методы отбора.

Рассмотрим современные методы отбора персонала с точки зрения двух характеристик – валидности и моно/поликритериальности оценки.

Для изучения современных методов отбора персонала и их популярности воспользуемся исследованием, проведенным компанией «Рекадро» в 2013 г. Всего было опрошено 116 специалистов HR-служб международных компаний различных сфер деятельности. Рейтинг популярности методов отбора персонала представлен в таблице, графа 2 [1].

По данным рейтинга наиболее популярным методом отбора персонала стало использование кейсов (практических заданий и ситуаций) – (90%). В российских компаниях интервью по компетенциям (85%) заменяют другие современные виды собеседований. В рейтинге также была отмечена популярность тестирования навыков и знаний по профессии (83%), а также проверка рекомендаций (72%).

Однако популярность метода отбора персонала не гарантирует его эффективности. В связи с этим при выборе метода отбора персонала предлагается рассматривать такие направленные на обеспечение высокой эффективности характеристики, как валидность и моно/поликритериальность.

В таблице представлены популярные методы отбора персонала, дополненные показателями валидности и моно/поликритериальности.

Таблица

Эффективность наиболее популярных методов отбора персонала

Методы отбора персонала	Рейтинг популярности (%)	Валидность	Моно/поликритериальность (количество критериев отбора)
Рассмотрение резюме/анкетирование/биографический анализ	100	0,35–0,38	Все формальные критерии отбора
Поведенческое собеседование (интервью по компетенциям)	85	0,48–0,61	Все критерии в соответствии с моделью компетенций
Неструктурированное интервью	72	0.19–0,6	Все формальные критерии отбора

Окончание табл.

Методы отбора персонала	Рейтинг популярности (%)	Валидность	Моно/поликритериальность (количество критериев отбора)
Структурированное интервью	46	0,58–0,63	Все формальные критерии отбора, профессиональные компетенции, мотивация
Кейсы, оценка ситуации, симуляция рабочего процесса	90	0,26–0,62	Один или несколько критериев отбора (профессиональные компетенции, личные качества)
Тесты способностей	34	0,54	Один или несколько критериев отбора (профессиональные компетенции)
Тестирование навыков/знаний по профессии	83	0,48–0,55	Один или несколько критериев отбора (профессиональные компетенции)
Психологические тесты	52	0,42	Несколько критериев отбора (личные качества)
Тесты на соответствие корпоративной культуре	34	0,13	Один или несколько критериев отбора
Проверка рекомендаций	72	0,26	Один или несколько критериев отбора

Данный перечень может быть дополнен следующими методами:

- «Проективные вопросы» (рейтинг популярности 52%). Данный метод дает оценку по нескольким критериям отбора (мотивация, работа с клиентами, взаимоотношения в коллективе, личные качества), валидность метода зависит от вопросов и профессионализма непосредственных оценщиков.
- Сбор рекомендаций из социальных сетей (рейтинг популярности 60%, имеет тенденцию к росту). Метод является поликритериальным. Метод дает оценку преимущественно личных качеств.
- Assessment Center, частота использования 25%, валидность метода 0,65–0,75. Метод является максимально поликритериальным, то есть дает оценку по всем критериям отбора. Особенность Assessment Center как метода отбора персонала

состоит в выявлении профессиональных компетенций кандидатов по результатам структурированного собеседования, психологического тестирования, решения кейсов, по результатам работы в деловых и ролевых играх, моделирующих ключевые моменты профессиональной деятельности. Assessment Center используется для отбора руководителей высокого уровня и ключевых сотрудников организации, однако является дорогостоящим методом отбора персонала. Стоимость услуг варьируется в различных компаниях: стоимость индивидуальной процедуры составляет 60–120 тыс. руб., стоимость комплексной процедуры оценки – 30–35 тыс. руб. за час [5].

Панельное интервью (валидность от 0,6). Данный метод эффективен для отбора руководителей. Кандидата на должность оценивает специально созданная комиссия. Метод также является максимально поликритериальным. Он позволяет оценить ключевые компетенции для руководителей – лидерские качества, коммуникабельность, высокий уровень стрессоустойчивости и другие. Метод «аквариума» – современная разновидность панельного интервью, при котором используются деловые игры на определение командной роли, могут использоваться провокации.

Среди популярных методов отбора персонала особое место занимает методы тестирования (тестирование профессиональных знаний и навыков, тесты способностей психологические тесты).

Данные методы являются поликритериальными и имеют высокую валидность (0,42–0,54). Однако их использование нельзя порекомендовать в качестве основных методов отбора персонала, поскольку при оценке без внимания остаются такие важные компетенции, как уровень мотивации, корпоративные компетенции. Важно не просто тестирование, а тестирование по корпоративным компетенциям. У многих крупных компаний существуют ключевые компетенции, которые те пытаются развивать в своих кандидатах. Важно найти не просто технически подкованного специалиста, но и того, кто будет разделять ключевые компетенции организации [6 с. 23–29].

Для большинства коммерческих российских организаций собеседование – это основной метод отбора персонала, его используют 85–95% организаций. В структурированном собеседовании вопросы задаются по заранее разработанному плану и касаются выполнения профессиональных обязанностей, межличностного взаимодействия, мотивации, работе в команде. Метод является низкозатратным, для его проведения требуется всего 90–120 мин., и максимально поликритериальным. Валидность структурированного собеседования

достаточно высокая – 0,58–0,63. Для повышения эффективности процесса отбора персонала и качества отобранных специалистов можно порекомендовать использовать современные виды собеседований, повышающие его эффективность.

Современные виды структурированного собеседования

1. *Поведенческое собеседование* (интервью по компетенциям, STAR, PARLA, бихевиористское интервью) – вопросы сосредоточены на оценке уровня необходимых знаний, практических профессиональных навыков и индивидуально-личностных качествах через систему компетенций кандидата.

2. *Ситуационное собеседование* – структурированное собеседование, в ходе которого кандидату предлагаются для решения различные ситуации из практической деятельности. Необходимо найти ее решение, описать свое поведение, объяснить причины выбора того или иного решения, аргументировать свой ответ.

3. *Проективное собеседование* – структурированное собеседование, в ходе которого дополнительно задаются проективные вопросы на оценку других людей или какого-либо персонажа. В ходе такого собеседования помимо основных профессиональных проясняются вопросы этики и морали, отношений в коллективе, отношений с руководством, отношений с клиентами.

На основании отмеченных в исследовании особенностей методов отбора персонала авторами предлагается группировка методов на основные и дополнительные методы отбора персонала. В качестве основных методов отбора персонала можно рекомендовать использование высоковалидных (от 0,5) и максимально поликритериальных методов, предлагающих оценку по таким критериям отбора, как структурированное собеседование и его современные виды, Assessment Center, панельное собеседование. Также представляется целесообразным выстраивание структуры отбора персонала для различных должностей. Для этого за основу может быть взят один из основных методов отбора персонала и дополнен одним или несколькими дополнительными методами отбора персонала (использование кейсов, рабочих заданий, различных видов тестов, стрессовых вопросов, графологии, дактилоскопии и других методов отбора персонала, перечисленных в таблице 1, способствующих повышению общей эффективности процесса отбора персонала).

Третьей проблемой, возникающей при решении задачи обеспечения высокого качества отобранных кандидатов, является отсут-

ствии эффективной системы адаптации и мотивации персонала в организации.

При отсутствии в организации эффективной системы адаптации и мотивации персонала, причины увольнения вновь нанятых сотрудников часто не связаны с подбором и отбором персонала, а связаны с неэффективной деятельностью линейных руководителей. Для предотвращения подобных проблем руководители структурных подразделений должны быть заинтересованы в подборе новых сотрудников. Они должны быть компетентны в вопросах обучения и введения в должность новых сотрудников, построении системы мотивации и обладать способностью заинтересовать новых сотрудников в работе.

Разработка действенных механизмов формирования и поддержания мотивации работников предполагает следующее:

- максимальное преодоление отчуждения труда и согласование интересов работников наемного труда и работодателей через механизм реального участия работников в управлении и прибылях предприятий;
- комплексный и непротиворечивый характер мотивационных воздействий через систему управления персоналом;
- дифференциацию методов мотивационных воздействий на различные категории работников [7 с. 192–195].

Таким образом, для повышения качества процесса отбора персонала следует повышать эффективность процесса адаптации и мотивации персонала.

Все рассмотренные в работе проблемы позволяют использовать систему показателей для оценки качества процесса отбора персонала:

$$\text{КОП} = (\text{КС} + \text{МО} + \text{ОМ})/3,$$

где КОП – показатель качества процесса отбора персонала; КС – средний уровень компетентности специалистов, участвующих в отборе; МО – средняя валидность используемых основных методов отбора персонала; ОМ – уровень эффективности системы адаптации и мотивации персонала.

С учетом рассмотренных в работе особенностей и проблем, возникающих при построении эффективного процесса подбора и отбора персонала в коммерческих организациях, а также предложенной системы мероприятий рекомендуется построить структуру процесса подбора и отбора персонала для различных должностей согласно схеме (см. рис. 1).

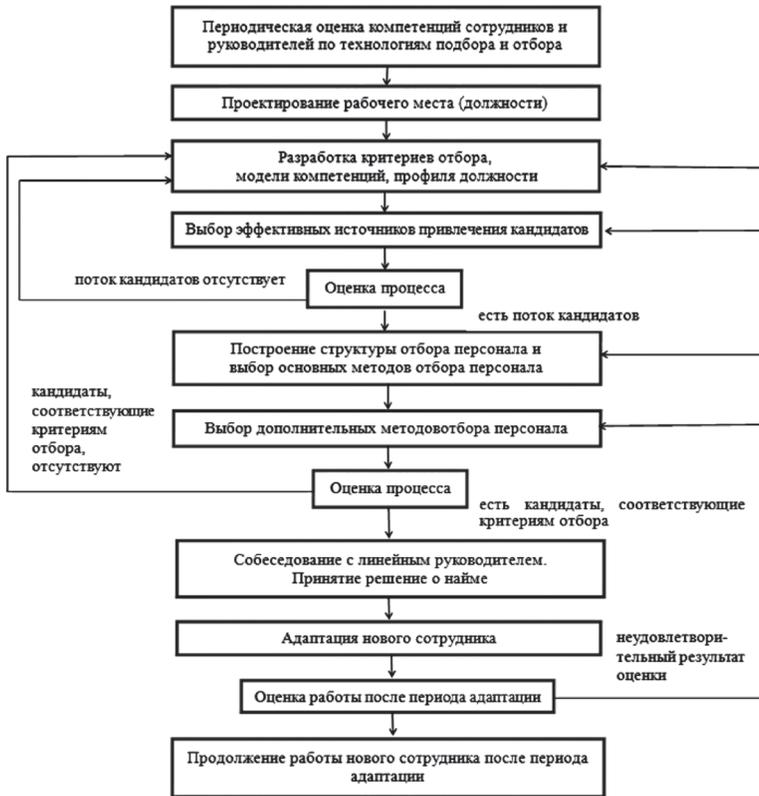


Рис. 1. Структура процесса подбора и отбора персонала в коммерческой организации

Рассмотренные в работе мероприятия позволяют повысить качество процесса отбора персонала. При построении системы отбора персонала рекомендуется повышать квалификационный уровень всех участников процесса отбора персонала от рядовых сотрудников служб персонала до линейных руководителей, повышать эффективность системы адаптации и мотивации персонала в организации, без которой даже самые лучшие кандидаты не смогут показать хорошие результаты.

Развитие наукоемких технологий требует от персонала не только первоклассного образования, но и творческих способностей для повышения инновационности производства, что является основой формирования процесса модификации системы мотивации и стимулирования производственной активности [8 с. 435].

Заключение

Предложенное разделение методов отбора персонала на основные и дополнительные методы отбора персонала с учетом показателей валидности и моно/поликритериальности способствует повышению общей эффективности процесса отбора персонала. Исходя из специфики деятельности и с учетом особенностей компетенции специалистов службы персонала рекомендуется использование одного из предложенных основных методов отбора персонала. В качестве дополнительных методов представляется целесообразным уделять большее внимание высокой валидности метода.

Предложенные мероприятия и система показателей способствуют проведению более эффективной оценки кандидатов и повышению качества процесса отбора персонала.

Литература

1. Официальный сайт кадровой компании «Рекадро». Эффективные источники для поиска работы и подбора персонала [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rekadro.ru/e»vents/event13.html/> (дата обращения 30 марта 2018).
2. Управление персоналом организации: Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2013. 695 с.
3. *Лазуткин А.П.* Управление персоналом: Курс лекций / Сибирский государственный технологический университет. Красноярск, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/4404495/> (дата обращения 23 апреля 2018).
4. *Schmidt F.L., Hunter J.E.* The Validity and Utility of Selection Methods in Personnel Psychology: Practical and Theoretical Implications of 85 Years of Research Findings. *Psychological Bulletin*. 1998;124(2):262-74 [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.172.1733&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения 22 сентября 2018).
5. Официальный сайт КП Ассесмент-центр: современный метод оценки персонала [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/guide/assessment-tsentr.html> (дата обращения 26 апреля 2018).
6. *Веселовский М.Я., Савельев Д.А.* Инновационные формы работы кадровых агентств по подбору и управлению человеческим капиталом // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 2–4. С. 23–29.
7. *Никоandroва А.В.* Особенности функционирования и развития рынка труда России // Проблемы и перспективы развития региональных рынков труда в России: Сборник материалов Первой всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Махачкала: МФ МАДИ, 2012. С. 192–195.
8. *Королев В.И., Кузнецова А.И., Алексеев А.Н., Ковальчук В.М. и др.* Управление социально-экономическими процессами и системами в России: современное состояние и перспективы развития. М.: МУ им. С.Ю. Витте, 2014. 534 с.

References

1. The official website of the HR company "Rekadro". Effective sources for job search and recruitment [Internet]. URL: <http://www.rekadro.ru/e»vents/event13.html/> (data obrashcheniya 30 March 2018). (In Russ.)
2. HR management of an organization: Textbook. АYa. Kibanov (Ed.). Moscow: INFRA-M Publ.; 2013. 695 p. (In Russ.)
3. Lazutkin AP. HR management. Course of lectures. Sibirskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet. Krasnoyarsk, 2006 [Internet]. URL: <https://studfiles.net/preview/4404495/> (data obrashcheniya 23 April 2018). (In Russ.)
4. Schmidt F.L., Hunter J.E. The Validity and Utility of Selection Methods in Personnel Psychology: Practical and Theoretical Implications of 85 Years of Research Findings. *Psychological Bulletin*. 1998;124(2):262-74 [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.172.1733&rep=rep1&type=pdf> (data obrashcheniya 22 Sept. 2018).
5. Official site of KP An Assessment center: the modern method of personnel assessment [Internet]. URL: <https://www.kp.ru/guide/assessment-tsentr.html> (data obrashcheniya 25 April 2018). (In Russ.)
6. Veselovsky MYa., Savelyev DA. The innovative work forms of recruitment agencies in selection and management of human capital. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo"*. 2014;2-4:23-29 (In Russ.)
7. Nikonorova AV. Features of functioning and development of the labor market in Russia. *Problemy i perspektivy razvitiya regional'nykh rynkov truda v Rossii*: Sbornik materialov Pervoi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. Makhachkala: MF MADi Publ.; 2012. P. 192-195. (In Russ.)
8. Korolev VI., Kuznetsova AI., Alekseev AN., Kovalchuk VM., et al. Management of socio-economic processes and systems in Russia: Current state and prospects of development. Moscow: Witte Moscow University Publ.; 2014. 534 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Алла В. Никонорова, кандидат экономических наук, доцент, Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия; 115432, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, корп. 1; nikonorova-av@mail.ru

Наталья Н. Торопова, аспирант, Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия; 115432, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, корп. 1; t_natalia2005@mail.ru

Information about the authors

Alla V. Nikonorova, PhD in Economics, associate professor, Witte Moscow University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 12, 2-nd Kozhukhovskiy pr., Moscow, Russia, 115432; nikonorova-av@mail.ru

Natalia N. Toropova, postgraduate student, Witte Moscow University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 12, 2-nd Kozhukhovskiy pr., Moscow, Russia, 115432; t_natalia2005@mail.ru

УДК 343.36

DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-103-124

Социально-криминологическая характеристика преступлений, совершенных в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование

Ирина Н. Крапчатова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, crimlaw2007@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена социально-криминологической характеристике преступлений, совершенных в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование. Автор анализирует признаки правосудия как уголовно охраняемого объекта в контексте их понимания в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации. На основе анализа данных судебной статистики исследованы состояние и динамика преступлений против правосудия в целом и против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование в частности. Автором рассмотрены количественные показатели 2015–2017 годов по тем лицам, в отношении которых вынесены судебные решения по соответствующим уголовным делам, определены особенности назначенного им наказания. Также в статье на основе исследования статистических данных о составе осужденных по рассматриваемым статьям, установлены отличительные черты, которые являются неотъемлемыми элементами социально-криминологической характеристики личности таких преступников. В заключении автором представлены выводы о тенденциях социально-криминологической характеристики преступлений, совершенных в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, выявленные в результате анализа соответствующих данных.

Ключевые слова: преступления против правосудия, лица, осуществляющие правосудие и предварительное расследование, социально-криминологическая характеристика, состав осужденных

Для цитирования: Крапчатова И.Н. Социально-криминологическая характеристика преступлений, совершенных в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 103–124. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-103-124

Socio-criminological characteristics of the crimes committed against persons administering justice and preliminary investigation

Irina N. Krapchatova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, crimlaw2007@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the socio-criminological characteristics of crimes committed against persons administering justice and preliminary investigation. The author analyzes features of justice as a criminal protected object in the context of their understanding in the current Criminal code of the Russian Federation. The status and dynamics of crimes against justice in general and against persons administering justice and preliminary investigation in particular are investigated on the basis of the analysis of judicial statistics data. The author considers the quantitative indicators of 2015-2017 for the persons in respect of whom court decisions were taken in relevant criminal cases, and defines features of the punishment imposed on them. Also the article following the study of statistical data on the composition of the convicts on the reviewed articles, establishes their distinctive features, which are integral elements of the socio-criminological characteristics of such criminals. In conclusion, the author presents the inferences on the trends in the socio-criminological characteristics of crimes committed against persons administering justice and preliminary investigation revealed by the analysis of relevant data.

Keywords: crimes against justice, persons administering justice and preliminary investigation, socio-criminological characteristics, the composition of convicts

For citation: Krapchatova IN. Socio-criminological characteristics of the crimes committed against persons administering justice and preliminary investigation. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series.* 2018;3(13):103-24. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-103-124

Введение

Защита правосудия уголовно-правовыми способами существует во всех государствах. Российская Федерация не является исключением, что подтверждается наличием в Уголовном кодексе главы 31 «Преступления против правосудия»¹.

Значимость деятельности по отправлению правосудия указана в Конституции Российской Федерации², которая, в частности, в статье 18 определяет, что правосудие – это инструмент, благодаря

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

которому обеспечивается защита прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим актуальность и необходимость охраны самого правосудия от преступных посягательств в демократическом государстве не вызывает сомнения.

Целью исследования является социальный и криминологический анализ преступных посягательств в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование. В свою очередь задачами исследования выступают определение средств уголовно-правовой охраны этих лиц, участвующих в судопроизводстве, и выявление характерных особенностей элементов криминологической характеристики преступлений, совершаемых в отношении их.

Система преступных посягательств в отношении правосудия, а также ее уголовно-правовой анализ являлись предметом исследования многих ученых, в частности таких как А.В. Бриллиантов, М.А. Гаранина, И.В. Дворянсков, С.А. Денисов, В.Е. Квашиш, Ю.И. Кулешов, Л.В. Лобанова, В.В. Намнясев, Л.А. Попова, Ш.С. Рашковская, А.Л. Спектор, Е.Ю. Хлопцева и др. Однако необходимо отметить, что особенности социальной и криминологической характеристики преступлений против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, подробно не рассматривались в российской юридической литературе, что обуславливает актуальность статьи.

Уголовно-правовая охрана лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, как гарантия справедливого правосудия

Гарантиями справедливого правосудия являются независимость, объективность и беспристрастность судей. Данные принципы нашли свое закрепление во многих международных актах. Так в статье 10 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. указывается, что «каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом»³. Кроме того, в Бангалорских принципах поведения судей, принятых 27.07.2006 г. Резолюцией 2006/23 Экономического и социального совета ООН, также

³ Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. 1998. 10 окт. Ст. 10.

определяются такие принципы, как независимость и объективность⁴. В частности, в данном документе в п. 1.1 прямо указано, что «судья должен осуществлять свою судебную функцию независимо, исходя исключительно из оценки фактов, в соответствии с сознательным пониманием права, независимо от любого постороннего воздействия, побуждений, давлений, угроз или вмешательства, прямого или косвенного, осуществляемого с любой стороны и преследующего любые цели»⁵.

В статье 2 действующей Конституции РФ закрепляется базовый принцип, в соответствии с которым «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Охрана лиц, участвующих в уголовном процессе, в том числе защита их прав на свободу, жизнь и личную неприкосновенность является одной из форм реализации указанного конституционного принципа. В Резолюции о террористической преступной деятельности выделен отдельный пункт, в соответствии с которым «государствам следует разрабатывать политику и принимать меры, направленные на эффективную защиту судей и работников уголовного правосудия, включая присяжных и адвокатов, участвующих в судебных процессах по делам о террористических актах, а также следует сотрудничать друг с другом в осуществлении таких мер»⁶.

Таким образом, можно отметить, что справедливое правосудие и защита лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, находятся в неразрывной связи.

Действующее российское законодательство, установив ответственность за преступления против правосудия, играет особую роль как в процессе обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, так и гарантируя справедливое правосудие уголовно-правовыми средствами.

В рамках системы преступлений против правосудия можно выделить следующие составы, направленные на защиту лиц, которые осуществляют или способствуют правосудию: статьи 294–297, статья 298.1, статья 311 УК РФ.

⁴ Бангалорские принципы поведения судей (Приняты 27.07.2006 Резолюцией 2006/23 Экономического и социального совета ООН) [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml#a3 (дата обращения 23 авг. 2018).

⁵ Там же. П. 1.1.

⁶ Резолюция о террористической преступной деятельности (вместе с «Мерами по борьбе с международным терроризмом») (приняты в г. Гаване 27.08.1990–07.09.1990 восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями) // СПС «Консультант плюс». П. 22.

Правосудие как объект уголовно-правовой охраны

Анализируя понятие посягательств на правосудие, нельзя не остановиться на определении правосудия, его основных признаках и характерных чертах данного явления для правильного установления особенностей объекта данных преступлений.

Рассматривая трактовки правосудия в юридической литературе, необходимо отметить, что выделяется довольно много подходов к определению данного понятия. Однако практически все можно разделить на две группы: 1) понимание правосудия в «узком смысле», соответствии с которым «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом»⁷, что закреплено в ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации; 2) понимание правосудия в «широком смысле», то есть как деятельности не только суда, но и органов, способствующих правосудию.

В связи с этим можно согласиться с мнением И.С. Власова и И.М. Тяжковой, которые считают, что существует две трактовки понятия правосудия: «а) с точки зрения процессуального права это – деятельность только суда; б) с точки зрения уголовного права это – деятельность всех органов, осуществляющих задачи правосудия (суд, прокуратура, органы предварительного расследования и дознания, а также органы исполнения наказания)» [1 с. 25].

Таким образом, определяя объект преступлений против правосудия, нельзя не согласиться с мнением Ш.С. Рашковской, отмечавшей, что «правосудие как объект уголовно-правовой охраны – понятие более широкое, чем правосудие как специфический вид государственной деятельности»⁸.

Социально-криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование

Исходя из цели данной статьи, для того чтобы провести криминологический анализ преступлений, совершаемых в отношении таких участников уголовного судопроизводства, как лица, осуществляющие правосудие и предварительное расследование, необходимо обратиться к данным статистики и исследовать их.

Рассматривая статистические показатели, можно привести следующие данные.

⁷ Ст. 118 Конституции Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁸ Рашковская Ш.С. Преступления против социалистического правосудия: Лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1957. С. 5.

Таблица 1

Сведения о зарегистрированных преступлениях в 2015 г.

	Количество преступлений
Всего по РФ	2 388 476 ⁹
Глава 31 УК РФ	15 565 ¹⁰
Ст. 295 УК РФ	2 ¹¹

Таблица 2

Сведения о зарегистрированных преступлениях в 2016 г.¹²

	Всего по РФ	Глава 31 УК РФ	Ст. 295 УК РФ
Количество преступлений			
– в отчетный период	2 160 063	16 065	4
– совершенных в текущем периоде	1 778 304	11 507	4
– предварительно расследованных в отчетный период	1 189 770	14 566	0
Уголовные дела			
– направленные в суд с обвинительным заключением, актом, постановлением	972 603	13 301	0
– прекращенные	217 167	1265	0
В том числе по ч. 1 ст. 24 УПК РФ			
– пункт 3 (лицо, совершившее преступление, установлено)	10 999	299	0
– пункт 3 (лицо, совершившее преступление, не установлено)	7150	8	0
– пункт 4	16 333	182	0
Преступления, уголовные дела, которые приостановлены по ч. 1 ст. 208 УПК РФ			
– пункт 1	962 200	303	2
– пункт 2	16 726	510	2
– пункт 3	4429	176	0
– пункт 4	4127	77	0
Выявлено лиц, совершивших преступления (по наиболее тяжкому)	1 015 875	12 918	0

⁹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 г. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 23.08.2018).

¹⁰ См.: [2 с. 4].

¹¹ См.: [3 с. 82].

¹² Форма 4-ЕГС Раздел 2 декабрь 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://crimstat.ru/analytics> (дата обращения: 23.08.2018).

Таблица 3

Сведения о зарегистрированных преступлениях в 2017 г.¹³

	Всего по РФ	Глава 31 УК РФ	Ст. 295 УК РФ
Количество преступлений			
– в отчетный период	2 058 476	17 132	3
– совершенных в текущем периоде	1 698 703	12 601	1
– предварительно расследованных в отчетный период	1 117 801	15 484	3
Уголовные дела			
– направленные в суд с обвинительным заключением, актом, постановлением	913 739	14 163	3
– прекращенные	202 312	1279	0
В том числе по ч. 1 ст. 24 УПК РФ			
– п. 3 (лицо, совершившее преступление, установлено)	12 906	347	0
– п. 3 (лицо, совершившее преступление, не установлено)	8086	20	0
– п. 4	15 031	173	0
Преступления, уголовные дела, которые приостановлены по ч. 1 ст. 208 УПК РФ			
– п. 1	866 444	229	1
– п. 2	16 429	505	0
– п. 3	3913	141	0
– п. 4	2895	61	0
Выявлено лиц, совершивших преступления (по наиболее тяжкому)	967 103	13 625	8

Таблица 4

Состояние и динамика преступности за 2015–2017 гг. (в отчетном периоде)

Год	Зарегистрировано всего преступлений в РФ		Зарегистрировано всего преступлений по главе 31 УК РФ		Зарегистрировано преступлений по ст. 295 УК РФ	
	Всего	Динамика, %	Всего	Динамика, %	Всего	Динамика, %
2017	2 058 476	–4,7	17 132	6,6	3	–25
2016	2 160 063	–9,6	16 065	3,2	4	100
2015	2 388 476	9,0	15 565	22,7	2	–60

¹³ Форма 4-ЕГС. Раздел 2 декабрь 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 23.08.2018).

Таким образом, можно выявить следующие тенденции: в то время как общее количество зарегистрированных преступлений в РФ в 2017 г. по сравнению с 2015 г. снизилось на 13,8%, количество зарегистрированных преступлений против правосудия (в целом по главе 31 УК РФ) возросло на 10,1%.

Рассматривая соотношение количества всех зарегистрированных преступлений и преступлений против правосудия, можно отметить, что удельный вес преступлений против правосудия в 2015 г. составил – 0,65%, в 2016 г. – 0,74%, в 2017 г. – 0,83%. Однако, по мнению исследователей, это не отражает истинный уровень преступности в сфере правосудия, а свидетельствует о ее высокой латентности. Причем на данное обстоятельство обратили внимание достаточно давно. В частности, об этом указывала еще Л.В. Лобанова в своей диссертации «Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности» в 2000 г., отметив, что «можно говорить и о высоком уровне латентности преступлений против правосудия» [4 с. 4]. Эта проблема затронута и в исследовании Ю.И. Кулешова, который отмечал, что «в структуре официально зарегистрированной преступности посягательства против правосудия продолжают занимать незначительное место. Однако по уровню латентности эта группа преступлений архипасна, и вопросы предупреждения данных преступлений приобрели особую актуальность» [5 с. 4]. Аналогичное мнение высказано в работе Л.А. Спектор, которая отмечает, что «как свидетельствует практика, рассматриваемые преступления относятся к группе высокой латентности» [6 с. 6]. О том, что преступления против правосудия «отличаются высокой латентностью», указывается и в работе Д.Ю. Левкова «Потерпевший в преступлениях против правосудия» [2 с. 3].

Рассмотрим данные о количестве лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам в 2015–2017 годах (см. табл. 5).

Мы видим, что общее количество осужденных (по основной статье), в отношении которых приговоры вступили в законную силу, в 2017 г. по сравнению с 2015 г. снизилось на 5%, в то время как количество осужденных за преступления, предусмотренные 31 главой УК РФ, за тот же период возросло на 34,7%, а количество лиц, осужденных за преступления против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, в 2017 г. по сравнению с 2015 г. возросло на 7,7%.

Таблица 5

Число осужденных лиц (по основной статье)
по вступившим в законную силу приговорам в 2015–2017 гг.¹⁴

Статьи УК РФ	2015	2016	2017
Всего	733 607	741 329	697 174
Всего по главе 31 Преступления против правосудия	8479	10 663	11 425
294 ч. 1	9	13	14
294 ч. 2	10	8	21
294 ч. 3	2	1	3
295	0	6	0
296 ч. 1	11	19	20
296 ч. 2	17	23	18
296 ч. 3	8	6	11
296 ч. 4	2	1	2
297 ч. 1	99	104	71
297 ч. 2	71	75	85
298. 1 ч. 1	3	0	5
298. 1 ч. 2	0	1	0
298. 1 ч. 3	1	1	1
311 ч. 1	0	0	0
311 ч. 2	0	0	0

Удельный вес осужденных за преступления по статьям 294–297, 298.1 и 311 УК РФ, приговоры которых вступили в законную силу, в 2017 г. составил 0,036%, в 2016 г. – 0,035%, в 2015 г. – 0,032%. Таким образом, данный показатель остается стабильным на протяжении этих трех лет.

Необходимо отметить, что за исследованный период к ответственности по ст. 311 УК РФ не было привлечено ни одно лицо.

¹⁴ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного Кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls, http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10a-svod-2016.xls, http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/k3-svod-2015.xls (дата обращения: 23.08.2018).

Таблица 6

Число оправданных лиц (по основной статье)
по вступившим в законную силу приговорам в 2015–2017 гг.¹⁵

Статьи УК РФ	2015	2016	2017
Всего	3132	2649	1563
Всего по главе 31 Преступления против правосудия	27	25	30
294 ч. 1	0	0	0
294 ч. 2	0	0	0
294 ч. 3	0	0	0
295	0	0	0
296 ч. 1	0	0	0
296 ч. 2	0	0	0
296 ч. 3	0	0	0
296 ч. 4	0	0	0
297 ч. 1	0	1	0
297 ч. 2	0	0	0
298. 1 ч. 1	0	0	0
298. 1 ч. 2	0	0	0
298. 1 ч. 3	0	0	0
311 ч. 1	0	0	0
311 ч. 2	0	0	0

Необходимо отметить, что такое незначительное количество оправданных лиц (по основной статье) по делам о преступлениях против правосудия отражает ту тенденцию, которая сложилась на данный момент в рамках уголовного судопроизводства в целом. Об этом, в частности, упоминается в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год, в котором указано, что «вызывает обеспокоенность проблема незначительного количества оправдательных приговоров. В 2017 г. обвинительные приговоры постановлены по 99,6% рассматриваемых уголовных дел, и только 0,4% приговоров стали оправдательными»¹⁶.

¹⁵ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного Кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls, http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10a-svod-2016.xls, http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/k3-svod-2015.xls (дата обращения: 23.08.2018).

¹⁶ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/lite2-doclad_20.04.18.pdf (дата обращения: 23.08.2018).

На эту же проблему обратил внимание А.П. Кругликов, подчеркнув, что «в России выносятся очень мало оправдательных приговоров, причины такого явления активно обсуждаются практическими и научными работниками» [7 с. 61]. Следует согласиться с авторами, которые считают, что «в настоящее время ситуация такова, что количество оправдательных приговоров, выносимых судами общей юрисдикции по первой инстанции, находится где-то в области статистической погрешности» [8 с. 138].

Таблица 7

Данные о лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам в 2015 г.¹⁷

Статьи Уголовного кодекса Российской Федерации	Число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены		Признаны невменяемыми (по числу лиц)
	за отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению по основной статье	по иным основаниям по основной статье	
Всего	12 089	229 927	8202
Всего по главе 31 Преступления против правосудия	12	1319	50
294 ч. 1	0	1	0
294 ч. 2	0	2	0
294 ч. 3	0	2	0
295	0	0	0
296 ч. 1	0	0	4
296 ч. 2	0	0	0
296 ч. 3	0	0	2
296 ч. 4	0	0	0
297 ч. 1	0	26	2
297 ч. 2	0	16	3
298 1 ч. 1	0	2	0
298 1 ч. 2	0	0	0
298 1 ч. 3	0	1	0
311 ч. 1	0	0	0
311 ч. 2	0	0	0

¹⁷ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного Кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/k3-svod-2015.xls (дата обращения: 23.08.2018).

Таблица 8

Данные о лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам в 2016 г.¹⁸

Статьи Уголовного кодекса Российской Федерации по частям	Число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены		Признано невеняемыми (по числу лиц)
	за отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению по основной статье	по иным основаниям по основной статье	
Всего	16 301	213 058	8794
Всего по главе 31 Преступления против правосудия	31	788	55
294 ч. 1	0	1	0
294 ч. 2	0	0	0
294 ч. 3	0	0	0
295	0	0	0
296 ч. 1	0	3	3
296 ч. 2	0	1	0
296 ч. 3	0	1	0
296 ч. 4	0	0	1
297 ч. 1	0	11	0
297 ч. 2	0	6	4
298. 1 ч.1	0	1	1
298. 1 ч. 2	0	0	0
298. 1 ч. 3	0	0	0
311 ч. 1	0	0	0
311 ч. 2	0	0	0

¹⁸ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного Кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10a-svod-2016.xls (дата обращения: 23.08.2018).

Таблица 9

Данные о лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам в 2017 г.¹⁹

Статьи Уголовного кодекса Российской Федерации	Число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены		Признаны невменяемыми (по числу лиц)
	за отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению по основной статье	по иным основаниям по основной статье	
Всего по главе 31 Преступления против правосудия	16	876	55
294 ч. 1	0	4	0
294 ч. 2	0	1	0
294 ч. 3	0	0	0
295	0	0	0
296 ч. 1	0	2	2
296 ч. 2	0	1	0
296 ч. 3	0	2	0
296 ч. 4	0	0	0
297 ч. 1	0	10	3
297 ч. 2	0	3	1
298. 1 ч. 1	0	0	1
298. 1 ч. 2	0	0	0
298. 1 ч. 3	0	1	1
311 ч. 1	0	0	0
311 ч. 2	0	0	0

¹⁹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного Кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls (дата обращения: 23.08.2018).

Таблица 10

Сведения о лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за преступления против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, в 2017–2015 гг.

Год	2017	2016	2015
Число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены за отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению по основной статье	0	0	0
Число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по иным основаниям	24	24	50
Признаны невменяемыми	8	9	11

Таким образом, удельный вес лиц, в отношении которых уголовные дела за преступления, предусмотренные ст. 294-297, 298.1 и 311 УК РФ, были прекращены по иным основаниям, составил в 2015 г. 0,02%, в 2016 г. – 0,01%, в 2017 г. – 0,01%. Кроме того, по указанным статьям УК РФ удельный вес лиц, признанных невменяемыми, в общем количестве невменяемых лиц составил в 2015 г. 0,13%, в 2016 г. – 0,1%, в 2017 г. – 0,096%.

По результатам можно сделать вывод, что ситуация по этим двум показателям довольно стабильная, изменения совсем незначительны. Интересно отметить, что за исследованный период за посягательства на лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, судами не было принято ни одного решения о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

Анализируя статистику о видах наказаний (без учета сложности наказаний), назначенных в 2015–2017 гг. лицам, осужденным за преступления против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, можно привести следующие данные.

Таблица 11

Распределение осужденных по видам назначенных наказаний (без учета сложения) в 2015 г.²⁰

Статьи УК РФ	Всего осужденно	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф (осн. наказание)	Условное осуждение к иным мерам	По приговору освобождено осужденных от наказания	
								по амнистии	от иных мер или наказание не назначалось
Всего по составам УК РФ	733 607	209 083	170 218	62 307	74 708	86 886	15 835	88 861	3099
294 ч. 1	9	2	0	0	0	3	0	4	0
294 ч. 2	10	0	0	0	6	3	0	0	1
294 ч. 3	2	0	0	0	0	0	0	2	0
295	0	0	0	0	0	0	0	0	0
296 ч. 1	11	8	0	0	0	3	0	0	0
296 ч. 2	17	11	0	0	1	5	0	0	0
296 ч. 3	8	3	5	0	0	0	0	0	0
296 ч. 4	2	0	2	0	0	0	0	0	0
297 ч. 1	99	0	0	0	53	34	0	11	1
297 ч. 2	71	0	0	49	8	8	2	2	2
298.1 ч. 1	3	0	0	0	1	1	0	1	0
298.1 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0
298.1 ч. 3	1	0	0	0	1	0	0	0	0
311 ч. 1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
311 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0

²⁰ Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/K7-svod-2015.xls (дата обращения: 23.08.2018).

Таблица 12

Распределение осужденных по видам назначенных наказаний (без учета сложения) в 2016 г.²¹

Статьи УК РФ	Всего осуждено	Пожизненное лишение свободы	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Ограничение свободы (осн. наказание)	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф (осн. наказание)	Условное осуждение к иным мерам	По приговору освобождено осужденных от наказания	
										по амнистии	от других мер или наказание не назначалось
Всего по составам УК РФ	741 329	87	204 021	184 985	25 402	53 222	142 162	100 477	13 594	11 796	3867
294 ч. 1	13	0	3	2	0	0	0	8	0	0	0
294 ч. 2	8	0	0	0	0	0	3	3	0	0	2
294 ч. 3	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
295	6	3	3	0	0	0	0	0	0	0	0
296 ч. 1	19	0	7	0	1	0	0	11	0	0	0
296 ч. 2	23	0	11	1	1	0	0	9	0	0	1
296 ч. 3	6	0	1	5	0	0	0	0	0	0	0
296 ч. 4	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
297 ч. 1	104	0	0	0	0	0	74	25	0	3	2
297 ч. 2	75	0	1	0	0	45	12	13	1	3	0
298.1 ч. 1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
298.1 ч. 2	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
298.1 ч. 3	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
311 ч. 1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
311 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

²¹ Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения). URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10_3-svod-2016.xls (дата обращения: 23.08.2018).

Таблица 13

Распределение осужденных по видам назначенных наказаний (без учета сложения) в 2017 г.²²

Статьи УК РФ	Всего осужденно	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Арест	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф (осн. наказание)	По приговору освобождено осужденных от наказания		
								по амнистии	от лишения свободы	от иных мер или наказания не назначалось
Всего по составам УК РФ	697 174	197 537	176 557	5	56 421	129 495	90 932	2628	1014	3533
294 ч. 1	14	5	0	0	0	0	8	1	0	0
294 ч. 2	21	0	0	0	0	12	7	0	0	2
294 ч. 3	3	1	0	0	0	0	2	0	0	0
295	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
296 ч. 1	20	11	1	0	0	0	7	0	1	0
296 ч. 2	18	11	2	0	0	0	5	0	0	0
296 ч. 3	11	3	8	0	0	0	0	0	0	0
296 ч. 4	2	0	2	0	0	0	0	0	0	0
297 ч. 1	71	0	0	1	0	46	20	2	0	2
297 ч. 2	85	1	0	0	60	17	5	0	0	2
298.1 ч. 1	5	0	0	0	0	0	4	0	0	1
298.1 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
298.1 ч. 3	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0
311 ч. 1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
311 ч. 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

²² Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/K7-svod-2017.xls (дата обращения: 23.08.2018).

Анализируя распределение осужденных по видам назначенных наказаний (без учета сложения), можно отметить следующее. Наибольшее количество лиц, осужденных за преступления в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, было приговорено к обязательным работам: 70 человек в 2015 г., 90 человек – в 2016 г. и 76 человек в 2017 г. В 2016 г. 3 человека были осуждены к пожизненному лишению свободы. Удельный вес лиц, осужденных к реальному лишению свободы за рассматриваемые преступления, составил в 2015 г. 0,011%, в 2016 г. – 0,014%, в 2017 г. – 0,016%.

К штрафу, назначенному в качестве основного наказания, за посягательства на лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, было приговорено в 2015 г. 0,066%, в 2016 г. – 0,069%, в 2017 г. – 0,064% лиц от общего количества осужденных за данные преступления.

В процессе анализа состава осужденных за 2017 г.²³ за преступления в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, были выявлены следующие особенности:

- в общем количестве осужденных за данные преступления количество осужденных женщин составило 13,65%, из которых имели ребенка в возрасте до 3-х лет – 2,94%;
- по возрасту осужденные распределились следующим образом: от 14 до 17 лет: 0,4%, от 18 до 24 лет: 6,4%, от 30 до 49 лет: 50,6% и от 25 до 29 лет и 50 лет и старше: соответственно по 21,3%;
- в общей массе осужденных лица, достигшие пенсионного возраста, составили 6,43%;
- лица, совершившие указанные преступления и являющиеся гражданами других государств, включая СНГ, составили 1,6%;
- 87,6% осужденных являлись постоянными жителями данной местности, 11,2% – жителями иной местности и 1,2% составляли лица без определенного места жительства;
- среди всех осужденных 15,7% из них имело высшее профессиональное образование, 30,1% – среднее профессиональное, 33,7% – среднее общее и 20,5% – основное общее, начальное или не имели образования;
- 8,43% осужденных по роду занятий относились к рабочим, 4,42% к служащим коммерческой или иной организации, 57,8% к трудоспособным лицам без определенного рода занятий;

²³ Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/k5-svod-2017.xls (дата обращения: 23.08.2018).

- на момент совершения преступления 60,6% осужденных имели неснятые и непогашенные судимости;
- в общей массе осужденных отбывающие лишение свободы или имеющие неисполненный приговор к лишению свободы (реально) составляли 11,2%, из которых 92,86% совершили преступление в период отбывания наказания в виде лишения свободы;
- 6% осужденных совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения;
- из всех осужденных 0,8% являлись адвокатами и нотариусами, а 0,4% судьями и работниками суда;
- 2% из всех осужденных были инвалидами I и II групп.

Подводя итог, следует отметить, что в целом параметры социально-криминологической характеристики осужденных за посягательства в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, имеют довольно схожие черты с соответствующей характеристикой всего массива осужденных. Однако следует согласиться с А.В. Яшиным, который указывает, что «отдельные элементы социально-криминологической характеристики личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, отличаются от аналогичных компонентов характеристики личности преступника, совершающего иные преступления» [3 с. 122]. В частности, сильно отличается количество лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, а также лиц, имевших на момент совершения преступления неснятую и непогашенную судимость.

Заключение

Таким образом, необходимо отметить, что уголовно-правовые меры, закрепленные в главе 31 Уголовного кодекса, несомненно направлены на охрану лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, и при правильном правоприменении выступают определенной гарантией справедливого уголовного судопроизводства.

Рассматривая правосудие в качестве объекта уголовно-правовой охраны, нужно исходить из его понимания в широком смысле, т. е. как деятельности, направленной на привлечение виновного лица к ответственности и последующей реализации этого факта уполномоченными субъектами.

В рамках социально-криминологической характеристики преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, можно выделить следующие их особенности и тенденции:

- удельный вес преступлений, указанный в главе 31 УК РФ в целом, составной частью которых являются и посягательства, совершаемые в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, очень невелик и в среднем за 2015–2017 гг. составляет 0,74%;
- количество осужденных за преступления, предусмотренные ст. 294–297, 298.1, 311 УК РФ, составляет очень малую долю в общем количестве осужденных лиц, так, в частности, за период 2015–2017 гг. это число в среднем составило 0,034%;
- за период с 2015 г. по 2017 г. по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 294–297, 298.1, 311 УК РФ, суды не приняли ни одного решения о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям;
- в среднем за 2015–2017 гг. по делам о преступлениях против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, количество лиц, признанных невменяемыми, составило 0,11%;
- доля лиц, в отношении которых уголовные дела за рассматриваемые преступления, были прекращены по иным основаниям, в среднем за 2015–2017 гг. составила 0,013%;
- из всех видов назначенных наказаний за преступления, предусмотренные ст. 294–297, 298.1, 311 УК РФ, наибольшее число лиц в период с 2015 г. по 2017 г. было приговорено к обязательным работам;
- доля лиц, осужденных к реальному лишению свободы за рассматриваемые преступления, в среднем за 2015–2017 гг. составило 0,0137%;
- большинство преступлений в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, совершается лицами мужского пола, имеющими гражданство Российской Федерации, в следующих возрастных группах: от 25 до 29 лет – 21,3%, от 30 до 49 лет – 50,6%, 50 лет и старше – 21,3%;
- среди осужденных за преступления в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, основная часть имеет среднее профессиональное образование (30,1%) или среднее общее образование (33,7%) и относится к трудоспособным лицам без определенного рода занятий (57,8%), имеющим неснятые и непогашенные судимости (60,6%).

Литература

1. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М.: Юрид. лит., 1968. 134 с.
2. Левков Д.Ю. Потерпевший в преступлениях против правосудия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 32 с.
3. Яшин А.В. Концептуальные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 488 с. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/05-06-2018-1d.pdf> (дата обращения 23 авг. 2018).
4. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: Проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2000. 48 с.
5. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законодательства и правоприменения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007. 54 с.
6. Спектор Л.А. Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. 51 с.
7. Кругликов А.П. Некоторые проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства и необходимость принятия нового УПК РФ // *Legal Concept*. 2018. Т. 17. № 2. С. 59–62.
8. Медведева С.В., Ментюкова М.А., Попов А.М. Обвинительный уклон в уголовном процессе: проблемы правоприменения // *Вестник Московского университета МВД России*. 2018. № 3. С. 137–141.

References

1. Vlasov IS., Tyazhkova IM. Responsibility for crimes against justice. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1968. 134 p. (In Russ.)
2. Levkov DYU. Victim in crimes against justice. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2017. 32 p. (In Russ.)
3. Yashin AV. Conceptual framework for the prevention of crimes against participants in criminal proceedings. Dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2018. 488 p. [Internet]. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/05-06-2018-1d.pdf> (data obrashcheniya 23 Aug. 2018). (In Russ.)
4. Lobanova LV. Crime against justice. Issues in classification of the offences, regulation and differentiation of responsibility. Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Kazan', 2000. (In Russ.)
5. Kuleshov YuI. Crimes against justice. Lawtheory and law enforcement. Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Vladivostok, 2007. 48 p. (In Russ.)
6. Spector LA. Judicial power as an object of criminal legal protection. Avtoref. dis. ... d-rayurid.nauk. Rostov on /Don, 2012. 54 p. (In Russ.)
7. Kruglikov AP. Some issues of improvement in criminal procedural legislation and the need for an adoption of the new criminal procedure code of the Russian Federation. *Legal Concept*. 2018;17(2):59-62. 51 p. (In Russ.)
8. Medvedeva SV., Mentyukova MA., Popov AM. Accusatory criminal process. Issues of law enforcement. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;3:137-41. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина Н. Крапчатова, кандидат юридических наук, доцент, Российский-государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; crimlaw2007@yandex.ru

Information about the author

Irina I. Krapchatova, LL.M., associate professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; crimlaw2007@yandex.ru

УДК 347.4

DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-125-133

Гражданско-правовой принцип добросовестности как этическая и правовая категория

Владимир Ф. Калина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vskalina@mail.ru*

Анна В. Милохова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, milokhov@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется сущность и значение добросовестности как этической категории и как гражданско-правового принципа, выявляются этапы общественного развития, объясняющие значение и потребность в законодательном закреплении принципа добросовестности, проанализировано соотношение принципов добросовестности и свободы договора.

Ключевые слова: добросовестность, принцип добросовестности, принципы гражданского права, реформа гражданского законодательства, пределы свободы договора

Для цитирования: Калина В.Ф., Милохова А.В. Гражданско-правовой принцип добросовестности как этическая и правовая категория // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 125–133. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-125-133

Civil law principle of good faith as an ethical and legal category

Vladimir F. Kalina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vskalina@mail.ru

Anna V. Milokhova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, milokhov@mail.ru

Abstract. The article analyzes the essence and importance of the good faith as an ethical category and as a civil law principle. It reveals stages of social development, explaining the importance and need for legislative consolidation of the principle of good faith and analyzes the relationship of the principles of good faith and freedom of contract.

Keywords: good faith, the principle of good faith, the principles of civil law, civil law reform, the limits of freedom of contract

For citation: Kalina VF., Milokhova AV. Civil law principle of good faith as an ethical and legal category. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series.* 2018;3(13):125-33. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-125-133

Нравственность – это, несомненно, самое важное в жизни; она, возможно, сама воля к жизни.

Томас Манн

Введение

Добросовестность – одно из базовых начал осуществления гражданских правоотношений, способное оказать влияние на стабильность и развитие экономики государства. Как полагал еще Адам Смит, экономическая жизнь уходит глубокими корнями в систему социальных отношений, ее нельзя понять вне связи с обычаями, нравами, устоями, культурой конкретного общества. По утверждению Френсиса Фукуямы, «макроэкономическая стратегия, каков бы ни был взгляд на этот важный инструмент развития, всегда должна вырабатываться с учетом политического, исторического и культурного развития» [1 с. 46]. Далее он утверждает, что «у общественного капитала, этого материализованного доверия, играющего принципиальную роль в создании здоровой экономики, – культурные корни» [1 с. 64]. И хотя само понятие культуры достаточно неопределенное (в науке существует достаточно много определений), по своей сущности «абсолютно нерациональное» и «неуловимое», оно существенно влияет на экономическую эффективность. Дело здесь в том, что именно культура, понимаемая как глубинная основа нравственного уклада общества во всем многообразии составляющих его социальных групп, формирует те необходимые этические нормы и традиции, которые преобразуют человека в процессе социализации из изначально эгоистического от природы существа в нравственную личность. Усвоенные личностью нравственные ценности и культурные традиции служат экономически рациональным целям, о чем говорит исторический опыт.

Таким образом, добросовестность можно рассматривать как нравственную установку личности. Понятие добросовестности связано с фундаментальными началами существования человечества: добром и злом. Именно два этих начала определяют содержание всех этических кодексов и религиозных доктрин. Добросовестность является доминирующим началом во всей системе

социальных отношений. В самом деле, большинство людей абсолютно спонтанно следуют нормам морали и права, часто не имея достаточного представления о последних. Таким образом, можно утверждать, что в основе добросовестности лежит здравый смысл, обусловленный практическим интересом.

Однако несмотря на кажущуюся очевидность, только сегодня, утвердив принцип добросовестности в качестве гражданско-правового принципа, мы получили законодательно закрепленный ориентир поведения для всех участников имущественного оборота. Категория добросовестности, и ранее известная гражданскому праву, получила в 2013 г. статус общеправового принципа, определив вектор дальнейшего развития гражданского законодательства.

В современном российском гражданском праве можно выделить два этапа развития, объясняющих значение и потребность в законодательном закреплении принципа добросовестности. Первый этап ознаменован революционными изменениями конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, приведшими к смене экономических отношений, легализации предпринимательской деятельности, провозглашению многообразия форм собственности, что потребовало формирование новой системы законодательства, регулирующего рыночные отношения, которая создавалась, зачастую, методом «проб и ошибок».

В соответствии с задачами, которые были поставлены либеральной рыночной экономикой, в гражданском законодательстве, являющемся основой регулирования рыночных отношений, был реализован максимально либеральный подход. Особое место в регулировании экономических отношений занял принцип свободы договора, явившийся прямой противоположностью директивному планированию советской экономики. Принцип свободы договора существенно расширил круг возможностей при организации договорных связей, сделал стороны главными участниками правоотношений, способными самостоятельно влиять на условия формирования данных правоотношений. Таким образом, основой концепции нового гражданского законодательства стала либеральная идея свободы.

Однако любая свобода предполагает наличие разумных ограничений, иначе свобода (без ограничений) превращается в «несвободу» и произвол. Предполагалось, что стороны, и в первую очередь предприниматели, в рамках предоставленной им свободы, самостоятельно будут влиять на формируемые ими правоотношения, согласовывая свои позиции, реализуя достигнутые договоренности. Однако все это будет работать только в случае, если стороны будут действовать добросовестно.

Еще в начале XX в. известный специалист в области финансового права профессор И.И. Янжул обратился к духовной стороне предпринимательской деятельности, органически увязывая ее с образованием, просвещением и нравственностью, или, как он говорил, с «душевной моралью человека». Он утверждал, что «ни одна из добродетелей, создающих наиболее богатства в стране, не имеет такого крупного значения, как честность». Ни промышленность, ни торговля, по мнению И.И. Янжула, не могут развиваться без доверия и честности. Успехи цивилизованных государств он напрямую связывает с налаженным механизмом строгого правового обеспечения этих добродетелей. При этом он определяет основные параметры честности: верность слову, т. е. данному обещанию; уважительное отношение к чужой собственности; уважение чужого права; строгое следование нормам права и морали [2]. Примерно то же утверждает в работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер применительно к нравственным основам предпринимательской и трудовой деятельности приверженцев протестантизма в Европе. Он ссылается на учение Мартина Лютера, из которого следует, что подлинная вера проявляется не во внешних атрибутах религиозного культа, а в добросовестном выполнении своих социальных и профессиональных обязанностей. Культивируемая столетиями подобная нравственная позиция сформировала в сознании подавляющего числа сторонников протестантизма устойчивую нравственную установку на добросовестное служение общественному долгу [3 с. 99–101]. Из традиционного со времен Древней Греции и Рима понимания труда как проклятия современная цивилизация создала новую модель нравственного поведения в сфере предпринимательской и трудовой деятельности. При этом честность, порядочность и добросовестность во взаимоотношениях, утратив религиозный ореол, на практике доказали свою высокую эффективность. Можно сказать, что для возникшего на базе протестантской этики типа удачливого и рачительного предпринимателя, добропорядочность и законопослушность превратились в первостепенную ценность в силу их выгоды и обеспечения надежности.

В России исторически сложилась иная ситуация. Господство административно-командной системы, сосредоточение власти в руках чиновничьего аппарата порождали высокий уровень коррупции и воровства. Петровские реформы эту проблему не только не решили, но скорее, усугубили. Отечественный нравственный климат на стыке веков в сфере промышленности и торговли, отличался недостатком развития честности, от чего пада-

ло и благосостояние народа. Однако мощный рывок, который сделала Россия именно в этот период, был связан прежде всего с появлением новых нравственных тенденций в сфере деловых взаимоотношений. Рассмотрим это на примере российского купечества.

Купеческое достоинство во многом основывалось на добросовестности. Если принять во внимание, что многие купцы, выходцы из вчерашних крепостных, были вообще неграмотными и для них составление, прочтение и подписание договора (купчей крепости) было непосильной задачей, то гарантией добросовестности становилось честное купеческое слово, крестное знамение и рукопожатие («ударить по рукам»). Купец свято дорожил данным обязательством. Нарушивший слово купец 1-й гильдии подвергался процедуре «стирания в порошок» со стороны равных ему по статусу: его фамилию писали мелом на доске и тряпочкой стирали. С этого момента долг прощался, но из 1-й гильдии он исключался и лишался права появляться в купеческом собрании данного уровня. Виновный передавался на суд Божий. С.Ю. Витте отмечал, что под честное слово в государственном обороте находилось до пятидесяти миллионов рублей купеческих денег. Известно, что девизом газеты деловых кругов России «Биржевые ведомости» было утверждение: «Прибыль выше всего, но честь выше прибыли». Сократ утверждал, что самый счастливый человек тот, кто добродетелен, справедлив и властен над собой. Из русских купцов едва ли кто читал Сократа, но аналогии напрашиваются сами собой. В сознании русских крестьян XIX в. прочно коренились принципы православной морали, единственной гарантией которой был стыд, т. е. моральный страх греха и бесчестия.

Как всякая этическая категория, добросовестность антиномична, т. е. ей противостоит недобросовестность, которая может принимать различные формы. Недобросовестность может проявляться в распространении заведомо ложной информации о конкуренте, о низком качестве его товаров и услуг, либо, напротив, о преимуществе собственных, в корыстном использовании коммерческой тайны и товарного знака. Недобросовестная конкуренция явление повсеместное, во всем мире с ней ведется борьба, и хотя искоренить ее полностью, как всякое делинквентное поведение, едва ли возможно, тем не менее свести к минимуму вполне реально. Однако следует иметь в виду, что этого можно достичь только с помощью комплекса мер в отношении различных структур, прямо либо косвенно влияющих на регулируемую сферу. А поскольку в основе всякой нравственности, а стало быть, и добросовестности, лежит

интерес, то необходимо создать такие условия, при которых недобросовестность будет невыгодна¹.

Между добросовестностью как прочной нравственной установкой и недобросовестностью как жизненной позицией, допускающей, а также и предполагающей подобный способ поведения, располагается immoralная позиция личности. Immoralная добросовестность – вынужденное правомерное поведение в силу обстоятельств. В ее основе также может лежать трезвый расчет, что отнюдь не исключает недобросовестности при отсутствии сдерживающих факторов.

Добросовестность в любом случае имеет субъективное начало. В основе ее может лежать следование божественным заповедям, и тогда человек должен соотносить свой нравственный мир с определенной конфессией, от нравственных ценностей которой он не может отступать в силу религиозного убеждения. Также в основе может быть рациональное начало, в частности достижение чувства определенного душевного комфорта от исполненного долга. Моралисты XVIII в., утверждавшие утилитарный характер морали, полагали, что мотивом нравственного поведения, и в частности добросовестности, может быть собственный интерес, выражающийся в совершенно конкретной материальной выгоде. Добросовестное поведение в сфере бизнеса является одним из важнейших условий надежности в достижении стратегических целей.

XX век явился периодом серьезных испытаний для нравственных основ цивилизации в планетарном масштабе. Две мировые войны, по меткому замечанию Томаса Манна, «выпестовав варварство и алчность, сильно понизили общий интеллектуальный и моральный уровень». Что касается России, то ее нравственные устои были значительно подорваны Гражданской войной и последовавшим за ней тяжелейшим голодом, что даже по признанию лидера большевиков привело к одичанию народа [4 с. 60]. Крушение нравственных устоев стало печальным следствием революционных изменений, связанных с распадом Советского государства и изменением экономической политики в России. Бизнес 90-х годов выражал явное пренебрежение в отношении каких-либо моральных категорий. Критерий добросовестности бизнеса как оценочный и мало совместимый с

¹ Доказательством того, что в основе нравственности лежит интерес, служит «золотое правило нравственности», смысл которого в том, чтобы не делать никому того, чего не желаешь себе». Оно появилось в разное время у разных народов. Близкие по значению мысли на этот счет мы находим у Конфуция, Хилона, Иммануила Канта и др.

задачами первоначального накопления капитала оказался вне поля зрения законодателя и правоприменителя. И даже если необходимость добросовестного поведения сторон не отрицалась, принцип свободы договора в сочетании с правовым позитивизмом привели в итоге в практике применения правовых норм к максимальной выгоде одной из сторон без учета интересов, а зачастую в нарушение интересов другой. В итоге мы получили систему, в которой закон позволил сильному диктовать условия слабому, а в случае чего умелое применение закона позволяло уйти недобросовестному контрагенту от ответственности. Суды, и в первую очередь арбитражные суды, использовались как инструмент в достижении целей, допустимых с точки зрения закона, и в то же время недобросовестных с точки зрения обычного, ожидаемого поведения участника гражданского оборота. Таким образом, подрывалась основная идея права, превращая его в орудие бесправия.

Сложившееся в 90-е годы в бизнес-среде понимание добросовестности поведения как проявления слабости вступает в противоречие с актуальными потребностями и приоритетами, предполагающими стабильность взаимоотношений сторон гражданских правоотношений. Добросовестность как проявление «мягкой силы» с одной стороны создает определенный нравственный барьер на пути использования сомнительных средств и приемов для достижения успеха и экономической выгоды, а с другой обеспечивает высокий уровень доверия партнеров, т. е. работает на перспективу. Так, например, недобросовестное поведение конкурента может на какой-то период времени создать для него определенные преимущества, но, будучи деянием противоправным, а следовательно, и нравственно несостоятельным, отнюдь не исключает неблагоприятных последствий, а также и утрату доверия и деловой репутации.

В нашей стране бороться с недобросовестностью контрагентов начала судебная практика. В первую очередь это связано с активной в последние годы своего существования деятельностью ВАС РФ, который совершил, по меткому замечанию С.Л. Савельева, мощный интеллектуальный рывок в области судебной методологии [5 с. 3]. На основе выработанных судами позиций были сформулированы рекомендации, направленные на защиту сторон правоотношений.

В первую очередь это касается субъектов предпринимательской деятельности как в отношениях между собой, так и в отношениях с потребителями. Так, например, ВАС РФ, толкуя норму закона, пришел к выводу, что банк, реализуя законное, с точки

зрения гражданского законодательства, право изменить процентную ставку в случае, предусмотренном договором, поступит недобросовестно, увеличив ее в два или более раза без достаточных к тому оснований [6]. Подобные правовые позиции предполагали восполнение законодательных пробелов или корректировку применения закона, допускавшего недобросовестное поведение контрагента, и играли важную роль как в защите нарушенного права, так и в развитии правового регулирования конкретных правовых институтов.

Заключение

На сегодняшний день уровень развития общественных отношений позволяет ставить вопрос о необходимости смены приоритетов путем отказа от либеральной парадигмы (в ее классическом виде) в организации гражданских правоотношений. Свобода поведения контрагентов, допускающая достижение целей любыми доступными средствами, должна иметь разумные ограничения, пределы, направленные на уважение интересов иных участников правоотношения. Однако очевидно, что как на каждом перекрестке нельзя поставить по полицейскому, также и закон не может предусмотреть всех возможных ограничений, обеспечивающих защиту прав и законных интересов в каждом конкретном правоотношении.

Эта функция может быть возложена на основные начала гражданского законодательства, и законодательное закрепление принципа добросовестности ознаменовало второй этап развития правового регулирования гражданских правоотношений. В 2013 г. статья 1 ГК РФ была дополнена формулой, предусматривающей обязательность добросовестного поведения участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. Закрепление указанного принципа является еще одним шагом на пути преодоления деформации в сознании людей, вызванной трагическими событиями последнего столетия, а следование ему позволит создать надежную правовую базу для устойчивого развития страны на долгую перспективу, обеспечив при этом соответствующий моральный климат, поскольку «законы слабы без нравов».

Литература

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к процветанию: Пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
2. Новое Время. 1908. 3 июня.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 61–307.
4. Ленин В.И. Успехи и трудности советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 39–73.
5. Кардозо Б.Н. Природа судебной деятельности (Предисловие): Пер. с англ. М.: Статут, 2017. 112 с.
6. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11. П. 3.

References

1. Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST:Ermak Publ.; 2004. 730 p. (In Russ.)
2. New Time. 1908. June 3. (In Russ.)
3. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism. Weber M. *Selected works*. Transl. from German. Moscow: Progress Publ.; 1990. P. 61-307.
4. Lenin VI. Successes and difficulties of Soviet power. Lenin VI. *Collected Works*. Vol. 38. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.; 1969. P. 39-73. (In Russ.)
5. Cardozo BN. The Nature of the Judicial Process (Preface). Transl. from English. Moscow: Statut Publ.; 2017. 112 p. (In Russ.)
6. Information letter No. 147 of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated September 13, 2011 "Review of court practice in resolving disputes related to the application of the provisions of the Civil code of the Russian Federation on the loan agreement". *Vestnik VAS RF*. 2011. № 11. (In Russ.)

Информация об авторах

Владимир Ф. Калина, кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vfkalina@mail.ru

Анна В. Милохова, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; milokhov@mail.ru

Information about the authors

Vladimir F. Kalina, PhD in Philosophy, LL.M, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vfkalina@mail.ru

Anna V. Milokhova, LL.M, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; milokhov@mail.ru

УДК 343.533

DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-134-141

Проблемы реализации уголовной политики по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий

Евгений С. Смольянинов

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Академия управления МВД России, Москва, Россия, kimowez@mail.ru*

Михаил Ю. Воронин

Академия управления МВД России, Москва, Россия, m.voronin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается содержание высокотехнологичной преступности, ее характеристика, оценка общественной опасности преступности высоких технологий, проблемы противодействия киберпреступности.

Предпринята попытка анализа основных криминологических признаков, характеризующих эту сферу преступной деятельности. Дана классификация преступлений в сфере высоких технологий.

Обозначены основные проблемы реализации уголовной политики в сфере высоких технологий, предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: высокотехнологичная преступность, киберпреступность, информационные и коммуникационные технологии, уголовная политика России

Для цитирования: Смольянинов Е.С., Воронин М.Ю. Проблемы реализации уголовной политики по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 134–141. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-134-141

Problems of implementation of the criminal policy on combating high-tech offenses

Evgeny S. Smolyaninov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia; kimowez@mail.ru

Mikhail Yu. Voronin

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, m.voronin@mail.ru

Abstract. The article deals with the content of high-technology crime, its characteristics, the assessment of the public danger of high-tech crime, the problem of countering cybercrime.

An attempt was made to analyze the main criminological characteristics that characterize this sphere of criminal activity. There is a classification of crimes in the field of high technology.

The key issues for the implementation of the criminal policy in the field of high technologies are indicated, ways of their resolution are proposed.

Keywords: high-tech crime, cybercrime, information and communication technologies, criminal policy of Russia

For citation: Smolyaninov ES., Voronin MYu. Problems of implementation of the criminal policy on combating high-tech offenses. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 2018;3(13):134-41. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-134-141

Введение

Согласно данным исследования «Лаборатории Касперского» с участием более 350 представителей индустриальных организаций по всему миру, включая Россию, за 2017 г. каждая вторая промышленная компания в мире пережила от одного до пяти инцидентов в сфере высоких технологий – они затронули критически важные инфраструктуры или автоматизированные системы управления технологическими процессами. На устранение последствий этих инцидентов, случившихся в течение года, каждая компания потратила в среднем 497 тысяч долларов¹.

Опрос, проведенный «Лабораторией Касперского», также показал, что столкновение с угрозами не стало неожиданностью для промышленных предприятий – три четверти компаний допускают вероятность пострадать от компьютерных атак. Более того, 83% респондентов считают себя хорошо подготовленными к тому, что в их промышленных инфраструктурах может произойти какой-либо инцидент.

Больше всего на сегодняшний день компании опасаются возможности заражения вредоносным программным обеспечением. И реальность показывает, что это не напрасно – 53% пострадавших от инцидентов предприятий подтвердили случаи столкновения с различным вредоносным программным обеспечением.

¹ Киберпреступность в мире: Состояние киберпреступности в различных регионах мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения 15 сент. 2018).

Криминологическая характеристика преступлений в сфере высоких технологий

Большинство преступлений в сфере высоких технологий носит скрытый характер. Мировой и российский опыт свидетельствует, что компании-провайдеры услуг связи и интернета порой скрывают недостатки программных и аппаратных комплексов, факты клонирования средств связи, хищения информации и услуг по соображениям престижа и сохранения клиентов, что является обманом клиентов и способствует безнаказанности преступников. Да и пользователи Интернета далеко не все готовы соблюдать правовые нормы.

При этом постоянно расширяющиеся возможности таких программ способствовали трансформации деятельности преступников в один из профессиональных подвидов корыстной преступности, позволяющей осуществлять атаки на различные сферы.

Необходимо отметить и тот факт, что преступность в информационной и телекоммуникационной сфере не коррелируется с общей динамикой преступности в России, показывающей снижение ее уровня. И если в 2013 г. было зарегистрировано 11 104 подобных преступления, то уже в 2016 г. зарегистрировано 65 949 преступлений. Произошедший в 2015–2016 гг. шестикратный рост зарегистрированных и находящихся в производстве преступлений в информационной и телекоммуникационной сфере обусловлен не только несовершенством статистического учета, связанного с необходимостью разграничения преступлений, совершенных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, от преступлений, совершенных непосредственно в информационной и телекоммуникационной среде, но и доступностью программных средств, позволяющих совершать киберпреступления даже слабо подготовленным пользователям.

Необходимо обратить внимание на то, что к числу преступлений, совершаемых непосредственно в информационных и телекоммуникационных сферах, относятся:

- неправомерный доступ к компьютерной информации, статья 272 УК РФ;
- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, статья 273 УК РФ;
- нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, статья 274 УК РФ.

Существуют процессы, обусловленные качественными преобразованиями, которые не отражаются в статистических данных. Например, анализ нотифицированных вредоносных компьютерных программ, используемых для осуществления DDoS-атак, указывает на то, что в последнее время они все чаще ориентированы не на заражение отдельных компьютеров, а на заражение серверов, что делает атаку более мощной при использовании меньшего количества зараженных объектов. В связи с этим необходимо сделать вывод о постоянном и системном совершенствовании механизмов преступлений в информационной и телекоммуникационной среде. Указанное, в свою очередь, позволяет злоумышленникам совершенствовать механизм преступлений, совершаемых уже с использованием информационных и телекоммуникационных технологий.

Таким образом, мы говорим о существовании двух категорий преступлений. Первая категория включает в себя общеуголовные преступления, совершаемые с использованием компьютерных устройств и программ как средств совершения преступления, например в качестве хранилища либо устройства связи или распространения информации. Она включает в себя любые преступления, совершаемые при помощи компьютерных устройств, такие как распространение порнографии, сбыт или приобретение наркотиков, отмывание денег, незаконные азартные игры, пропаганда ненависти, совершение интернет-мошенничеств и использование этих технологий для хранения, укрытия или общения в уголовной или террористической деятельности. Также к этой категории можно отнести преступления, где компьютерное устройство может использоваться как орудие совершения преступления, например для изготовления поддельных денег, ценных бумаг или документов.

Вторая категория охватывает преступления, где компьютерные устройства или компьютерная сеть выступают в качестве предмета посягательства, например для совершения атак на информацию, компьютерные устройства и их системы. Это и является высокотехнологичной преступностью в сфере информационных и телекоммуникационных технологий и включает такие общественно-опасные деяния как несанкционированное использование компьютерной системы, взлом компьютера или любое несанкционированное использование или распространение данных, отказ в обслуживании и распространение компьютерных вирусов.

Необходимо отметить, что МВД России закрепило единый подход к разделению преступлений на деликты, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и на преступления, совершаемые непосредственно в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Данное разделение определило

порядок взаимодействия между подразделениями МВД России, разграничило зоны ответственности между ними и создало условия по оптимальному реагированию на вызовы и угрозы в данной сфере.

Таким образом, преступления, совершаемые с использованием современных технологий, не относятся к категории совершаемых непосредственно в информационно-телекоммуникационной среде. При этом используемые злоумышленниками интернет-технологии и средства подвижной радиотелефонной связи выступают исключительно в качестве современного удобного инструмента (способа) для поиска и общения с потенциальными жертвами в целях последующего совершения в отношении них противоправных действий экономической или общеуголовной направленности.

Другими словами, существует два глобальных вектора использования информационных и телекоммуникационных технологий в противоправных целях.

Во-первых, передовые технические разработки выступают в качестве новых инструментов, используемых при совершении преступлений. Злоумышленники активно внедряют их для совершенствования существующих преступных схем и поиска новых способов обогащения. Они помогают облегчить координацию деятельности организованных преступных групп и решить целый комплекс сопутствующих задач: от поиска жертв до переводов похищенных денежных средств и сокрытия собственного местоположения.

Решение указанных задач, как правило, не требует от преступников высокой квалификации и глубоких познаний в IT-сфере и в то же время позволяет значительно повысить эффективность их действий.

Этот фактор напрямую влияет на миграцию традиционных форм преступной деятельности в сеть Интернет. В первую очередь во всемирную сеть переместились наиболее простые виды мошенничеств: обман покупателей при продаже авиабилетов или создание интернет-магазинов с целью получения предоплаты за товар без последующей его поставки клиенту. Хищение реквизитов платежных карт с помощью поддельных сайтов кредитных организаций. Злоумышленники просят ввести конфиденциальную информацию: номер карты, срок действия, имя держателя, а также ПИН-код и SVC-код, указанный на оборотной стороне карты.

Вторым ключевым вектором являются угрозы со стороны киберпреступности, которые характеризуются тем, что информационные технологии выступают уже не только в качестве инструмента, но и являются собой среду, в которой совершаются преступления.

Именно в этой среде появляются совершенно новые виды угроз, которые ставят под сомнение не только финансовую безопасность

каждого конкретного гражданина, но и безопасность функционирования ключевых элементов инфраструктуры государства.

Противодействие преступлениям в данной сфере является основной задачей для БСТМ МВД России по линии «К», а именно: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, совершенных непосредственно в информационно-телекоммуникационной сфере, в том числе совершаемых путем вмешательства в функционирование электронных платежных систем дистанционного банковского обслуживания посредством несанкционированного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, изготовления или сбыта поддельных банковских карт с использованием специального оборудования (устройств) и (или) вредоносного программного обеспечения.

В информационной и телекоммуникационной сферах меняется качественный состав преступлений. Так, с каждым годом возрастает миграция традиционных форм преступной деятельности в киберпространстве. Все больше краж и мошенничеств совершается с использованием информационных технологий. В 2017 г. они составили 71% от общего числа зарегистрированных преступлений в информационной и телекоммуникационной сфере.

Представляет интерес структура преступлений в информационной и телекоммуникационной сферах.

За этот период не изменились показатели в абсолютных цифрах таких видов преступлений, совершенных с использованием названных технологий, как незаконный оборот специальных технических средств, распространение вредоносных программ, компьютерное пиратство. В то же время уменьшился их удельный вес в общем числе киберпреступлений за счет общего роста числа зарегистрированных преступлений, в основном квалифицированных мошенничеств.

Проблемы противодействия преступлениям в сфере высоких технологий

Практика свидетельствует о том, что одним из основных факторов, негативно влияющих на эффективность раскрытия таких преступлений, выступает межрегиональный характер преступной деятельности, направленной в отношении жителей других регионов, что затрудняет проведение следственных и оперативно-розыскных мероприятий. В частности, период ожидания ответов на все запросы, отправленные для установления цепочки ряда транзакций денежных средств, похищенных в результате мошенничества, превышает разумные сроки проведения предварительного следствия.

Это позволяет преступникам уничтожить следы и легализовать похищенные денежные средства.

Есть проблемы и при квалификации преступлений. Ярким примером может быть хищение денежных средств граждан с их расчетных счетов с использованием вредоносного программного обеспечения, которое квалифицируются в одних случаях как кража по статье 158 УК РФ, а в других – как мошенничество по статье 159.6 УК РФ.

Отмечаются и другие проблемы, лежащие в сфере квалификации. На сегодняшний день в деятельности территориальных органов МВД России сложилась практика, когда местом окончания мошенничества, совершенного с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, устанавливается место нахождения потерпевшего, а в других территориальных органах МВД России местом окончания такого мошенничества признается место выполнения виновным объективной стороны преступления. Это приводит к тому, что поступившее заявление без проверки и закрепления доказательств пересылается из органа внутренних дел, принявшего заявление, в орган внутренних дел, где обнаружены технические следы преступления и нахождения преступника. Подобные факты приводят к затягиванию сроков рассмотрения заявления, что в свою очередь влечет утрату следов преступления.

На решения имеющихся процессуальных вопросов повлияло подготовленное Следственным департаментом МВД России и направленное в территориальные органы предварительного следствия указание об исключении фактов неоднократного перенаправления материалов доследственной проверки в порядке статьи 152 УПК РФ и необходимости принятия процессуальных решений о возбуждении уголовных дел по месту поступления заявления о совершенном преступлении.

В качестве главных барьеров на пути реализации успешного судебного преследования выступают следующие факторы:

- значительный объем доказательств;
- короткий период времени, в течение которого поставщики услуг хранят информацию, требующуюся для целей расследования;
- необходимость обеспечения целостности электронных доказательств с момента выемки до момента завершения дела;
- неспособность организовать систему охраны доказательств при их передаче в отсутствие помещений с надлежащими условиями для хранения доказательств;
- невозможность предоставления доказательств в суде;
- необеспечение целостности доказательств в результате неправомерного обращения с ними сотрудниками правоохранительных органов.

Заключение

Подводя итоги, необходимо сказать, что киберпреступность – это вызов современному обществу, и его надо учитывать в качестве ключевого момента обеспечения безопасности граждан, общества и государства. Вопросы информационной безопасности необходимо рассматривать как ключевые направления не просто развития, они должны найти свое место в рамках любых управленческих процессов в сфере бизнеса, национальной безопасности и государственной службы.

Для обеспечения информационной безопасности требуется системная подготовка сотрудников правоохранительных органов. Необходимо, чтобы каждый сотрудник владел базовыми знаниями в области информационной безопасности, – в этом случае можно будет противодействовать хотя бы самым простым уловкам, которые часто используются злоумышленниками, таким, например, как рассылка вредоносных программ в приложениях к электронным письмам. Одних лишь информационных технологий еще недостаточно. Их роль заключается только в том, чтобы помогать людям в принятии правильных решений и совершении правильных действий.

Информация об авторах

Евгений С. Смольянинов, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Академия управления МВД России, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8; kimowez@mail.ru

Михаил Ю. Воронин, доктор юридических наук, доцент, Академия управления МВД России, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8; m.voronin@mail.ru

Information about the authors

Evgeny S. Smolyaninov, LL.M., associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 8, Zoya i Aleksandr Kosmodem'yanskie Street, Moscow, Russia, 125993; kimowez@mail.ru

Mikhail Yu. Voronin, JD, associate professor, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 8, Zoya i Aleksandr Kosmodem'yanskie Street, Moscow, Russia, 125993; m.voronin@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *Ж.П. Григорьева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 15.09.2018.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 8,9. Уч.-изд. л. 9,3.

Тираж 1050 экз. Заказ № 429

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru